

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Измайловъ.

On fait ce qu' on peut,
Et non ce qu' on veut.

~~~~~  
ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.  
~~~~~

~~~~~
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Морской Типографіи.
1818 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, предспавлены были въ Цензурный Комишешъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комишеша, другой для Депаршаменша Минисперсшва просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиошеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санкшпешербургъ, Іюля 2 дня 1818 года.

*Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тилковской.*

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

Июль 1818. № VII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПОЛИНЪ.

Элегія.

(Писано въ Таганрогѣ въ 1811 году.)

Ты хочешь знашь, мой другъ! какъ дни
мои текутъ?
Благодарю тебя, что ты въ странѣ да-
лёкой
Берешь участіе въ моей судьбѣ жестокой;
А въ ней участіе немногіе берутъ. —
Я чуждъ всѣхъ радостей, всѣхъ удовольствій
свѣта,
И здѣшнимъ жителямъ шайнственнымъ
кажусь
За то, что въ шумномъ ихъ собраньи не
кружусь.

Чего мнѣ въ немъ искашь безъ милаго пред-
меша?

Любовь, въ поскѣ своей,
Бѣжишь сообщества людей:
Она свидѣтелей не любишь

И меланхоліей питаешь лишь себя. —

Мой другъ! ничто во мнѣ чувствъ сладкихъ
не пробудишь,

Когда я опдаленъ злымъ рокомъ опъ себя.

Бродишь, уединясь, какъ шускый призракъ
ночи,

Въ палящій лѣпній зной ядъ воздуха гло-
пашь,

Пусынной дикостью печалишь помны очи

И мрачны горести безмолвію веѣряшь:

Вопъ, по прудахъ моихъ, опдохновенье

И для поскующей души успокоенье! . . .

Но слышенъ шумъ морской

И ропошъ волнь, вздымаемыхъ горой,

И въспровъ пагубныхъ уныло завыванье

Въ ущельяхъ береговъ.

Какой ужасный вопль и жалкое стenanье

Съ валами ярими борющихся пловцовъ!

Не грознаяль міровъ приближилась кончина!

Въ огняхъ весь горній сводъ, за громомъ

громъ гремишь,

Трясетъ швердынями разгнѣванна пучина

И вихрь клубящійся все рушишь и дро-

бишь. —

Умолкло все—и солнце красно
 Глядишься въ шихій океанъ;
 Лишь на душѣ моей ненастно,
 Непроницаемый шумань!

По зыби зеркальной пловцы не зряшь пре-
 грады;

На рдяныхъ лицахъ ихъ веселіе блеститъ:
 Одна любовь моя не чувствуетъ отрады,
 И на скаль со мной, задумавшись, гру-
 спитъ.

Нѣтъ друга, кшобъ дѣлилъ шоску мою со
 мною!

Я щещною не лщу надеждою себя:
 Кто весель и счастливъ, тому не до меня.
 Любимецъ счастья, незнаемый шоскою,
 Безъ горькой примѣси блаженство жизни
 пьетъ:

Онъ съ другомъ искреннимъ, къ нему лю-
 бовью страстнымъ,

Встрѣчаетъ радостно злашаго Феба свѣтъ,
 И восхищается его закапомъ яснымъ;

Потомъ, какъ за горой уже задремлетъ
 день;

Любовь и ночь ему готовятъ мирну сѣнь.

Блаженъ, кто надѣленъ подругой дорогою:

Онъ міръ свой и свой рай имѣетъ подъ
 рукою. —

Любовь—могущій чародѣй!

Она природу всю преображаетъ;

Она чудесной силою своей

Повсюду красоны и прелесть разсыпаешь.
И я въ счастливы дни ея волшебства зрѣлъ!

И для меня природа улыбалась!

Теперь волшебница любовь съ побой оспалась,
И я душой осирошѣлъ!

Ахъ! еслибъ ты, мой другъ! сюда пере-
селилась

И Геніемъ моимъ была:

Природабъ мершвая побою оживилась

И сновабъ жизнь моя цвѣла!

Но нѣтъ, прелестная! живи въ странѣ
прелестной;

Не для себя сія шуманная страна:

Гдѣ обитаешь ты, шамъ чище сводъ не-
бесной,

Свѣплѣе солнца лучь и радостнѣй луна.

Ты выглянешь въ окно—и тихими спруями

Излучиста рѣка сребрится предъ побой;

Ты выдешь—у себя подъ легкими спонами

Коверъ, разосланный природою самой.

Тамъ вѣюшь вѣтерки прохладны

И льешься изъ цвѣшовъ душистый аромашъ;

Въ кругу родныхъ спрѣлой несущся дни
опрадны;

Печали гибельны спокойства не мушаютъ.

Счастливы, кто воздухомъ роднымъ себя
пишашъ,

Для радостей вспашъ, для вѣги засы-
пашъ!

Давно ли и мои, въ весельи дни шекли?
 Я въ полнощѣ души воспоргамъ предавался:
 Давноль я леспною надеждою пипался
 Вкушашь съ побою рай небесной на земли?—
 Кого пы не плѣнишь наружностью, душою?
 И сами Граціи любятся побою;

Въ шебѣ одной ихъ образъ съединень;
 Твой умъ познаніемъ полезнымъ напоень,
 И всѣ мечты твои безъ горькихъ ощу-
 щеній,
 Въ кошорыхъ я нашель оправу дней моихъ;
 Твои друзья съ побой, съ побой пвой доб-
 рый геній —
 А я — съ одной поской, безъ ближнихъ, безъ!
 родныхъ!

Но если пы по мнѣ взгруспишь подь
 чась душою,
 Спѣщи разсѣять, грусшь, на аромашный
 лугъ:
 Тамъ будешь вѣрный другъ носитья надь
 побою
 И пвой покоишь помный духъ
 Въ лобзающемъ Зефира повѣваньи.
 Услышишь пы его въ прелишомъ щебе-
 таньи
 Попарно здѣсь и памъ порхающихъ пѣвцовъ;
 Онъ будешь, съ лисьями шепшашь свою
 любовь;
 Онъ будешь, милая, побою любовашься,
 Когда въ кристальной влагѣ водъ

Ты спанешь въ жаркій день прохладой освѣ-
жашься.

Не прудно угадашь незримый мой приходъ

По сладкому души томленью,

Или по страстному сердечному бѣенью.

Коль бѣла грудь твоя подымется волной,

Тогда навѣрное твоей дальній другъ съ тобой.

Когда же утренняя, вечернею порою,

Ни въ переливахъ пшницъ, ни въ щепощъ
липовъ,

Ни въ шихомъ вѣяннѣ прохладныхъ вѣшеровъ

Я не бесѣдую съ побою;

Когда безвѣстная попка тѣснитъ твоей духъ

И кладъ невѣдомый по жиламъ разольется,

Въ дали шуманной опзовешся

Послѣднее: *прости!* и поразятъ твоей слухъ

Надгробныя спенанья:

Тогда надеждъ моихъ прошли очарованья!

Тогда вздохни по мнѣ: меня ужь больше
нѣтъ! —

Но блѣдна тѣнь моя къ тебѣ не подойдетъ,

Чтобъ не пугать тебя могильнымъ приви-
дѣньемъ.

Безцѣнный другъ мой! ты робка!

Я буду на тебя съ душевнымъ восхищеньемъ

Взирашь издалека;

И за предѣлами могилы

Небесны прелести твои мнѣ будутъ милы.

Смерть не страшитъ меня; но, исполняя
попкой,

Быть вживѣ мерзвецомъ, страшнѣ всякой
муки! —

Ты говоришь: „ въ любви сердечной нѣтъ
разлуки;

„Кто любишь и любимъ, пошъ не одинъ—
душой:

„Онъ не разлученъ съ шѣмъ, кто сердцемъ
обладаетъ,

„И радость и печаль съ нимъ вмѣстѣ раз-
дѣляешь.“ —

Полина милая! Я слову швоему,

Какъ испинѣ сеяшой, какъ Богу самому,

До гроба буду вѣришь:

Ты Ангель—Ангелы не могушь лицемѣришь.....

А если я въ свою чреду

На чуждой споронѣ паду,

Сраженный горести рукою —

Хошь изрѣдка меня въ молишвахъ вспоминай,

И опдалѣнный прахъ, почшя своей слезою,

Люби меня въ другомъ — другому руку дай.

Ө. Рындовскій.

РОМАНСЪ.

Покажись, луна злая!

И пролей свой свѣтъ:

Здѣсь невѣста молодая

Друга сердца ждешь.

*

„Милой, молвишь: общался

Побываешь ко мнѣ—

Чу! въ долину шумъ раздался:

Скачешь на конѣ.

*

Знаешь шо онъ, моя шо радость!

Близокъ счастья часъ!

Въ сердце льется, льется сладость...

Слышу дружный гласъ!

*

Онъ ли—шо, мой обрученной,

Къмъ душа живешь? —

Нѣтъ не онъ: — въ бронѣ военной

Кшо — шо строй ведешь.

*

Чшожь ты сердце такъ засыло

Въ пламенной груди?

Ахъ! шо онъ, шо другъ мой милой!

Милой! погоди,

*

Погоди! ужель за славой

Подъ грозу мечей

Ты лепишь на бой кровавой,
Свѣшь моихъ очей! „

*

— Нѣшь! не славы тщешной виды
Нась влекушь въ поля:
Терпишь смершныя обиды
Руская земля!

*

Время грозное, военно:
Всюду звукъ громовъ!
Все, что въ мiрѣ намъ священо
Гибнешь ошь враговъ.

*

Нѣшь, шеперь зажечь не можно
Брачныя свѣчи:
Мнѣ шуда спремишься должно,
Гдѣ звѣняшь мечи!

*

Тамъ съ врагомъ мы крови ташу
Будемъ братски пить,
И вражду шамъ спашешъ нашу
Богъ и мечь судишь!

*

Можешъ бышь, мой шрупъ прикроешъ
Черный вранъ крыломъ,
Иль могилу мяѣ изроешъ
Вѣрный другъ мечомъ. . . .

*

Все равно — мнѣ наслажденьемъ
Больше жизнь не льстишь,
Коль опчизнѣ покореньемъ
Дерзскій врагъ грозишь.

*

Еслижъ споръ счастливой бипвой
Скоро мы рѣшимъ —
Жди меня, мой другъ, съ молишвой:
Буду ввѣкъ швоимъ.

Ө. Глинка.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Элегія.

Давно ли, о други! мы вмѣстѣ сидѣли
 Съ любовію въ сердцахъ и съ чашей въ
 рукахъ?
 Давно ли, о други! пѣснь Вакху мы пѣли
 На лирахъ неспройныхъ, на звонкихъ
 струнахъ? —
 Но время какъ вихорь пуспынный умчалось —
 Какъ вихремъ осеннимъ отброшено и я! —
 Одно воспоминаье о прежнемъ оспалось —
 Гдѣжь прежняя радость? — бѣжишь опъ
 меня!

*

О други! вѣшь счастья прямого на
 свѣтѣ —
 Блаженство и счастье одинъ шолько сонъ!
 Я думалъ бышь счастливъ въ любимомъ
 предметѣ —
 Мечталъ—и проснулся—и счастья лишёнъ.
 Я думалъ блаженство найши между вами,
 Чшобъ вмѣстѣ и радость и скорби дѣлишь;
 Но рока удары, увы! и съ друзьями.
 Мнѣ не дали счастья прямого вкусишь.

*

Ахъ! быспро промчались минушы мечпанья!
 Годъ счастья, блаженства, какъ мигъ про-
 лешѣлъ!

Въ слѣдъ всюду за мною одни лишь спра-
 данья —
 Терпѣнье, надежда — несчастныхъ удѣлъ!...
 Но скороль, о други! съ довольной душою,
 Опянь мы сберемся густыхъ липъ подъ
 шѣнь,
 И съ полнымъ фіаломъ, сребримымъ луною,
 По прежнему встрѣшимъ мы радости день.

Москва.

Z.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КАРТОНА, ПОЭМЫ
ОССУАНОВОЙ.

(*Клессаморъ* рассказываетъ о первыхъ битвахъ въ своей юности подъ начальствомъ *Колгала*, опца *Фингалога*.)

„Когда миръ священный царствовалъ,
Я плылъ въ легкомъ кораблѣ своемъ
Къ замку, крѣпкому Балклушскому.
Вѣспрѣ попушный вѣялъ въ парусы,
И корабль нашъ грудью черною
Уже пѣнилъ спруи Клушскія,
Три счастливыхъ дня и три ночи
Былъ я гостемъ *Рьютамировымъ*.
Я узрѣлъ прекрасну дочь его,
Я узрѣлъ—и полюбилъ ее.
Посѣдѣвшій средь мечей Герой
Опдалъ мнѣ мою любезную.
Грудь ея, какъ пѣна Лорина;
Очи—звѣзды полуночныя;
Волось черный—крыло враново;
Сердце—цѣжно, добродѣтельно.
Я пылалъ къ *Моинѣ* спрасшию,
Ей готовый вѣсмъ пожертвовашь.“

„Пришелъ сынъ иноплеменника,
Вождь, любившій бѣлогрудую,

Горделиво онъ вступилъ въ чертогъ,
 Обнаживши свой булапный мечъ.
 Гдѣ, вскричалъ онъ громкимъ голосомъ:
 Гдѣ *Колгалъ*, герой безшрепетный?
 Развѣ двигнулъ онъ полки свои,
 Что сей вишязь спалъ такъ дерзостень?—
 Робкій воинъ! я сказалъ ему:
 Горделивая душа моя
 Пламенѣшь огнемъ мужесства.
 Я беспырашенъ прошивъ тысячей,
 Но здѣсь храбрыхъ шеперь нѣтъ со мной.
 Вишязь чуждый! рѣчь горда твоя
 Ошъ того, что *Клессаморъ* одинъ.
 Ты мечъ видишь на бедръ моемъ?
 Онъ всю гордость истребитъ швою. — “

„Честолюбіе воспрянуло.

Мы ударили другъ на друга —
 И мой грозный мечъ сразилъ его.
 Берега Клушы услышали
 Его славное паденіе.
 Взволновались всѣ воины
 И оружье засверкало вкругъ.
 Мечъ свирѣпствовалъ въ рукъ моей;
 Но ничшо не помогало мнѣ —
 Уступилъ иноплеменникамъ
 И искалъ въ Клушѣ спасенія.
 Выплылъ въ волны я лазоревы;
 А *Моина* на берегу крупомъ
 О супружномъ удаленіи

Проливала слезы горькія;
 Распущенные вѣтры ея
 Сильнымъ вѣтромъ развѣвалися,
 И я слышалъ, какъ рыданія
 Разносились по окрестностямъ.
 Ахъ! я часто обращалъ корабль!
 Море сильно волновалось,
 Я не могъ достигнуть пристани!
 Съ сего времени опчанья
 Не видалъ я болѣ Клупскихъ водъ,
 Не видалъ *Моины* милья!
 Ахъ! въ Балклучѣ ея нѣшь шеперь;
 Уже чистая душа ея
 Оплетѣла въ спраны горня.
 Я зрѣлъ шѣнь ея — въ ночь мрачную
 Духъ париль надъ шихой Лорою.
 Онъ подобенъ былъ молодой лунѣ,
 Когда сквозь туманныхъ облаковъ
 Проливаетъ слабый, помный свѣшь. “ —

Пойте, Барды! говорите *Фингалъ* :
 Восхвалише бѣлогрудую,
 Призовише милый духъ ея
 На священные холмы сіи;
 Пускай вѣчно онъ покоишся
 Съ красопами здѣсь Морвенскими
 И свѣпилами минувшихъ дней.
 И я шѣны зрѣлъ Балклучскія,
 Видѣлъ шѣны опустѣвшія.
 Яркій пламень шамъ въ чершогакъ ихъ,

Не слыхашь ужь кликовъ радости;
 Спѣны пали въ Клушу грозную,
 Соврашивъ ея печеніе.
 Кусшъ шерновника качалъ головой
 Ошъ порывовъ вѣпра бурнаго.
 Въ мрачныхъ спѣнахъ полуночныя
 Пшицы, вѣшницы нещасія,
 Наполняюшъ крикомъ жалобнымъ
 Сводъ, гдѣ прежде раздавалися
 Гласы празднества и пѣніе,
 И въ жилищѣ бѣлогрудыя
 Спало пусто и безмолвно все.
 Пойше, Барды! пѣснь печальную
 О спранѣ иноплеменниковъ!
 Они пали предъ *Фингаломъ* всѣ;
 Тотъ же жребій ждешъ всѣхъ воиновъ.
 Ахъ! почто черпоги спроишь ты,
 О любезный сынъ, крылашихъ дней?
 Нынѣ ты зриаешь съ гордостью
 Съ высошы ужасныхъ башень сихъ;
 Завпра—дикій вѣпръ полуночный
 Будешъ вышь на ихъ развалинахъ,
 И свиспашъ въ полураспавшемся
 Прежде спрашномъ есмь щитѣ швоемъ.
 Но пускай придетъ пусшынный вѣпръ.
 Будешъ время—мы прославимся!
 Мечъ мой грозный не забудешся
 Между славными пошомками;
 Мое имя не изгладитсся
 Въ пѣсняхъ Бардовъ, мнѣ приверженныхъ!

Ахъ! когда зашмишься, солнце, ты —
Если свѣшъ швой полько временный
Какъ плачевна жизнь Фингалова —
Наша слава проживешъ тебя!

Москва.

Съ Англійскаго Z.

КЪ НАТАЛЬѢ.

Дочь радости безпечной
 И юности златой,
 Нашалья! что съ шобой?
 За что безчеловѣчной
 Ударь болѣзни злой
 Прогналъ улыбки сладость?
 Твой взоръ блесшилъ слезой!
 Задумалася радость!
 Ты смутно подь окномъ,
 Подпершись локошкомъ,
 Сидишь, склонясь уныло,
 Читаешь и плашвомъ
 Лице скрываетъ мило. —
 Гдѣ нравъ веселый швой?
 Скажи: за что Судьбой
 Простуда въ наказанье
 Ниспослана тебѣ?
 Рѣши мое незнанье.
 Возможно ль чистотѣ,
 Невинностью блаженной,
 Душѣ столь опкровенной
 Чѣмъ Небо прогнѣвишь?
 Нѣтъ, нѣтъ не можешь бышь,
 Чтобъ праведные боги,
 Сердце не знавъ цѣнишь,
 Къ Нашальѣ были строги;
 Нѣтъ, нѣтъ не можешь бышь! —
 Но, милая, простишь

Захочешь ли Поэшу,
 Когда Судьбы законъ
 Тебѣ одной, не свѣшу,
 Тихонько, по секрету,
 Открышь захочешь онъ?
 Проспишь ли откровенье?
 Я знаю преступленье:
 Проказникъ Купидонъ
 Тобою оскорбленъ.
 Ты вспомни день веселый,
 О Свяпкахъ вечеркомъ,
 Когда шупливый Момъ
 Тебѣ колчанъ и стрѣды
 Амура подарилъ.
 И богомъ легкокрылымъ
 Тебя онъ нарядилъ;
 Когда со взоромъ милымъ,
 Злапья по плечамъ
 Ты кудри распустила,
 И Время приманила
 Забавы къ берегамъ *);
 Какъ пы, владѣвъ стрѣлами,
 Играла всѣхъ сердцами:
 Тобой обвороженъ,
 Всякъ думалъ восхищенной,
 Чпо новый Купидонъ
 Явился для вселенной. —
 Но богъ сей оскорбленной

---

*) Дѣвица Н. И. предспавляла Амура въ піесѣ: *Любовь и Время. Прим. Сог.*

Хотѣлъ бышь опомщѣнь
 Сердецъ за похищенье;
 Разгнѣванный, въ слезахъ,
 Боговъ на небесахъ
 Просиль за дерзновенье
 Тебѣ послашь мученье.—
 Нашалья! вошь причина,
 (Свидѣшель Геній мой),
 За что сама Судьбина
 Такъ шушишь надъ шобой!

Э.

ВЪ АЛЬБОМЪ ДѢВЪИЦЫ N. N.

Въ опчизнѣ ль рокъ мнѣ изречешъ
 Найши себѣ могилу,
 Иль въ страны чужды повлечешъ
 Окончишь жизнь послылу;
 Палимъ ли буду зноемъ я,
 Иль цѣпенѣшь ошъ хлада;
 Зрѣшь въ изобиліи себя,
 Или блѣднѣшь ошъ глада :
 Повсюду образъ швой со мной
 Сопушникъ неизмѣнной,
 Доколь душевной красошой
 Съ шѣлесной съединенной

Я буду сердце услаждать;
 Плъняшь воображенье.
 Ахъ! для чего къ тебѣ пишашь
 Могу одно почтение?

Д. С.

*****

П. И. Р.

при сообщеніи ей списка съ бал-
 лады Жуковскаго.

Когдабъ я даръ Жуковскаго имѣлъ
 Плъняшь швое воображенье:
 Завиденъ былъ шогда бы мой удѣлъ,
 Завидно сердца наслажденье.

*

Но сговорясь съ Форшуною, меня
 Природа — мачиха лишила
 Своихъ даровъ, и щещно я, спешя,
 Молю, чшобъ служъ ко мнѣ склонила.

*

Напрасно все! судьбы нельзя перемѣнишь;
 И мнѣ одно лишь въ упшенье:
 Съ листа на листъ вѣрнѣй переложить
 Любимца швоего шверенье.

Казань.

Д. Са — оновъ.

*****

Надпись къ портрету В. А.
Жуковскаго.

Его сщиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ время въ пайнственную даль:
Услыша ихъ, воспламенился младость,
Безмолвная, утѣшился печаль
И рѣзвая задумаешся радость.

Александръ Пушкинъ.

~~~~~

БАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ.

Друзья! ахъ! кто изъ васъ
Не пожелалъ бы въ сей же часъ
Сомкнуть свои уста съ устами милой?
Хошите ли волшебной силой
Перенестися вдругъ
Въ объятія подругъ
И пить ихъ сладкое дыханье?
Къ устамъ покалъ!
Въ крови огонь страсти запылалъ,
И въ сердцѣ помно шрепешанье!

*

Друзья! ахъ! кто изъ васъ
Не пожелалъ бы въ сей же часъ
Лешѣшь, презрѣвъ ничтожныя забавы,
Орломъ во срѣшеніе славы?

Хошишель оцупишь
 Великое пворишь
 И силу и спремленье?
 Къ успамъ покаль!
 Препяшспвй рядъ предъ вами палъ!
 Вблизн желаній исполненье!

*

Друзья! ахъ! кто изъ васъ
 Слезь не лиль гореспныхъ подъ часъ
 Надъ свѣжею любезныхъ вамъ могилой?
 Хошише ли свой взоръ унылой
 Опъ бѣдспвй ошврапишь,
 И сердце оживишь
 Для сладкихъ оцущеній?
 Къ успамъ покаль!
 Весельемъ взоръ вашъ заблнспалъ!
 Гдѣ слѣдъ минувшихъ огорченій?

Казань.

Д. Са — оновѣ.

~~~~~

Ш А Р Р А Д А.

Не скоро первое достанешь безъ второва;
 А если имени какова
 Не хочешь повшорншь,
 Такъ цѣлымъ можешь замѣнишь.

Д. Са —

~~~~~

II. ЗАГАДКА.

П о в ѣ с т в ъ Ф. Л а у н а.

Вечеръ былъ прекрасный; гульбище наполнялось народомъ. Небольшое общество друзей случайно собралось въ главной аллеѣ. Все занимало, все веселило молодыхъ людей; каждый встрѣчающійся подавалъ имъ новую матерію къ разговорамъ, новый предметъ къ пересудамъ. Здѣсь нѣсколько спекуланшовъ—съ какимъ шаинсшвеннымъ видомъ перешепшывающся они между собою! Тамъ чеша новобрачныхъ—какъ нѣжно, какъ умильно поглядываютъ они другъ на друга! Вошь несчастный съ пошупленнымъ взоромъ—щещно думаешь онъ разсѣять шоску свою! Вошь надмѣнный—съ важностію высщупаешь онъ, озираешся вокругъ себя и не находишь кого бы могъ удоспоишь своею бесщдою!

„При такихъ гульбищахъ—сказалъ Генрихъ—споило бы право завести особаго Исторіографа.“—Въ самомъ дѣлѣ—подхващилъ Рейнгольдъ.—Сколько

обильныхъ предметовъ и для самаго обыкновеннаго наблюдателя! Коспюмы, спранности, контрасты, сравненія, разговоры — въ одинъ лѣшній вечеръ можно бы составишь цѣлую книжку и эша книжка — увѣряю — была бы непослѣднею изъ шѣхъ, копорыми наполнены наши библиотеки *для тенія*. Для всякаго любопышно прочесъ шакое сочиненіе, найши въ немъ поршрепы своихъ знакомыхъ и можешъ бышь — свой собспвенный. — Такъ молодой мечшашель расплодилъ шупочную мысль своего друга и вздумалъ даже упрекнуть правишельство, что оно давно не позабошилось завести для удовольшвія публики *бытописателя гульбищъ*.

„Для удовольшвія?—Не думаю! сказалъ, прерывая его Вилліамъ. Какъ ни занимапельны были бы шакія лѣшписи, но я увѣренъ, что при первомъ появленіи ихъ въ свѣшь опусшѣли бы всѣ гульбища. Кому пріятно идти шуда, гдѣ замѣчаютъ каждое движеніе, записываютъ каждое неоспорочно сказанное слово. Признаюсь, я первый не сдѣлалъ бы въ шакое мѣсто ни шагу.

Конечно, ты правъ, Вилліамъ—примолвилъ Леопольдъ. Еслибъ исполнишь то, что — безъ сомнѣнія для одной только шутки—зашѣваешь Рейнгольдъ, то намъ пришлось бы ходить здѣсь, какъ въ пустынь; да и самъ господинъ Исхоріографъ, соскучась уединеніемъ и бездѣльемъ, скоро попросилъ бы себѣ отсавки. Кромѣ того, случилось бы ему иногда видѣть такія сцены, въ кошорыхъ, при всей своей проницательности, не могъ бы онъ понять ничего. Для примѣра расскажу вамъ происшествіе, кошораго я самъ былъ очевидцемъ; отдаю на вашъ судъ, можно ли вывести изъ него какое нибудь вѣроянное заключеніе.

ЛЕОПОЛЬДЪ НАЧАЛЪ РАЗСКАЗЫВАТЬ.

Будешь уже съ годъ, какъ я однажды въ самый жаркой полдень зашелъ сюда—разумѣешь не для прогулки—со мной встрѣшилась одна молодая, прекрасная незнакомка, и я невольно за нею послѣдовалъ. Она казалась чужестранкою и

вѣроятно была въ городѣ проездомъ. Въ жизнь мою не видалъ я такой прелесной женщины. Спроятность, свѣжестъ, умное лице, привлекательность во взорахъ—все было въ ней чудесно! Судя по наружности, не досцавало ей и образованности; по крайней мѣрѣ скромная походка и приличіе въ шло-движеніяхъ за нее говорили. И сколько прелесней въ пашнадаши лѣпней—не больше—дѣвушкѣ... подивилешь! —

Она была не одна: съ нею шли двое мужчинъ; одинъ — посарѣе ее годами шестью—смошрѣлъ на нее очень умильно; другой, Офицеръ въ какомъ-шо неизвѣсномъ мнѣ мундирѣ, довольно уже пожилый и казалось весьма умный человекъ. Онъ одинъ занималъ спутниковъ своею бесѣдою; дама оживляла ее шолько изрѣдка своими вопросами и замѣчаніями. И въ голосѣ и въ выговорѣ ея находилъ я чудесную привлекательность. Словомъ, она шакъ меня очаровала, что, не зная самъ какимъ образомъ, очутился я на скамейкѣ, прошивъ самаго шого мѣша, гдѣ она съла съ своими провожающими.

Они говорили между собою по Англински и довольно шихо, шакъ чпо, я не могъ всего слышашь и разумѣшь. Однако, сколько я могъ замѣнишь, дѣвушка и молодой человекъ любовались пріятною, окружающею ихъ зеленью и мѣлкими сквозь густоту деревъ лучами солнца; по равнодушной же усмѣшкѣ Офицера заключалъ я, чпо лѣша его не позволяли ему принимашь участія въ восторгахъ и мечпаніяхъ молодыхъ его слушниковъ.

Чрезъ нѣсколько минушь показался въ аллеѣ еще одинъ незнакомецъ, котораго они не скоро замѣнили. Этошь человекъ былъ шакже пріѣзжій, чпо заключилъ я по его дорожному плашью и по наемному слугѣ, который шель за нимъ. Онъ уже былъ довольно старъ, но имѣлъ весьма привлекательную и почтенную наружность. Съ примѣшнымъ безпокойствомъ оборачивался онъ съ лорнетомъ своимъ въ шу и другую сторону, и наконецъ, замѣшя моихъ сосѣдей, пошелъ прямо къ нимъ.

Молодой человекъ и дѣвушка пошчасъ вскочили со своихъ мѣсшъ; Офи-

церь шакже приподнялся. Первый схватилъ руку спарика и почтительно поцѣловалъ ее. Дѣвушка хотѣла сдѣлать поже, но — какъ вамъ эшо покажется? — спарикъ весь измѣнился въ лицѣ и шакъ сильно ударилъ ее по щекѣ, что она съ крикомъ опскочила и упала на руки къ Офицеру. Эшошъ въ бѣшенствѣ выхватилъ шпагу и пришелъ еще въ большую ярость, когда спарикъ — какъ мнѣ слышалось — сказалъ ему нѣсколько грубыхъ словъ. Но дѣвушка упала къ ногамъ Офицера и не прежде оставила шакое положеніе, какъ онъ вложилъ уже въ ножны свою шпагу. Между шѣмъ и спарикъ и молодой челоувѣкъ удалились. Я видѣлъ какъ они сѣли въ карешу, кошорая стояла у конца аллеи.

Прекрасная заливалась слезами. Склонясь на руку Офицера, она пошла медленно по аллеѣ. Печаль ея возбудила во мнѣ живѣйшее состраданіе. Я хотѣлъ было пойти за нею, однако не рѣшился, что бы не подать повода къ какимъ либо толкамъ, и подумавъ немного, пошелъ за карешою; но она ско-

ро скрылась изъ глазъ моихъ; между шѣмъ поперялъ изъ виду и первыхъ. И шакъ я ошался въ совершенномъ недоумѣннн. Была еще надежда узнать что ннбудь — ошъ наемцаго слуги, кошораго я видаль прежде въ какой-шо респорацин. Въ шошъ же еще день случай свель меня съ ннмъ; я спаль его разспрашивашь, но ни ошъ него, ни ошъ его хозяина, у кошораго оспанавливался прнѣзжнй, не узналь, чего мнѣ хошѣлось. Мнѣ сказали его имя, но по всему было видно, что оно вымышленное. Можешь бышь спарнкъ прнналь его съ шѣмъ, чтобы избавншься ошъ посѣщеннй городскнхъ жншелей. Слуга не могъ мнѣ даже пересказашь шѣхъ словъ, кошорые вырвались у спарнка прн вспрѣчѣ его съ Офнцеромъ, пошому что не зналь по Англнски. — Куда дѣвалась дама и гдѣ именно жила она, шого я шакже, сколько ни спарался, никакъ не могъ провѣдашь.

Ну, друзья мои, скажнше шеперь, какъ разгадашь эшу загадку, и какое могло бышь опношенне между эшнми людьми? Я съ своей спороны, сколько

ни ломать голову, но не могъ до сихъ поръ ничего понять изъ этого страннаго приключенія.

Тутъ начались между друзьями догадки и споры. Каждый утверждалъ свое. Вошь ошпрывокъ ихъ разговора; пусть чашпель, если угодно, приспанешъ къ кошорому нибудь изъ нихъ — или пусть пошрудитсѣ самъ вывести свои собственныя заключенія: гдѣ шрудъ, тамъ и забава! . . . . Но обратимсѣ къ нашимъ молодымъ друзьямъ.

„Правду скажешь, началъ Вилліамъ, пощечина на публичномъ гульбищѣ! — едва ли можешь это случиться съ порядочными людьми, какими казались мнѣ прежде твои знакомцы!“

Рейнгольдъ. Мнѣ такъ кажется, что они выдавали только себя за порядочныхъ людей, но не умѣли выдерживать роли.

Леопольдъ. Однакожь въ ихъ обхожденіи не было замѣшно ничего припворнаго. Приличіе не нарушалось — только пощечина!

Генрихъ (смиѣясь). Да, если такъ, по пощечина была шущь ужь очень не ксшапи.

Леоп. Однакожь изьяснишь ее мнѣ кажешся гораздо легче, нежели все оспальное, особливо когда подумаешь, какъ часшо вспыльчивосшь пресшупаешъ границы приличія.

Вилл. Положимъ такъ, и если удалось намъ општадуть главное, шо и все прочее можешъ обьяснишься. Напередъ спрашиваешся, охотно ли пошелъ молодой человекъ за шарикомъ или прошивъ воли?

Леоп. Весьма охотно, они пошли рука въ руку.

Вилл. О, такъ безъ всякаго сомнѣнія эшо были опецъ и сынъ или по крайней мѣрѣ близкіе родсшвенники.

Леоп. Конечно, въ эшомъ кажешся мы всѣ можемъ согласишься. Но кшожь были другіе, особливо дѣвушка? — Вошь шущь поломайше — ка голову.

Генр. Дѣвушка — она можешъ бышь вела иншригу съ молодымъ человекомъ, опцу было эшо неприянно и онъ при-

ѣхаль освободишь его изъ сѣней соблаз-
нишельницы.

Леоп. (улыбаясь). Инприга? — Гм! надобножь, чшобы сѣпи были очень пло-
хи, когда шакъ легко изъ нихъ выпушты-
ваюшся. Я говорю, чшо молодой чело-
вѣкъ пошелъ съ старикомъ безъ малѣй-
шаго принужденія, какъ будшо ему ни-
чего не оставалось болѣе дѣлать.

Вилл. Пришомъ, для чего жь бы вмѣ-
сто его всшупаться Офицеру?...

Генр. Такъ вошь чшо! Можешъ бышь
ошецъ хошѣль возбудишь ревность въ
сынѣ. Сшанешся, чшо Офицеръ былъ
предсшавлень ему предпочтеннымъ со-
перникомъ.

Леоп. Врядъ ли — пошому чшо рев-
ность придала бы по крайней мѣрѣ нѣ-
которую дикость его взору, между
шѣмъ какъ въ немъ примѣшно было
шолько одно огорченіе.

Вилл. Такъ положимъ еще, чшо дѣ-
вушка дочь старика: дурнымъ поведе-
ніемъ навлекла она гнѣвъ его и долж-
на была удалиться изъ дому. Ошецъ
услышавъ, чшо она живешъ у сына и
опасаясь пошеряшь ея инпригами и

и своего любимца, приѣзжаетъ, чшобъ удалишь его ошь безпущной сеспры.

Леоп. Эша догадка кажешся мнѣ еще невѣрояпнѣе. Ты, любезный Вилліамъ, забываешъ ея молодосшь и припомъ не видаль крошкаго и милаго ея лица. Но положимъ, судя по спранному поступку шарика, чшо она и очернила себя чемъ нибудъ въ глазахъ его — все паки кажешся не возможно пашнадашилѣпней дѣвушкѣ довести себя до того, чшобъ опецъ опрекся ошь нея совершенно. И самое приличіе не позволило бы ему покинушь ее одну въ публичномъ мѣспѣ съ Офицеромъ, кошорый обнажилъ прошивъ него свою шпагу.

Вилл. (смѣясь) Приличіе? А развѣ забль пы о пощечинѣ? Первая минуша гнѣва, въ кошорую онъ сдѣлаль Эшу непристойность, могла побудишь его и къ другой. А чшо, если припомъ Офицеръ бль ея любовникомъ и еще можешъ бышь пайно женашь на ней.

Рейн. Въ самомъ дѣлѣ; послѣднее заключение Вилліама кажешся совершенно его оправдываетъ и разрѣшаетъ загад-

ку. Прежде въ Офицерѣ замѣтно было больше холодности, нежели въ брашѣ — шупь всякой узнаешь хладнокровнаго супруга, копорый наконецъ, когда оскорбили жену его, явно себя выказываетъ, обнажая шпагу.

Леоп. Оспавыше свои гипотезы, друзья мои. Какъ въ ни умспвуйше, но меця по крайней мѣрѣ, ни въ чемъ не увѣрите. Чшобы судишь о совершенной невинности дамы, надобно было видѣшь вамъ ея непринужденную, искреннюю радость при появленіи спарика, что одно опровергаетъ уже всѣ ваши доводы.

Вилл. Однако спарикъ не увѣрился же шогда въ ея невинности?

Леоп. Спарикъ шупь совершенно ничего не доказываетъ, пошому что очевидно было его предубѣжденіе, кошорое удаляло опъ него всякую мысль о непринужденномъ и безпришворномъ видѣ дѣвушки. Нѣшь, что вы ни говорише, а я гошовъ назначишь, какую угодно сумму, въ награду шому, кшо согласишь всѣ прошиворѣчія въ эшомъ спранномъ приключеніи, и увѣрень, что деньги мои ошпанушся у меня.

Многое говорено еще было объ этомъ чудесномъ обстоятельстве. Съ разныхъ сторонъ старались его разсмащривать и все попустому. Между шьмъ народъ опвсюда спекался на гульбище и друзья изъ постороннихъ наблюдателей сдѣлались сами дѣйствующими лицами. Мало по малу каждый нашель знакомыхъ дамъ и такъ разспались, условясь однако сойтись къ ужину въ ближайшей рестораціи.

Въ назначенный часъ друзья собрались шамъ и забыли совсемъ о прежнемъ своемъ разговорѣ. Спустия нѣсколько минушь послѣ того, какъ они усѣлись по мѣстамъ, вошелъ въ комнату одинъ молодой человекъ. Онъ разсмащриваль ихъ очень внимательнo. Генрихъ, замѣщиль это первый и спросиль у своихъ товарищей, не знаешь ли кто изъ нихъ эшаго человека, кошораго видъ имѣлъ что-то необыкновенное.

Боже мой! вскричалъ Леопольдъ, это самый шотъ молодой человекъ, о кошоромъ я вамъ давиче разсказываль. Какъ къ стапи онъ пришелъ сюда!

„Государь мой, сказалъ тогда незна-

комый Леопольду, мнѣ очень памятно ваше лице и по странное приключеніе, которому вы были свидѣтелемъ. Смѣю ли просить васъ на минушу въ другую комнашу? “

Леопольдъ пошчасъ пошелъ за неизвѣстнымъ, который обратился къ нему съ слѣдующими словами. „Безъ сомнѣнія, Государь мой, вы здѣшній жишель. Сдѣлайте одолженіе, скажите, не встрѣчалась ли вамъ когда нибудь ша дама, о которой вы конечно вспомнили, увидя меня? “

— Въ первый и въ послѣдній разъ, ошвѣчалъ Леопольдъ, видѣлъ я еѣ вмѣстѣ съ вами; послѣ же того она нигдѣ мнѣ не попадалась. —

При сихъ словахъ тяжелый вздохъ вырвался изъ груди неизвѣстнаго. „А я было думалъ, сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минушъ молчанія, что найду еѣ здѣсь! “

— Городъ конечно великъ, продолжалъ Леопольдъ, но если бы случай свелъ меня гдѣ нибудь съ эшою дамою, то мнѣ нельзя было бы еѣ не замѣшшь, пошому что — признаюсь вамъ ошкро-

венно — хопя и не имѣю чеспи знашь ее, но принимаю въ ней большое уча-
сшіе.

„Эпо замѣшилъ, я и тогда, какъ имѣлъ удовольствіе сидѣшь напрошивъ васъ въ аллеѣ. Тѣмъ чуднѣе долженъ былъ вамъ показаться необдуманнѣйшій поступокъ опца моего.“

— Признаюсь, что такой поступокъ съ прекрасною, благородною особою до сихъ поръ оспраешся для меня загадкою. —

„Очень вѣрю, сударь! Горпензія вамъ понравилась — эпо не удивительнѣе: она плѣняла всѣхъ въ нашемъ домѣ. Поступокъ же опца моего — я хопилъ бы вамъ ошкрышь, что подало къ нему поводъ, но шеперь ошвлекаю васъ опъ друзей ващихъ.“

— Весьма одолжите меня, если расскажете. Давно желанное изъясненіе эшаго спраннаго случая будешъ для меня конечно самымъ лучшимъ занятіемъ. —

„И сама Горпензія должна опъ меня требовашь, чтообъ я оправдалъ ее въ глазахъ ващихъ.“

(окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

III. БУРНАЯ ОСЕННЯЯ НОЧЬ ВЪ ШОТЛАНДИИ.

(Пять Бардовъ, собравшись въ хижину
съ своимъ вождемъ Оскаромъ, поютъ:)

1^й Бардъ.

Мрачна и ужасна ночь сія; черные
облака носясь надъ холмами: луна не
проливаетъ блѣднаго свѣта, ни единая
звѣзда не сверкаетъ. Внемлю въ лѣсахъ
глухой шумъ вѣтровъ: шихо журчишь
пошокъ въ долину уединенной; пища
нощи на вершинѣ дерева оглашаетъ
крикомъ своимъ окрестности и пре-
вожишь сонъ героевъ, почившихъ въ
долину сей. Въ равнинѣ появляется
призракъ: эпо пѣнь война, сраженного
въ битвѣ. Она уже изчѣзаетъ—изчезла!

Слышу лай пса въ отдаленной хи-
жинѣ; робкій елень покоится на мши-
стомъ ушесѣ горы; слышишь шумъ по-
рывистаго вѣтра въ ближнихъ лѣсахъ -
шрепещетъ—осматриваешь—и снова
возлегаешь на мягкую траву. Быстрая
сѣрна дремлетъ надъ бездною. Пусто въ

равнинѣ — лисица и вѣспница нещастія сова памь обипаюшь. Одна, припаясь, споишь подь изсохшимъ деревомъ и ожидаетъ добычи; другая — на вершинѣ скалы.

Гореспный пупешеспвенникъ заблудился — съ безпокойспвомъ слѣдуетъ онъ печенію ручья и спрашишь ночныхъ призраковъ. Сполѣспній вязъ уступаешь силѣ вѣспра; вѣспвъ ломаешься и быспро уносишь въ долину; онъ слышишь легкіе споны тѣней — и холодный пошь покрываетъ чело его.

Бурна и облачна ночь сія; духи и привидѣнія въ равнинѣ: друзья, дайше убѣжище отъ мрака!

2^й Бардѣ.

Буря поднимается и крупный дождь низпадаешь на землю, горы колеблющя въ основаніяхъ, древніе дубы шрещашъ и валяпся. Сильный вѣспръ согналь съ холма звѣрей — и дождь заспавиль искашь убѣжища. Съ ужаснымъ шумомъ низвергаешь пошокъ съ ближней скалы пѣниспья свои волны. Бѣдный пупешеспвенникъ переходишь его:

слышите ли вопли? — Онъ погибаетъ. Звѣроловець пробуждается въ уединенномъ шалашѣ своемъ; раздуваетъ послѣднія искры. Мокрые псы шолпясь вокругъ его. У входа въ хижину два быспрые пошока сливаются и съ новымъ усиленіемъ мчатся по острымъ камнямъ въ долину. Заблудившійся пашухъ садится на камень въ опчаяніи; онъ ожидаетъ луны — пушеводисельницы несчастныхъ.

Духи бродящъ въ долину сей: слабые ихъ голоса мѣшаются со свиссами въшровъ; ихъ пѣсни — пѣсни грядущихъ въковъ. Дождь переспаетъ; въшеръ ушихаешъ; повсюду наводненіе; крупныя капли падаютъ съ кровли. Снова собирается буря; на западѣ носится мрачная туча. Бурна и ужасна ночь сія; друзья, дайше убѣжище отъ мрака!

3^й Бардъ.

Пустынный въшръ свисшилъ еще въ ущеліяхъ горныхъ и помаваетъ куспарниками; черныя ели падаютъ и соломенная кровля хижины сорвана бурей: быспро несущая сѣрые облака; ярко

мѣлькаюшъ между ими звѣзды.... Метеоръ, предвѣспникъ смерти, блискаешъ въ густотѣ мрака и оспанавливаешся на вершинѣ холма; при блѣдномъ свѣтѣ его я вижу на мшистой вершинѣ скалы низвергнутый дубъ! Но кто сей близъ пощока въ печальной одеждѣ? Вижу челнокъ, весла колеблюшся волною: юная дѣва сидишъ на скалѣ и взираешъ уныло на низвергающійся пощокъ. Она ожидаешъ любезнаго — видишъ на озерѣ челнокъ его. Ахъ! онъ разбишъ — разбросаны ошломки на берегу песчаномъ! Спонаы любезнаго ея мѣшаюшся со спонами вѣшровъ!

Градъ идешъ, снѣгъ валишъ большими хлопьями: вершины горъ побѣлѣли, вѣшры умолкли, хладна ночь сія; друзья, дайше убѣжище ошъ мрака!

4^й Бардъ.

Все умолкло, небо прояснилось; звѣзды блискаюшъ на небѣ; вѣшры умчались съ облаками: луна шихо восходитъ на вершины горъ; при блѣдномъ ея свѣтѣ блискаюшъ на деревьяхъ

лишья; она отражается въ спокойныхъ водахъ озера и въ горномъ попокѣ.

Земля покрыта желтыми лишьями, опломками деревьевъ; скирды хлѣба разбросаны по равнинѣ. Спокойна и тиха ночь сія; но кто сей, изъ обители почившихъ сномъ непробуднымъ? Вижу призракъ въ одеждѣ бѣлоснѣжной; черные волосы развѣваются вѣтромъ. Это дочь Оскара, храбраго нашего вождя — дѣва похищенная смертію на зарѣ юности. Приди, прелестная цѣнь, приди къ намъ! Ты одна составляла утѣшеніе героя.... Но дуновение вѣтра удалило отъ насъ призракъ. Свѣжій вѣтерокъ прогоняешь медленно съ равнинъ легкой шуманъ. Спокойна и тиха ночь сія; скалы осребрены сіяніемъ луны. Друзья, дайше насладишься прелестною ночью!

5^й Бардъ.

Ночь спокойна, но предвѣщаетъ бурю. Луна сокрылась за облаками, блѣдный свѣтъ ея просперся по холмамъ; повсюду глухой шумъ отъ волнъ морскихъ. Пошокъ мчишься со скалы и

предвѣстникъ утра начинаешъ свою пѣсню. Уже ночь совершила половину своего печенія; рыбарь просыпаешся въ шемношѣ — и раздуваешъ огонь. Звѣроловець, видя наспупленіе дня, зовешъ псовъ своихъ — они прибѣгають и толпятся вокругъ его. Напѣвая упреннюю пѣсню, онъ восходишь на холмъ; вѣшры разсѣяли облака; звѣзды блиспають. Упренняя заря еще далеко; онъ засыпаешъ на камнѣ сномъ безмяшежнымъ.

Слышенъ шумъ лисшьева въ лѣсахъ отдаленныхъ; слышно въ долинѣ журчаніе пихаго испочника. Луна скрылась за горы; послѣдніе лучи ея серебряшь верхи черныхъ сосень. Тѣни деревьевъ повсюду просшерлись. Тиха, но ужасна ночь сія! Друзья, дайше убѣжище ошъ мрака!

Оскаръ.

Пусть облака носятся на холмахъ; пусть привидѣнія бродяшь въ равнинахъ и заспавають шрепешають слабыхъ путешешественниковъ; пусть грозные вѣшры возмущають спокойствіе уединенныхъ лѣсовъ, пусть блѣдная

луна восходишь надъ горами или скрывается въ облакахъ чело свое; спокойна или мрачна ночь сія, но первые лучи солнца прогоняешь ее; день возникаетъ изъ мрака, но мы — горе намъ! — мы не оставимъ гробовъ нашихъ! Гдѣ наши сподвижники вѣковъ прошедшихъ? Гдѣ знаменитые вожди наши? — единое безмолвіе на поляхъ бывъ ихъ; едва примѣны останки пышныхъ гробницъ, надъ ними воздвигнушихъ: скоро, скоро и мы будемъ забыты! И эта хижина, гдѣ поемъ мы, разрушится; наши попомки не найдутъ и слѣдовъ ея. Они будутъ вопрошать спарцевъ: „гдѣ возвышались жилища опцевъ нашихъ?“

Воспойте пѣснь въ честь храбрыхъ, а ты, древній Бардъ, возвѣспи намъ подвиги минувшихъ вѣковъ, дѣянія знаменитыхъ Царей, Героевъ — и мы, объятые восторгомъ, радостно проведемъ послѣдніе часы ночи.

Москва.

Съ Англичскаго. Z.

IV. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ГЕНРИХА IV.

(Изъ Пустынника въ Провинціи
Г. Жуи.)

Генриху едва исполнилось пятнадцать лѣтъ, когда Карль IX въ 1566 году прїѣхалъ въ Неракъ (Nerac), чѣмъ посѣишь дворъ Наваррскій. Въ продолженіе двухъ недѣль, кошорыя провель онъ шамъ, игры и праздники безпреспанно слѣдовали одни за другими, и душою ихъ былъ всегда молодой Генрихъ. Карль IX любилъ спрѣльбу изъ лука: натурально, что она не была забыша и еще натуральнѣе, что всякой изъ придворныхъ, осперегался быць искуснѣе Короля. Одинъ только Генрихъ, кошорадо въ шо время называли еще уменьшительнымъ именемъ Henriot, съ перваго раза попалъ спрѣлою въ померанецъ, служившій цѣлью, и кошѣлъ по правиламъ игры спашъ первый въ рядъ спрѣлковъ, но Карль съ досадою ошшолкнулъ его прочъ. Пылкій Генрихъ ошсшупилъ нѣсколько шаговъ назадъ, положилъ спрѣлу на лукъ и при-

ѣлился въ своего прошивника; сей послѣдній поблѣднѣль ошь страха, спряшался за одного изъ своихъ придворныхъ, который былъ шолще всѣхъ, и велѣлъ опшацишь прочь эшаго дикаго ребенка.

На другой день началась снова игра; но Карль подь какимъ-то предлогомъ не явился къ ней. На сей разъ Герцогъ де Гизъ попалъ въ померанецъ и раскололъ его на двое шакъ, что онъ не могъ уже болѣе служишь цѣлью, а другаго померанца на шу пору не случилось. Тогда Генрихъ, увидѣвъ розу на груди одной пригожей дѣвушки, находившейся между зришелями, подбѣжалъ къ ней, взялъ у нея цвѣшокъ и прикрѣпилъ вмѣсто цѣли. Герцогъ выспрѣлилъ опяшь и не попалъ. Но Генрихъ попалъ въ самую средину цвѣшка и поднесъ прекрасной крестьянкѣ ея розу, не снимая съ спрѣлы, которая служила ей какъ бы шеблемъ. Дѣвушка покраснѣла и ея замѣшашельство сдѣлало большее надъ Генрихомъ впечатлѣнiе. Они взглянули нѣсколько разъ другъ на друга и почувшвовали нѣчто, до того

имъ неизвѣстное. — „Кто эта пригожая дѣвушка?“ спросилъ Генрихъ у шамошнихъ придворныхъ, провожавшихъ его въ замокъ. — Это Флёрешша, дочь садовника, который живешь въ маленькой бесѣдкѣ подлѣ конюшенъ. — (Эта бесѣдка цѣла еще и шерерь; въ ней хранятся садовничьи орудія): Съ сей минуты Генрихъ сдѣлался спрашнымъ охотникомъ до садоводства. Онъ выбралъ себѣ для обрабатыванія небольшой участокъ земли близъ бассейна, куда Флёрешша каждый день нѣсколько разъ приходила за водою. Тупъ работалъ онъ съ ошцемъ ея, не упуская ни одного случая видѣться съ нею и пользовался всякимъ предлогомъ.

Уже прошелъ мѣсяць съ тѣхъ поръ, какъ Генрихъ и Флёрешша начали *волоситься* другъ за другомъ. (Отсюда произошло Французское выраженіе: *conter fleurettes*.) Оба любили другъ друга, не зная хорошенько, что такое любовь. — Однимъ вечеромъ Флёрешша пришла къ бассейну нѣсколько позже обыкновеннаго: пѣніе соловья, журчаніе водомеша, восходящая луна развили въ обоихъ

чувства, доселѣ имъ неизвѣстные. Когда они возвращались ошшуда домой, Флёрешпа держала Принца подѣ руку, а онъ несъ на головѣ своей ея кувшинъ съ водою. Разсѣвавшись при концѣ парка, Принцъ весело побѣжалъ къ замку, а Флёрешпа пошла въ свою хижину медлѣнно и повѣся голову. Съ сего времени ходила она за водою гораздо позже прѣжняго. Отецъ ея не замѣчалъ эшаго, но Принцевъ Гофмейстеръ замѣшилъ, что Генрихъ всякой день въ извѣстный часъ пропадалъ изъ глазъ его; однажды прокрался онъ за нимъ посихоньку и нашель его — въ объятіяхъ Флёрешпы. Полагая на вѣрное, подобно Фенелону, что разлука есть лучшее и единственное средство противъ любви, ошвезъ онъ Принца назадъ въ По (Pau). При прогашельномъ его прощаніи съ Флёрешпою, послѣдняя была въ ошчаяніи. „Вы забудете меня, говорила она рыдая, и я умру непременно!“ — Генрихъ клялся ей, что вѣчно любилъ ея будешь. — „Ну — сказала она ему въ самую шу минушу, когда колоколь замка подаль знакъ къ ошвѣз-

ду — гдѣ бы вы ни были, здѣсь у бассейна, найдете меня всегда. — *всегда здѣсь!*“ повпорила она голосомъ, который никогда не выходилъ изъ его памяти.

Бодѣе года продолжилось его опсуш-спвiе. Генрихъ былъ уже не пошь, что прежде. Придворныя дамы Каптерины Медицисъ испощили все свое искусство, чшобъ испребить изъ мыслей его маленькую Флёрешпу. Бѣдняжка знала это и грустила въ пайнѣ. Часпо видала она издали, какъ Принцъ ходилъ прогуливаясь съ дѣвицею д' Ейель (d' Ayelle), и однажды не могла удержаться, чшобъ не показашъ ему себя. Съ намѣренiемъ пошла она по аллеѣ, по кошорой Принцу надобно было пройти съ ея соперницею. Блѣдность Флёрешпы и ея унынiе дѣлали ее еще прелесшнѣе. Искра прежней любви вновь загорѣлась въ груди Генриха. На другой день по ушпру пошелъ онъ къ ней, заспалъ ее одну и просилъ о свиданiи у бассейна. — „Въ восемь часовъ я шамъ буду“ сказала она, не опвода глазъ опъ своей работы. — Съ нешерпѣнiемъ пер-

вой любви ожидалъ Принцъ назначеннаго го часа. Наконецъ онъ ударилъ. Генрихъ ушелъ тайно изъ замка и побѣжалъ на условленное мѣсто — Флёрешшы еще не было. Онъ споялъ, ожидалъ, перялъ перпѣнне—наконецъ примѣшилъ на шомъ мѣстѣ, гдѣ шакъ часто сиживалъ съ Флёрешшою, вопкнушую въ землю маленькую палочку. Подходишь ближе и видишь, что эшо — спрѣла, ша самая, которую нѣкогда онъ ей далъ; около оспрія обернуша была записочка. Темноша ночи не позволяла прочесшь ее — съ сильнымъ біеніемъ сердца бѣжишь онъ въ замокъ и чишаешъ:

„Я обѣщала вамъ, что вы найдете
 „меня у бассейна. Можешъ бышь, вы
 „прошли подлѣ, не замѣпивъ меня.
 „Возвращишесь назадъ и поищете хоро-
 „шенько. — Вы не любите меня боль-
 „ше, и шакъ не оспавалось мнѣ болѣе
 „ничего.—Боже мой! просни мнѣ!“

Генрихъ угадалъ ужасный смыслъ сей записки — замокъ наполнился его сшenanіями. Сопни факеловъ бросились къ пруду. Тѣло несчастной вскорѣ было найдено; его похоронили меж-

ду двухъ деревь, кошорья спояшъ еще и шеперь. Опчаяніе Генриха было неописанно. И въ позднѣйшія лѣша свои не вспоминаль онъ о Флёрешшѣ никогда безъ истинной, сердечной горести. Изъ всѣхъ его любовницъ одна только она искренно его любила, одна только была ему вѣрна; но она не была *представлена* ко двору, не имѣла у Королевы *табурета*, не *работала* ни съ Министрами, ни съ Духовникомъ; она не дала Франціи ни законныхъ, ни побочныхъ Принцевъ, и попому Исторія не говоритъ о ней ни слова.

Д.

V. НѢЧТО О СЕРВАНТѢ И ДОНЪ-КИШОТѢ.

На первой страницѣ *Донъ-Кишота* сказано, что Рыцарь по субботамъ ѡбѣдалъ съ *duclos y quebrantos*. Большая часть переводчиковъ перевели сіе словами: *chagrins et gémissements* (печали и спенанія). *Пелисье* изъясняетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Ла-Манчи*, у паспуровъ было обыкновеніе приносить въ домъ къ своимъ хозяевамъ шѣла барановъ, умершихъ въ продолженіе недѣли. Вынувъ кости, мясо солили для домашняго употребленія, а кости раздробляли и варили изъ нихъ бульонъ. Авшоръ, примѣняясь къ горестному воспоминаію о потерѣ одной части спада и раздробленіи костей, употребляетъ выше приведенныя слова, означающія собственно печаль и сокрушеніе.“

Флоріанъ увѣряетъ, что первая часть *Донъ-Кишота* написана за одинъ пріемъ, и что *Сервантъ* не копѣлъ даже просмотрѣвъ своей рукописи; это доказываешь множествомъ анахрониз-

мовъ (погрѣшностей въ исчисленіи времени), копорые встрѣчаются въ этой части.

Сеніеръ-Ріосъ, въ трехъ прекрасныхъ изданіяхъ, обнародованныхъ по повелѣнію Королевско - Мадридской Академіи, вычисляеть продолженіе исторіи *Донъ-Кихота* слѣдующимъ образомъ:

28 Іюля 1604 года *Донъ-Кихотъ* выѣзжаетъ изъ дому и возвращается на другой день - - - - - 2 дни.

Осѣдлетъ дома - - - - - 18 —

Вшорой выѣздь его съ 17 Августа по 2 Сентября продолжается - - - - - 17 —

Возвращаетъ домой и остается у себя - - - - - 13 —

Выѣзжаетъ опять 3 Октября и возвращается уже 29 Декабря 87 —

По прибытіи домой дѣлаетъ боленъ и умираеть чрезъ - 10 —

---

165 дней.

т. е. пять мѣсяцовъ и двѣнадцать дней.

Хотя *Сервантъ* и полагаеть, что прешій и послѣдній походъ былъ вскорѣ послѣ двухъ предъидущихъ, однакожь по

исторіи героя его оказывающа, что между первымъ и послѣднимъ прошло десять лѣтъ, потому что *Донъ-Кихотъ* почитается еще живымъ въ 1614 году, во время изгнанія Мавровъ. Видно также, что письмо *Санки* къ женѣ его изъ Герцогскаго замка, писано опъ 20 Іюля 1614 года; что управительница, копорой въ первой главѣ было около сорока лѣтъ, въ послѣдней имѣешь уже пятьдесятъ одинъ годъ.

Сервантъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что главная цѣль его была уменьшитъ во многихъ людяхъ сильную спрассъ къ рыцарскимъ романамъ.

Сервантъ былъ выкупленъ изъ Алжирскаго плѣна въ 1580 году за пять сотъ ефимковъ; сумма сія заплачена часшію матерью и сестрою его, а часшію монахами *Св. Троицы*, изъ копорыхъ двое отправились нарочно въ *Алжиръ*, для искупленія еша восьмидесяти пяти плѣнныхъ, между коими видно имя *Михайла Серванта*, тридцати лѣтъ, уроженца *Алкалы де Генаресъ*.

Авторъ сей пришелъ почти въ ша-

кое же соспояніе, въ какомъ находился *Гораций* послѣ Филиппинской башали, ш. е. въ крайнюю бѣдноту, и принужденъ былъ сочинять комедіи, копорыя продавалъ, что бы не умереть съ голоду. Онъ написалъ ихъ двадцать пять или тридцать, и бралъ по 800 реаловъ (около 200 франковъ) за каждую.

Въ 1584 году женился онъ на *Доннѣ Каталинѣ де Салазарѣ*, и взялъ за нею приданого почти на 1.500 франковъ; болѣе половины онаго составляли винница, садъ и планшадія масличныхъ и миндальныхъ деревьевъ. Остальное заключалось въ мебелихъ и въ провизіи.

Донна Каталина оставалась по прежнему полною владѣтельницею эшаго имѣнія, и *Сервантѣ* далъ еще ей записъ въ 300 франкахъ, копорыя составляли шрешью часть всего его богатства.

На другой годъ онъ поѣхалъ въ *Севиллу*, гдѣ и пробылъ до 1598 года. Съ сего времени объ немъ ни чего не извѣстно было до 1604 года: онъ жилъ тогда въ *Валладолидѣ* и находился въ службѣ. Въ 1605 году, въ улицѣ, гдѣ была

Серваншова кваршира, случилось смершоубійство, и въ слѣдствіи, которое производилось по сему дѣлу, видно, что въ числѣ жильцевъ въ подвергнушихъ обыску домахъ были: *Михаилъ Сервантъ*, пятидесяти семи лѣтъ; *Донна Каталина*, жена его; *Донна Изабелла де Сааведра*, побочная дочь его, двѣица двадцати лѣтъ; *Донна Андреа* сестра его, два раза овдовѣвшая, пятидесяти лѣтъ; дочь ея двадцати восьми лѣтъ, и *Морія Севаллосъ*, осмнадцатилѣтній слуга ихъ. *Сервантъ*, сестра и племянница его, были посажены въ шюрму, и на другой день освобождены по поручишельству, но потомъ содержались еще нѣсколько дней подъ карауломъ дома. Съ возвращеніемъ двора въ *Мадридъ*, *Сервантъ* шуда же опправился, и кончилъ жизнь свою въ семь городѣ.

Сервантъ не переставалъ никогда жаловаться на бѣдность свою: не смотря на заслуги воинскія и липерашурную славу его, онъ не могъ выдти изъ крайняго положенія. Обманушый въ надеждахъ, которыя ему подавали, гонимый безпрестанно невѣжесвомъ и за-

висьпью, онъ рѣшился наконецъ удалитъ ся опъ обществѣ, и употреблялъ свободное время на окончаніе начашыхъ имъ сочиненій. Хотя онъ и пользовался пенсіономъ отъ Архіепископа *Толедскаго* и опъ Графа *Лелоскаго*, но пособія сіи были шакъ малы, что едва доставляли ему дневное пропитаніе. *Сервантъ*, въ послѣднюю болѣзнь свою, поспригся въ монахи Францісканскаго ордена. *Мильтонъ*, можешь бышь, разумѣлъ его, говоря о шѣхъ, кои хошяшь вше рещься въ рай подъ личиною *Св: Франциска* (*).

Сервантъ погребень былъ безъ всякой церемоніи, и самымъ бѣднымъ образомъ.

Въ Испанскомъ изданіи *Донъ-Кихота*, 1797 года, *Жуана Антоніо-Пеллисера*, находишся слѣдующее мѣсто:

„ *Михаилъ Сервантъ Сааведра*, послѣ семимѣсячной болѣзни, умеръ въ

(*) - - - - - to be sure of paradise,
Dying, put on the weeds of Dominick
Or in Franciscan think to pass disguised.

Апрѣля 1616 года, въ Мадридѣ, на семидесятомъ году. Въ этотъ же день умеръ и славный Англинскій Поэтъ *Шекспиръ*, пятидесяти трехъ лѣтъ. “

„Превосходная книга можеть иногда сдѣлать вредъ: доказательствомъ тому *Донъ-Кихотъ*. *Сервантъ* погасилъ пылкія мечпанія рыцарства, и съ сей самой минушы Испанія начала приходитъ въ упадокъ. — Опасно изцѣлять народъ отъ заблужденій, когда онъ бывающъ самою сущностью его нравовъ, и когда эти нравы не дѣлають никому зла. Есть слабости и предрасудки, заслуживающіе уваженіе.

Съ Французскаго.

А. Н — й.

VI. РОБИНЗОНЪ КРУЗЕ.

Робинзонъ Крузе, котораго любящъ читашъ и умные и невѣжды, и молодые и старые, и который одинъ могъ бы со- ставить библіотеку *Руссова Эмиля*, откуда получилъ сію таинственную пре- лестъ, насъ привлекающую?—Онъ описы- ваешъ новую природу, которая, одна- кожъ, представляешся намъ какъ бы въ самомъ существѣ; образованіе, благо- состояніе, приобрѣщаемое человекомъ самимъ собою, мало походитъ на вы- мысль; но при всемъ томъ книга сія имѣетъ заманчивость романа. Она не есть простое историческое повѣство- ваніе; но произведеніе генія изобрѣта- тельнаго и образцоваго. Для всякаго любопытно, кажется, узнать исторію споль достопримѣтельнаго шворенія. При появленіи онаго въ свѣтъ, и при жизни еще автора, почли его за сущій романъ, безъ всякой философической цѣли. По смерти же сочинителя, мно- гіе утверждали, что оно заимствовано изъ рукописей *Александра Селькир- ка*, которыя находились въ рукахъ ав-

шора. Такимъ образомъ и честь и геній *де Фое* были подвержены нареканію.

Теперь можемъ мы изслѣдовать исторію сего произведенія липшературы, съ самаго начала его до совершенной зрѣлости. Капитанъ *Бурней* (въ 4 части *Путешествій и открытій на южномъ морѣ*) объяснилъ описанныя *де Фоемъ* общояшельства, и, шакъ сказаъ, сообщилъ самый блиспашельный свѣсъ сему темному предмету. Миъ оспашаешя нежного прибавишь къ его изьясненію; но какъ нельзя почши искашь въ повѣспвованіяхъ пушешеспвій начала книги подобной *Робинзону Крузе*, шо я неизлишнимъ почель изложишь здѣсь все, что къ сему ни ошносися.

Приключенія *Селькирка* довольно извѣсны. Его нашли и оспавили на необитаемомъ оспровѣ *Жуана Фернандеца*, *В. Рожеръ* и *Е. Кукъ*. Сии мореплавашели издали въ 1772 году свои пушешеспвія вмѣспѣ съ исторіею *Селькирка* и совсѣми любопытными общояшельствами, которыя онъ самъ сооб-

щили имъ въ подробности. Описаніе сіе очень занимательно; оно было издано особо Капишаномъ *Бурнеемъ*, а потомъ въ *Британской Біографіи*.

Въ семь повѣствованіи, обнаженномъ всякаго украшенія, находимъ мы, пакъ сказашь, зародышъ *Робинзона Крузе*, и даже нѣсколько развишый; первое появленіе Селькирка: „онъ былъ „одѣшъ въ козыи кожи, и казался бо „лѣе дикъ, нежели дикія козы.“ — два шалаша имъ построены, одинъ для пригошвленія пищи, другой для отдохновенія; изобрѣшеніе доставашъ огонь посредствомъ шренія одного куска дерева о другой; скорбь, причиняемая ему недоспашкомъ хлѣба и соли, пока онъ не привыкъ безъ того обходиться; крайность, заставившая его ходить босикомъ, когда онъ износилъ свои башмаки; привычка къ сему имъ сдѣланная и послѣ съ шрудомъ оставленная; кровашъ собшвеннаго его изобрѣшенія и шюфякъ изъ козыихъ кожъ; приобрѣшенная способность, по ишощеніи пороховаго запаса, догоняшь кбзь скорымъ бѣгомъ; паденіе его въ пре-

пасшь вмѣстѣ съ козою, и какъ онъ, лишившись чувствъ, очутился, пришедъ въ себя, на козѣ, смершь кошорой, вѣроятно, спасла ему жизнь; приученные имъ козляша и кошки, служившіе ему забавой; игла, сдѣланная имъ изъ гвоздя, кошорую онъ употреблялъ для шитья кожъ при помощи понкаго ремня; лезвія, кошорыя онъ сдѣлалъ изъ желѣзныхъ обручей, когда ножикъ его совсемъ исперся; ушѣшеніе, кошорое онъ находилъ въ пѣніи псалмовъ; жилище, кошорое онъ для себя пригошовилъ и къ кошорому должно было всходишь по ушесамъ, куда нашедшіе его на оспровѣ слѣдовали за нимъ съ большимъ шрудомъ; пріятное мѣстодоложеніе сего жилища, усаженное деревьями и покрытое дерномъ; два шалаша его и многочисленное стадо козъ; наконецъ равнодушіе, съ какимъ онъ взиралъ на возвращеніе свое въ общество, ошъ кошораго онъ ошспалъ совершенно-вошъ маперіалы, представленные авшору *Робинзона Крузе* для составленія каршины; вы видите шупъ Европейца въ первоначальномъ состояніи

бышія человѣческаго, съ привычками и оспроуміемъ дикаго.

Въ слѣдующемъ году, послѣ изданія сего повѣствованія, *Селькиркъ* и его приключенія обратили вниманіе *Стеле*, ошъ кошораго сей моральный феномень не могъ укрышся. Въ одномъ изъ листковъ *Англичанина* (*The Englishman*) Декаб. 1713, онъ сообщаетъ разныя подробности о *Селькиркѣ*, съ кошорымъ имѣлъ случай самъ познакомиться, и говоритъ, что „ по одному виду и голосу „ его можно было бы угадать о долго- „ временной разлукѣ его съ обществомъ „ людей. Взоръ его былъ важень, хошя „ и довольно весель; казалось, онъ обра- „ щалъ мало вниманія на предметы его „ окружавшіе, какъ будто бы погружен- „ ный въ собственныя свои размышле- „ нія; онъ оплакивалъ часпо возвраще- „ ніе свое въ общество, кошорое не могъ „ до, говорилъ онъ, никакими удоволь- „ ствіями замѣнить для него спокой- „ наго уединенія.“ — *Стеле* упоминаетъ еще о другой странной перемѣнѣ, происшедшей въ семъ дикомъ человѣкѣ, кошорую онъ примѣщилъ спусшя нѣ

есколько времени послѣ того, какъ съ
 нимъ познакомился: „Хотя я обращал-
 „ся съ нимъ довольно часто, говоришь
 „онъ, однакожь, послѣ опусушевья,
 „продолжавшагося нѣсколько мѣсяцовъ,
 „вспрѣшившись съ нимъ, я не могъ
 „узнатьъ его, даже и тогда, какъ онъ
 „началъ со мною разговоръ. Короткое
 „обхожденіе съ подобными ему, среди
 „многолюднаго города, ошнало у него
 „дикой видъ, и совершенно перемѣнило
 „черты лица его.“

Сія занимательная подробность не
 могли не поразить *де Фое*; но, вѣроян-
 но, другому какому либо примѣчанію
 тогоже самаго автора обязанъ онъ и-
 спочникомъ своего творенія. — „Весь-
 „ма любопытно было, говоришь *Стеле*,
 „слышать *Селькирка*, кошорый былъ че-
 „ловѣкъ здравомыслящій, когда онъ раз-
 „сказывалъ о *разлитыхъ перельнахъ*,
 „происшедшихъ въ уль его въ продол-
 „женіе долговременнаго *уединенія*.“ —

Впрочемъ, сочиненіе *де Фое* не бы-
 ло произведеніемъ незапнымъ или пло-
 домъ воспламененнаго воображенія. Сей
 человекъ опличныхъ дарованій, участво-

вавший долго въ полипическихъ распряхъ, находившійся въ шюремномъ заключеніи, и наконецъ разбишый параличемъ, принужденъ былъ удалиться опъ общесства. Воспоминанія о *Селькиркѣ* на необитаемомъ его оспровѣ, и оживошворенныя чершы *Стелевой* кисши, представились воображенію *де Фое* посреди горешныхъ чувствованій, которыя наполняли душу его въ уединеніи. Сему-шо спеченію обшояпельспвъ обязанъ происхожденіемъ своимъ прекрасный романъ, изъ кощораго видно, что въ сосшояніи сдѣлашь человекъ, имѣющій пособія только въ самомъ себѣ, и какую швердосшь доставляешъ ему благочеспіе.

Самое лице *Пятницы* еспъ не совсемъ вымышленное. Одинъ природный оспровишянинъ, описанный *Далингеромъ*, подалъ сочинителю эшу мысль.

Робинзонъ Крузе былъ изданъ уже въ 1719 году, спусшя семь лѣщъ послѣ изданія приключеній *Селькирка*. *Селькиркъ* не имѣлъ никакого права жаловашься на *де Фое*; онъ доставиль генію сего послѣдняго машеріалы, ко-

шорыми могъ пользоваться всякой. — Если бы *де Фое* не написалъ *Робинзона Крузе*, то имя и исторія *Селькирка* были бы забыты, такъ какъ и многія другія. Впрочемъ, надобно опдашь *Селькирку* должную справедливосшь, что онъ разсказаль приключенія свои подробно и шакъ заманчиво, что онъ обрашили вниманіе *Стеля* и воспламенили геній *де Фое*.

Послѣ всѣхъ сихъ изъясненій, подлинносшь *Робинзона Крузе* не можешъ болѣе подвергашься сомнѣнію. Онъ опровергають совершенно то, что было нѣсколько разъ прошивъ него говорено, будшо бы *Селькиркъ* доставиль *де Фое* машеріалы къ сочиненію романа, и сей послѣдній заимсшвоваль изъ него все, и издалъ чужіе шруды въ свою пользу.

Испребисшь столь обидныя подозрѣнія шребуюшь и чешть и геній *де Фое*.

Изъ Bibliothèque Britannique. А. Н — ѱ.

VII. О ЭЛЕГИИ и ГЕРОИДѢ.

(Изъ Сульцеровой Теоріи изящныхъ искусствъ.)

Элегія собственно значить *плачевная пѣснь* и симъ именемъ можно бы называшь эпошъ родъ стихотворства, естлибы иногда Элегія не заключала въ себѣ и изображенія пріятныхъ чувствованій. Истинный характеръ ея, кажешся, состоишь въ томъ, что Стихотворецъ совершенно объятъ бываешь шикимъ чувствомъ печали, или крошкимъ веселиемъ, соединеннымъ съ нѣжносною, причемъ выражаешь ихъ привлекательнымъ и нѣскольکو подробнымъ языкомъ. Всѣ крошкія спраши, глубоко впечатлѣвающіяся въ сердце, и приводящія его въ легкое, но продолжительное движеніе; всѣ спраши, дающія духу сколько свободы, что онъ удобно можешь занимашься предметомъ ихъ, и слѣдовашь за чувствованіями во всѣхъ движеніяхъ принимаемыхъ ими — могушь бышь содержаніемъ для Элегии. Она не такъ пѣсно ограничена единствомъ чувства, какъ Ода, не подражаешь нимало пламеннымъ порывамъ

оной; ея выраженіе не споль быспро; но имѣеть понъ жалобный, приличный болѣе спраждущему и уже изнемогшему, нежели въ полномъ цвѣтѣ и силѣ мужества находящемуся чловѣку. Онъ въ собшвенномъ смыслѣ шамъ плѣнишелень, гдѣ понъ *Оды* часто безпорядочень, спремешелень или порывистъ. И пошому весьма справедливо издашель книги: *о геніи и согиненіяхъ Попе* называешъ *Элегію* „разговоромъ съ собою; исполненнымъ спраспи.“

И шакъ всѣ кропкія чувства, при кошорыхъ духъ нашъ находилсъ въ положеніи спраданія, какъ шо: жалобы на пошерю любимой особы, на невѣрность друга, на несправедливостъ и угнѣшеніе, на жестокостъ судьбы; удовольствіе, происпекающее опъ взаимнаго примиренія; выраженія благодарности, благоговѣнія и всякой другой, соединенной съ пріятною нѣжноспію спраспи, сосшавляють содержаніе *Элегіи*; а какъ она должна дѣйшвовашъ преимущественно на пріятное расположение духа: шо глубоко проникая сердце, ешъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ

родовъ Поэзіи, особливо въ томъ отношеніи, когда нужно бываетъ смягчать нравы, или направлять умы къ какому либо одному предмету. Напрошивъ того ей совсемъ не свойственны швердья, пылкія и героическія чувствованія; они составляютъ собственный удѣлъ *Оды*.

Греки избрали для своей *Элегіи* особенный размѣръ стиховъ, который удержали и Римляне; каждый ихъ стихъ состоялъ попеременно изъ одного *гекзаметра* и *пентаметра*, *versibus impraerite junctis*, какъ выражается Гораций, такъ что каждые два стиха вмѣстѣ составляли *дистихонъ*, заключавшій съ себѣ полный смыслъ. Кажется, что сей размѣръ, которому весьма свойственны шихіе, энтузіастическіе переходы отъ каршины къ каршинѣ и отъ мыслей къ мыслямъ, наиболее приличенъ *Элегіи*. Совсемъ шѣмъ *элегическій* размѣръ употребляется былъ различнымъ образомъ въ малыхъ сочиненіяхъ, которые никакъ не могутъ быть причислены къ *Элегіи*. Новѣйшіе народы, по недосыашку *просодіи*, не имѣють для *Эле-*

gii никакого особеннаго размѣра. *Александрійскій*, кажется, наиболѣе ей приличенъ; но съ тѣхъ поръ какъ Нѣмцы ввели у себя Греческое стопосложеніе, *Элегию* начали писать у нихъ древнимъ, присвоеннымъ ей размѣромъ.

Неизвѣстно, кто изъ Греческихъ Поэтовъ почитается первоначальнымъ шворцемъ *Элегии*, и сего не знаемъ — сами древніе.

Quis tamen exiguos elegos emisit auctor,
Grammatici certant *)

Вначалѣ *Элегія* посвящаема была выраженію однихъ жалобъ; но послѣ почувствовали, что ея пону нимало не прошивно и выраженіе шихаго удовольствія.

. . . . . Querimonia primum,
Post etiam inclusa est voti sententia compos.

Безъ сомнѣнія достойно великаго сожалѣнія, что шворцы Греческой *Элегии* всѣ почти оспались во мракѣ неизвѣстности, хотя Квинциліанъ и гордится, что Латинскіе нимало имъ не уступаютъ **). И дѣйствительно извѣ-

*) Horat, A. P. 75.

***) Inst. Or. L. 10. 1. 39.

стны намъ въ семь родъ чешыре превосходнѣйшихъ Римскихъ Стихошворца: Овидій, Капулъ, Тибулъ и Проперцій.

Кажешся *Элегія* можешъ бышь употреблена съ великою пользою въ *духовной* Поэзіи, какъ родъ стихошворства наиболѣе сообразный съ крошкми чувствованіями, вдыхаемыми Религією; но въ шакомъ случаѣ надлежишь уже избѣгать тѣхъ быспрыхъ переходовъ, къ кошорымъ кажешся наиболѣе склонна *Элегія*. Вообще съ великою пользою можешъ дѣйствовать сія отрасль Поэзіи на укрощеніе нравовъ. Ибо нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, чпобъ при помощи ея самый жестокій чловѣкъ, затворившій сердце свое для всѣхъ крошкмихъ чувствованій, не былъ обращенъ на путь истинный, особенно естли *Элегія* будешъ соединена съ музыкою. Въ послѣднемъ случаѣ вѣрояшно произошелъ бы новый родъ *Элегическихъ Кантатъ*.

Особенный родъ *Элеги* составляетъ *Героида*.

Она, естль небольшое исполненное чувства стихошвореніе, кошорое обы-

кновенно пишется въ тонѣ *Элегіи* и формою *письма*, и посвящается такой особѣ, предъ копорою мы хошимъ излить чувства пронутаго сердца. Симъ родомъ стихотворства мы преимущественно обязаны Овидію, копорый имѣя чудесную легкоеть, съ каковою умѣлъ предсавлять всѣ кропки чувствованія въ образѣ многоразличнаго ихъ соспоянія, первый попалъ на мысль изобрѣсти посланія опъ лица знаменитыхъ особъ времянь героическихъ, наполненныя любовныхъ жалобъ. Такъ Пенелопѣ пишешь къ своему Улиссу, изъясляя нѣжнѣйшіе обѣщанія о его возвратѣ, мучить себя страхами долговременнаго его отсутствія, и съ проташельнымъ чувствомъ обращаетъ вниманіе супруга своего на то, что она должна была вытерпѣть опъ его соперниковъ.

„ Овидій оказалъ весьма немаловажную услугу — говоритъ одинъ остроумнѣйшій Англинскій писатель *) — шѣмъ,

---

*) См. на Англинскомъ языкѣ книгу: *Опытъ о гени и сочиненіяхъ Попе, Отд. VI.*

что нашелъ прекрасный методъ писать посланія ошь лица вымышленныхъ особъ. Это было наивеличайшимъ усовершенствованіемъ Греческой *Элегіи*, надъ кошорою драматическое свойство сего рода сочиненій приобрьло необыкновенное преимущество. Собственная *Элегія* есть не что иное, какъ спрасный разговоръ съ собою, облегчающій сердце наше ошь тоски и чувствованій, кошорыми оно преисполнено: но есть ли разговоръ сей будешь происходить ошь лица опредѣленнаго (прибавимъ къ тому ошь извѣстнаго и знаменитаго въ Исторіи), то онъ приобрьпаетъ уже шьмъ извѣстную степень приличія (*интереса*), кошораго конечно въ такой мѣрѣ не можешь существовать ни въ какомъ лучшемъ монологѣ прагическомъ. Неперпѣніе, съ каковымъ переносимъ мы или удручающую болѣзнь, или безпокойство духа, (даже самую чрезмѣрную радость) бываешь весьма естественною причиною, что мы, полные спраси, жалуемся на людей, кои, какъ думаемъ, суть виною безпокойствъ нашихъ, (или ищемъ свою внутреннюю

радость раздѣлишь съ тѣми, которыхъ любимъ). Тѣмъ преимущественнѣе доказывается тонкость чувства, чѣмъ ближе можемъ мы опредѣлить точку пункту времени для умысленныхъ жалобъ (или изліяній чувствованій), который наиболѣе способенъ къ выраженію чувствъ и къ внезапному и живому обнаруженію страши. “

Мы включили здѣсь сіе нѣсколько пространное мѣсто, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ понятій, потому именно, что въ немъ вѣрно означена та самая точка зрѣнія, съ которой должно разсматривать сей родъ стихотворства. Главное дѣло состоитъ въ томъ, ипобѣ стихотворецъ умѣлъ выбрать лица достаточнo извѣстныя изъ Истории и въ которыхъ принимаемъ мы непосредственное участіе, и что бы онъ зналъ представить ихъ совершенно въ интересныхъ общошельствахъ. Первымъ приобретаемъ онъ ту выгоду, что ему стоить уже только показать важнѣйшія общошельства ихъ исторіи, и такимъ образомъ легко склонить вниманіе наше на вещи, которыя знаютъ

необходимо нужно, чтобы почувствовать силу сочинения; вторымъ приобретаешь онъ—все наше вниманіе. Безспорно, что одно изъ пріятнѣйшихъ и занимательнѣйшихъ упражненій разума есть представлять такимъ образомъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ лица знакомыя и интересныя, возмущаемыя различными чувствованіями. И какой случай учиться чувствовать, исправлять и укрощать движенія собственного сердца лучше и дѣйствительнѣе представляемаго симъ родомъ Поэзіи? Онъ не только способенъ къ несравненно большому разнообразію, но даже можетъ имѣть и совершеннѣйшую обработку, нежели каковымъ оставилъ его первый изобрѣшатель. *Героиды* Овидія всѣ почти любовныя, всѣ онѣ имѣютъ тонъ и характеръ весьма однообразный; припомъ Поэтъ по обыкновенію своему весьма много шутилъ. Изъ новѣйшихъ начали употреблять съ успѣхомъ сей родъ стихотворства первые Англичане, и Поле въ *Героидѣ* своей *Элоиза къ Абеларду* показала столь прекрасный и совершенный образецъ

въ семь родѣ, что оный долженъ сповалъ возбудить почпи всеобщее уваженіе къ таковымъ сочиненіямъ.

Французы сполько полюбили сей родъ стихопворства, что по сіе время Французскихъ *Героидѣ* есть уже безчисленное множешво; но сей родъ легко можешъ у нихъ обратишь въ дурную спорону. Нѣмцы гораздо менѣ упражнялись въ *Героидахѣ*, и оставили одни сполько несовершенные опыты, хопя *Виландовы письма умершихѣ* можно причислить къ сему роду. Впрочемъ поле *Героидѣ* все-таки оспашеся въ Германіи необработаннымъ.

Тихвинѣ.

Яковѣ Бередниковѣ.

VIII. ОСТАНОВИТЕСЬ!

(Изъ Сегюра.)

Недавно прекрасный Виски (whisky), влекомый гордымъ, спашнымъ конемъ, мчался по большой аллѣй поляй Елисейскихъ съ быспропбу, конюрая вѣрно сѣдоку его, молодому щеголю, доставила бы вѣнокъ, на играхъ Олимпійскихъ. Всѣ гуляющіе удивлялись ловкости и проворству осанистаго Аплетта; а женщины, казалось, завидовали участи прелестной Нимфы; сидѣвшей небрежно подлѣ него на сей легкой, приумфальной колесницѣ.

Одинъ только малорослый шаричекъ, сѣдый какъ лунъ, и опирающийся на толстую, суковатую палку, не раздѣлялъ ни мало всеобщаго удивленія; напрошивъ, онъ кричалъ изо всей силы: *остановитесь!* не взирая на ропощъ, возставшій вокругъ него. Но лишь только начали вопіять на сію непонятную его дерзость, какъ вдругъ всѣ увидѣли, что легкая колесница, встрѣщая неожиданное препятствіе, опроки-

нулась и разлепѣлась на части. Приспыженный, ушибенный молодой человекъ опомнился первый; онъ спалъ поднимать свою подругу, кошорая, упавъ на песокъ, хопя и осталась невредимою, но не могла опъ спыда скоро придти въ себя; оба, низверженные съ вершины своей славы, жалобнымъ голосомъ начали призывать сфоявшаго неподалеку *извощика* (*fiacre*), чшобы укрышья опъ нескромныхъ взоровъ собравшейся вокругъ нихъ толпы не сполько соспрадашельной, сколько любопышной и насмѣшливой. Ну, вошь, воскликнулъ спаричекъ, не правду ли говорилъ я имъ? Они не кошѣли меня послушашься. Вошь, что однако всегда бываешъ съ шѣми, кпо не умѣешъ *останавливаться*.

День былъ опмѣнно жаркой; я сѣлъ на кресла, кошорыя, благодаря нынѣшнему обыкновенію, накодяпся съ избыткомъ на всѣхъ нашихъ общеспвенныхъ гульбищахъ; сосѣди мои разговаривали между собою о случившемся въ нашихъ глазахъ происшествіи. Мало по малу рѣчь перешла на новыя моды и на раз-

нья безразсудства, вошедшія нынѣ въ
 употребленіе. Молодой человекъ съ уса-
 ми, въ широкихъ панталонахъ, покрывающихъ большіе сапоги съ подковками,
 объявилъ себя ревностнымъ защитни-
 комъ новѣйшихъ модъ и обычаевъ. Си-
 дѣвшій подлѣ него человекъ, пожилыхъ
 лѣтъ, хулилъ безъ милосердія нынѣшнюю
 нагошу женщинъ; окороченное платье
 шариковъ, причесанныхъ à la Titus;
 безчисленное множество Турецкихъ ша-
 лей, кошорыя такъ дорого сшоятъ бѣд-
 нымъ мужьямъ; воинское одѣяніе моло-
 дыхъ людей, кошорыхъ мужественные
 подвиги извѣстны только въ галле-
 реяхъ Пале-Рояля, и проч. и проч. Обѣ
 стороны разгорячались съ каждою ми-
 нушою болѣе и болѣе; въ разговоръ ихъ
 спали вмѣшивавшьяся колкости, и нако-
 нецъ онъ превратился въ жаркій споръ.
 Тогда мой малорослый шаричекъ, кошорый
 слушалъ въ молчаніи, закричалъ о-
 паяшь: *остановитесь!* Но они не обра-
 щали на то ни малѣйшаго вниманія;
 ссора продолжалась и чрезъ нѣсколько
 минутъ кончилась назначеніемъ свиданія
 въ Булонскомъ лѣсу; кошорое въ

рояшно споило одному изъ нихъ жизни.

Я оставилъ гулянье, погруженный въ размышленіе о повпоренныхъ безо всякой пользы напоминаніяхъ моего спарика, и направилъ пушь свой къ Палероаль. Обыкновенно всякой вечеръ я провожу въ спектаклѣ. Мечпашельное дѣйствіе спрасшей на шеапрѣ прогаешь и развлекаешь меня; существенность оныхъ въ обществѣ, ушомляешь и огорчаешь; и если безразсудство людей царствуетъ на сценѣ шакже, какъ и повсюду, шо по крайней мѣрѣ оно шамъ замысловашѣе и не сполько опасно.

Вошедши въ паршеръ, я замѣшилъ шогоже малорослаго спарика, кошораго быспрый взоръ, суровый видъ и лаконическія слова меня шакъ поразили; я сѣлъ подлѣ него. Играли новую піэсу, кошорая, какъ и множество другихъ, показала мнѣ достпойною вмѣспѣ и похвалы и осужденія. Я замѣшилъ въ ней большія ошибки въ планѣ и многія красоты въ подробностяхъ. Сдѣлавшись слишкомъ богаты, мы спали слишкомъ

разборчивы, слишком испорчены опы-
 пресыщенія; прудно угодишь намъ,
 прудно заспавить насъ забышься или
 привееши въ умиленіе; къ тому же са-
 мое наше самолюбіе оправляешъ наши
 удовольствія: мы спараемся выдавать
 себя за знапоковъ, и смопримъ на пред-
 спавленія не какъ чувспвишельные зри-
 шели, но какъ спрогіе судіи.

По окончаніи перваго акта сооб-
 щилъ я это замѣчаніе молчаливому мо-
 ему сосѣду, и онъ, не говоря ни слова,
 изъявилъ свое согласіе наклоненіемъ
 головы. Но въ то же время услышали
 мы разсужденія другаго рода. Сочини-
 щель имѣлъ, какъ обыкновенно, свою
 паршію и своихъ враговъ; одни пришли
 въ шеащръ съ шѣмъ, чшобы вознесши
 ніэсу превыше облаковъ, другіе, чшобы
 совершенно уровишь ее. Первые высца-
 вляли въ ней всякую малѣйшую красо-
 шу, осыпали ее похвалами; другимъ ка-
 залась она расщянушою исполненною
 неясносшей и безпреспанныхъ повшо-
 реній. Досадуя на прошиворѣчіе, друзья
 сочинищеля удвоивали похвалы и спа-
 вили ніэсу выше всего; прошивники же

ихъ начали осыпашь ее язвительными насмѣшками. Тогда мой молчаливый со-
сѣдъ, силясь перекричать ихъ и спуща
изо всей мочи своею палкою, повшо-
рялъ: *остановитесь! остановитесь!* но
его не слушали. Ученый споръ превра-
щился въ рыночную ссору; ругатель-
ства заспунили мѣсто фигуръ репо-
рическихъ; удары посыпались вмѣсто
ругательствъ. Намъ также въ этой
суматохѣ досталось нѣсколько полч-
ковъ отъ шой и другой парши, но къ
счастію спража, которая не позволя-
етъ въ шапрѣ никакихъ сраженій; кро-
мѣ шолько шѣхъ, которыя безъ проли-
тія крови происходятъ на сценѣ, пре-
крашила бишву и повела поржествен-
но въ плѣнь какъ рукоплескавшихъ,
такъ и свиспавшихъ, какъ бившихъ,
такъ и бившихъ.

Осташокъ вечера прошелъ довольно
спокойно и окончился можешъ бышь
слишкомъ холодно для сочинителя: піз-
са его не принесла ему ни чеспи полного
успѣха, ни спыда совершеннаго паденія.
Надушые, подобно воздушнымъ шарамъ,
господа драматическіе авшоры по боль-

шой части остаются, какъ и шѣ — между небомъ и землею. Друзья ихъ служащъ имъ въ такомъ случаѣ *парашютоль* и помогающъ тихо и спокойно спуститься на землю.

Я вышла изъ театра вмѣстѣ съ глубокомысленнымъ сосѣдомъ своимъ; мы проходили пошъ славный садъ, гдѣ видишь столько предметовъ любопытства и омерзѣнія: шущъ и богатство и нищета, и праздноелюбіе и дѣятельность — все въ спранный совокупности! — Вдругъ, къ крайнему моему удивленію, замѣнилъ я, что спроргій товарищъ мой повернулъ въ темную аллею, ведущую къ шѣмъ мѣстамъ гибели, копорые называютъ *игорными домами*. Я послѣдовала за нимъ въ сей новѣйшій шаршаръ, управляемый *жадностью*; при входѣ въ оный сидишь *улыбающаяся надежда*, при выходѣ — *трагическое отчаяніе*.

Нѣсколько времени смопрѣли мы на блѣдныхъ служителей своенравной Форшуны и наблюдали въ нихъ различныя движенія радости и печали, производимыхъ приговорами слѣпой богини.

Въ особенності одинъ молодой чело-
вѣкъ, споль же прелесшнѣй, споль же
легкомысленнѣй, какъ и она сама, при-
влекъ къ себѣ наше вниманіе: все ему
удавалось, всякая спавка выигрывала;
во всемъ, что онъ ни предпринималъ,
судьба какъ будшо повиновалась его во-
лѣ, и онъ не зналъ, что такое неудача;
удивленные банкиры пошеряли обыкно-
венное свое равнодушіе и плашили ему
съ досадою дань, копорю привыкли
пользовашься сами. Куча золоша лежа-
ла предъ счаспливымъ игрокомъ; спа-
ричекъ подошелъ къ нему, пошрепалъ
его по плечу и сказалъ пошохоньку:
остановитесь!

Молодой вѣшренникъ опвѣчаетъ
ему громкимъ хохомъ и удвоиваетъ
спавку; счаспіе перемѣняется, пошеря
слѣдуетъ за пошерею, куча уменьшаетъ-
ся, сокровище изчезаетъ; дерзновеннѣй
приходишь въ бѣшенство, вопіешь про-
шиву судьбы и опораживаешь коше-
лекъ свой; онъ проигрываетъ все. Тог-
да спарикъ кричишь ему громовымъ го-
лосомъ: „Нещасшнѣй! *остановись* же по
крайней мѣрѣ хошь шеперь!“ Неблаго-

дарный раздражается еще болѣе, осыпаетъ его ругательствами, угрозами, занимаетъ деньги и довершаетъ свою гибель. Блѣдный, искаженный опечаленіемъ, онъ рветъ на себѣ волосы, испускаетъ ужасные вопли, оставляетъ себѣ адское сообщество, которое едва замѣчаетъ уходъ его, и вскричавъ въ ожесточеніи, что волны Сейны будутъ единственнымъ его спасеніемъ, бѣжитъ спешивъ съ лѣспницы. Мы спѣшимъ за нимъ; я тщетно призываю его, ничто не можешь удержатъ испуганнаго! Внизу лѣспницы видимъ молодую женщину въ слезахъ; она бросается къ ногамъ его и обнимаетъ его колѣна; онъ хочетъ освободиться; она показываетъ ему кошелекъ, драгоценные свои уборы, отдаетъ ему все, но напрасно стараешься преклонить его; наконецъ самымъ прогательнымъ, изъ глубины души иссекающимъ голосомъ, вопиешь къ нему: *заклинаю тебя нашею любовью, именемъ дѣтей твоихъ, остановись!* Слезы градомъ капающія изъ глазъ несчастнаго, онъ прижимаетъ ее къ своей груди и слѣдуетъ за нею. — „Онъ

спасень и исправленъ, сказалъ мнѣ шарикъ. *Это остановись* коснулось его сердца; *мои* говорили только разуму.“

Оспавшись одинъ съ моимъ сѣдо-
власымъ мудрецомъ и пронухый до
слезъ его послѣдними словами, я ска-
заль ему: непоняшный человекъ! я пы-
сячу разъ слыхаль безъ всякаго душев-
наго движенія краснорѣчивѣйшія про-
повѣди; масперскія произведенія на-
шихъ философовъ болѣе возбудили, чѣмъ
удовольствововали. мое любопытство,
болѣе захъмили, нежели просвѣпили
мой разумъ: если они и исправили ме-
ня ошъ нѣкоторыхъ заблужденій, за по
заспавили сомнѣвашся во многихъ и-
спинахъ; вы никогда не говорите бо-
лѣе одного слова, и при всемъ томъ я
чувствую, что вы невольнo внушаете
мнѣ довѣренность и почтеніе къ вамъ.

Другъ мой, опвѣчаль мнѣ шарикъ,
я давно живу да свѣшѣ и пошому мно-
го видѣль и много заблуждался. Я ис-
пыпаль попеременно всѣ возможные
системы и наконецъ долгое размышле-
ніе, медлительная опышность совоку-
пили всю мою философію въ одну только
ко слово: *остановись*.

Если бы люди умѣли *останавли-*
ваться, то находили бы свое счастье
 въ *собственныхъ* своихъ *чувствахъ*, не
 были бы мучимы *спрастями*. Един-
 ственно *ошь* *неумѣнья* *останавливать-*
ся храбрость превращается въ безраз-
 судную дерзость, *строгость* въ *пиран-*
ство, *добродушіе* въ *слабость*, *бережли-*
вость въ *скупость*, *щедрость* въ *рас-*
почишельность, *любовь* въ *ревность*,
честолюбіе въ *высокомѣріе*, *благоче-*
стіе въ *фанашизмъ*, *свобода* въ *свое-*
воліе, *благородная* *гордость* въ *щце-*
славіе, *услужливость* въ *раболѣпство*,
похвала въ *лесть*, *кришика* въ *са-*
ширу. Имперіи падають, подобно лю-
 дямъ, *ошь* *шого*, *что* *копьящъ* *идши*
слишкомъ *далеко* *и* *слишкомъ* *скоро*;
нико *не* *умѣетъ* *и* *не* *хочетъ* *остано-*
виться.

Море и границы *владѣній* Царей
 Персидскихъ сдѣлались имъ *несносны*,
 потому что *останавливали* ихъ; *вы-*
сокомѣрные *владыки* *захопѣли* *имѣнь*
 все въ *рукахъ* *своихъ*, но войны ихъ
 прошивъ *маленькихъ* *городовъ* Греціи
 были *неудачны* и *воинственные* *обита-*

нели сихъ послѣднихъ низпровергли ихъ шронъ.

Сколько Монарховъ Воспока, опшвергая законы, копорые *останавливали* власпъ ихъ и волю, сдѣлались рабами рабовъ своихъ и были умерщвляемы въ своихъ черпогахъ, между нѣмъ какъ внѣ оныхъ никшо нимальше о шомъ не безпокоился.

Александръ Великій, ненасышимый въ завоеваніяхъ, необузданный въ спрашяхъ, былъ наконецъ побѣжденъ въ Вавилонѣ и погибъ въ пвѣшѣ лѣшъ опшшого, что разумъ не въ силахъ былъ *остановить* развращной его жизни.

Греки не могли *остановиться* ни въ въ приспращіи къ свободѣ, ни въ суешномъ желаніи власпвовашъ, раздѣлились, допустили чужеспранцевъ вмѣшашься въ свои распри и поверглись въ рабство.

Вошще Кашонъ вопіялъ къ Римлянамъ: *остановитесь!* Они спремались за богатствами всего міра, копорыя подрывали ихъ силы, развращали нравы, разрушали свободу и предали ихъ сначала въ руки ширановъ, а пошомъ варваровъ.

Но сколько безразсудства и преступлений происходить въ наши времена единственно отъ неумѣнья *останавливаться!* Сколько возженныхъ костровъ отъ того, что благочестіе не могло обуздать фанатизма! Сколько кровопролитія отъ того, что вельможи не хотѣли почищать ни власи королевской, ни правъ народныхъ!

Сколько несчастій избѣжалъ бы Карлъ XII, еслибъ умѣлъ во время *остановиться.* Онъ не побѣжалъ бы послѣднимъ образомъ отъ Полшавы, еслибъ *остановился* при Нарвѣ. И сколько можно привесити здѣсь примѣровъ гораздо еще убѣдительнѣйшихъ! Народъ, который желалъ возвратитъ поперяннымъ права, не пролилъ бы столько крови, еслибъ не перешелъ за предѣлы свободы, а *остановился* бы въ ея границахъ.

Нѣтъ хорошаго качества, которое, простираясь слишкомъ далеко, не сдѣлалось бы погрѣшностію; всякое благо, вышедши изъ предѣловъ, превращается во зло; самое лучшее дѣло (*la plus belle cause*), дѣло самой Церкви, приноситъ

безчестіе своимъ ревнишелямъ, какъ скоро они, *не останавливая* своего у-сердія, хопяшъ жечь невѣрующихъ, вмѣ-сто того, чшобы просвѣпишъ ихъ.

Не въ нашихъ ли глазахъ привер-женцы (ligueurs) Короля вредили спо-ронѣ его почти столько же какъ и его враги? И еще не давно не угрожала ли намъ опасность, ошвращенная мудро-спію правишельства, опасность ви-дѣшъ новыхъ парпизановъ, привержен-ныхъ къ Королю болѣе, нежели онъ самъ, любящихъ каполицізмъ болѣе, нежели глава Каполиковъ, Папа? Они вмѣсто того, чшобы *остановиться* въ сей без-разсудной ревности, увеличили бы своею неперпимоспію число недоволь-ныхъ шогда, какъ всѣми силами должно старашся умножшъ число вѣрныхъ слугъ Государя.

Повѣрьте мнѣ: нѣшъ лучшей добро-дѣшли, нѣшъ полезнѣйшей мудроспи, какъ умѣренносшь. Чшобъ сдѣлашъ чело-вѣка лучшимъ, единспвенное правило, кошорое должно повшоряшъ ему без-престанно, ешъ: *остановись!*

Но да не думающъ шѣ, кои любяшъ

славу, что я даю имъ совѣшы робо-
спи. Самый сильнѣйшій изъ людей,
славнѣйшій герой баснословія, не пус-
каясь дерзосно въ неизвѣспный и бур-
ный океанъ, положилъ предѣлы своимъ
подвигамъ и вырѣзалъ на сполцахъ: *Nec
plus ultra.*

„Прекрасно! сказалъ тогда пол-
спый человекъ, доѣдавшій четвертый
спаканъ мороженаго, котораго мы преж-
де не замѣнили: *nec plus ultra!* Это
кажется значить; не надобно улыпровъ
никакаго рода. И я по же думаю: это
будеть и ново и хорошо!“

Вы видите, продолжалъ мой спа-
рикъ, что и я умѣю проповѣдывать;
впрочемъ всякой понимаешь, какъ мо-
жешь; но чѣмъ менѣе распространяюшь
свое правоученіе, тѣмъ менѣе оно под-
вержено ложнымъ исполкованіямъ и
потому я всегда останусь при моемъ
единсшвенномъ словѣ: *остановитесь!*

К. Ф.

IX. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ: ВОЗДУШ- НЫЕ ЗАМКИ *).

(У оспспавнаго Мичмана *Альнаскарова*, въ проѣздѣ его изъ Крыма въ Петербургъ, ломается на дорогѣ коляска въ деревнѣ молодой вдовы *Аглаевой*, которая ожидаетъ къ себѣ Графа *Лестова*, влюбленнаго въ нее заочно по поршпрешу. Она знаетъ, что Графъ хотѣлъ прѣхать къ ней подъ чужимъ именемъ, принимаетъ *Альнаскарова* за Графа и обходится съ нимъ весьма ласково.)

Альнаскаровъ (одинъ).

И такъ все случай довершилъ!
Каковъ же я?—пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа! влюблять въ себя какъ жен-
щину должно! . . .
Но эшимъ вздоромъ мнѣ прельщашься не
возможно:
Судя по всѣмъ вещамъ, я очень убѣжденъ,
Что я къ чему нибудь чудесному рожденъ!
Не помню гдѣ . . . чиналъ я анекдотъ пре-
красной,

---

*) Издашель *Благонимѣреннаго* получилъ сей прекрасный отрывокъ въ то время, когда списковоренія въ этой книжкѣ были уже напечатаны, и рѣшился помѣстить оный здѣсь между прозаическими спашьями, что бы не ошкладывать до слѣдующаго нумера и доспавить скорѣе удовольствіе своимъ читателямъ. — Комедія: *Воздушные Замки* представлена будетъ въ Августѣ мѣсяцѣ на здѣшнемъ театрѣ.

Что кто - то изъ морскихъ, въ часъ буря
 . преужасной,
 Приспалъ къ землѣ, дополь незнаемой ни-
 кѣмъ.

Онъ поселился шамъ, и кончилось шѣмъ,
 Что вскорѣ жипели, въ знакъ мира и по-
 чшенья,

Вручили жезлъ ему верховнаго правленья.
*(Въ это время входитъ Викторъ, слуга
 Альнаскѣрова и подслушиваетъ.)*

Онъ мудро управлялъ, и въ чѣсть ему по-
 шомъ

Народа общій гласъ избралъ его Царѣмъ.
 Что еслибъ? почемужъ? на счастье нѣшъ
 закона!

Да чѣмъ же, Боже мой! я хуже Робинзона?
 И я могу открышь прелестный островокъ;
 Тамъ сдѣлавшись Царемъ, поспрою горо-
 докъ,

Займусь прожекшами, народными дѣлами,
 Успрою гавани, наполни ихъ судами,
 И шупь-шо я до васъ, Алжирцы! доберусь!
 Смиришесь! — не то пойду, вооружусь
 И вы познаете воишеля десницу!

Рѣшивши бой, лечу съ шрофеями въ спо-
 лицу;

Я встрѣченъ въ гавани народною шолпой;
 Иду, прохода нѣшъ, всѣ ниць передо мной.
 Какой восшоргъ! вездѣ одни лишь слышны
 клики:

„ Да здравствуешь нашъ Царь! да здрав-
ствуешь великій! . . . “

Викторъ, (упадая на колѣна).

Монархъ !

Альнаскароевъ.

Что хочешь ты? надѣйся и вѣщай.

Викторъ.

Великій Государь! васъ просятъ кушать чай.

Альнаскароевъ.

Ахъ, Викторъ! это ты! Я въ прелесняхъ
мечпанья
Блаженствоваль! Мои свершались желанья,
И ты, злодѣй! и ты всего меня лишилъ!

Викторъ.

И царство и вашъ флотъ я на мѣль поса-
дилъ!

Альнаскароевъ.

Вѣдь надобножь, когда мы якорь лишь спу-
скаемъ . . . .

Викторъ.

Мечпанія никакъ не напоятъ васъ чаемъ,

И право лучше вамъ , чшобъ время не ше-
 ряшь,
 Пойти къ хозяюшкѣ, заняться, погулять
 И разпросшившихся , пусшиться въ пушъ
 'счашливо.

Альнаскароевѣ.

Ты судишь иногда довольно справедливо
 Пойду. (*уходитѣ*)

Викторѣ (одинѣ).

Ну баринѣ мой проказишъ не пушемъ;
 Онѣ хочешъ сдѣлашся — бездѣлица — Царемъ!
 Вошъ мѣсто славное для Мичмана въ
 опсшавкѣ!
 Тогдабъ не грѣхъ Царя просишъ мнѣ о при-
 бавкѣ
 Сопняги лишней въ годѣ. Но что ни говори,
 А вѣрно не прыгнешъ изъ Мичмановъ въ
 Цари!
 Какъ въ голову войдешъ дурачештво шакое!
 Вошъ я шакъ напримѣръ — оно совсемъ
 другое—
 Я лотерейный взялъ дорогою билешъ,
 И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газешъ,
 Что скоро разыграшъ хошашъ часы съ
 лихими
 Кураншами! — ну шакъ, что не разсталсябъ
 съ ними!

Рискнулъ и за билетъ внесъ кровныхъ
 пять рублей.
 Въ сто тысячъ выиграшь! да ктожь себѣ
 злодѣй?
 Сто тысячъ! Боже мой! въ швоей все
 это воля...
 Пусть баринъ мой себѣ храбрится на
 престолѣ,
 Да сто - сто тысячъ ты поцли его слугѣ!
 А подлинно онѣ пришлибѣ мнѣ по рукѣ!
 Чшо еслибѣ мнѣ хошь часъ доспалася на
 долю?
 Чшо сдѣлаю? — Тотчасъ я выкуплюсь на
 волю.
 Тушь въ службу, выслужусь и черезъ годъ
 какъ разъ
 Вдругъ Викторъ нашъ махнешъ въ четыр-
 надцатый классъ!
 О честолоубіе! оставъ меня въ покоѣ.
 Нѣшь, Викторъ, нѣшь, мой другъ, затѣяль
 ты пустое:
 Изъ службы не всегда вѣдь выйдешъ съ ба-
 рышомъ.
 Такъ, лучше, рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ,
 Хошь шрешей гильдіи, чшо бы поменьше
 сумму
 Съ имѣнія плашишь мнѣ въ городскую Думу.
 Тушь я, благословясь, пуцусь тотчасъ въ
 торги
 По лавочкамъ мои всѣ расплачу долги;

Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйной,
Сперва въ полку, а шамъ пожалуй на Ли-
пейной;

Обзаведусь и самъ женюся наконецъ.

И Саша *) мнѣ жена! и Викшоръ ужь
отецъ!

И вошь вокругъ насъ... мои цыпляточки,
малюшки!

Я буду говорить имъ сказки, прибаушки,
И въ счастья проживу конечно до ста
лѣтъ!...

Однакожь посмошрѣшь здоровъ ли мой билетъ?
(шаритъ въ карманахъ)

Гдѣжь онъ? кой чорть! не шо все въ руки
попадаетъ.

Билетъ! билетъ! меня по кожь подираетъ!
Ахъ, Боже мой!

Саша (вбѣгая).

Сей часъ васъ баринъ приказаль
Позвать къ себѣ.

Викторъ, (продолжая шарить въ карма-
нахъ.)

Я все билета не сыскаль!

Безъ васъ со мной ударъ убійственный
случилсъ!

---

*) Горничная Аглаевой.

Саша.

Да что же случилось?

Викторъ.

Супругъ вашъ раззорился!
Что будешь съ нашими несчастными
дѣтьми?
(убѣгаетъ)

Н. Хмельницкій.

Х. СТАТИСТИЧЕСКОЕ, ИСТОРИЧЕСКОЕ И ВОЕННОЕ ОПИСАНІЕ ПРОВИНЦІИ БОКО ДИ КАТАРО *).

Провинція сія соспавляла часть *Венеціанской Далмаціи* **) и лежилаъ вокругъ залива, который въ древнія времена извѣ-
спенъ былъ подъ именемъ: *Sinus Rissonicus*,
Нынѣ называютъ его *Бокo ди Катарo*, т. е.
входъ въ Катарo; или *устье Катарo*, отъ
чего и жишели именуются *Бокезцали*. За-
ливъ, простирается отъ запада къ востоку
на 40 верстѣ. Устье его образуется мысомъ
Остро отъ сѣвера и мысомъ *Яница* отъ
юга; посреди находится голый островокъ
Яница, а ближе къ южному мысу, еще мень-
шій, называемый *Мадопа ди Яница*. Сіи два
острова составляютъ при входа. Корабли
должны держась ближе къ *Остро*, идиши

---

*) Сія любопытная сшащя, которою Издашель
Благонаимѣреннаго обязанъ почтенному своему сочлену
Владиміру Богдановицу Броневскому, шѣмъ инперер-
снѣе, что провинція *Бокo ди Катарo* никѣмъ еще до
сего времени не быда споль подробно и досповѣрно
описана. *Прилѣг. Изд.*

**) Нѣкоторыя называли ее *Венеціанскою Албанією*
и подъ симъ именемъ разумѣли Славянъ Греческаго
исповѣданія; но сіе несправедливо, ибо *Албанцы* сушь
Греки, пошомки *Епиротовъ*. *Прил. Сог.*

прямо на *Кастель - Ново*, и на 15 и 18 саженьхъ глубины, гдѣ грунтъ иль, бросаешь якорь. Купеческія суда оспанавливаются у каранпина на 7 и 8 саженьхъ глубины и въ *Порто Розе*, что противъ города, гдѣ прикрѣпляются къ берегу канатомъ. Глубина во всемъ заливѣ достаточна и для военныхъ кораблей. У самыхъ стѣнъ *Катаро* глубина 7 сажень, грунтъ вездѣ иль. Ширина *Кастель - Ново*, 42° , 21' сѣверная.

Пространство, число жителей и границы.

Область лежитъ вокругъ залива (почему жители также называются *приморцами*) и имѣетъ видъ треугольника, котораго самая большая сторона 120, а меньшая 70 верстъ. Населеніе ея полагаютъ одни до 40 000, другіе около 60 000 и на каждую квадратную милю 896 человекъ. Граничитъ къ сѣверу съ *Герцоговиною*, къ востоку съ *Черногорією* и съ *Албанією*, а къ югу и западу съ *Адриатическимъ моремъ*. *Рагузинская Республика*, боясь болѣе *Венеціанъ*, нежели *Турокъ*, купила у первыхъ съ одной и другой стороны полосу земли въ двѣ мили шириною, чтобы удалить границы свои отъ *Катаро* и *Далмаціи*.

Раздѣленіе.

Область раздѣляется на слѣдующіе восемь коммунитатовъ или округовъ: 1) *Кастель-Ново*, 2) *Катаро*, къ коему причисляются *Персано*, *Столиво* и *Теодо*, 3) *Доброта*, 4) *Перасто*, 5) *Ризано*, 6) *Картоли* и *Лустича*, 7) *Зупа*, 8) при округа и *Пастровити*. Первые четыре не имѣютъ большаго населенія; въ нихъ живутъ вмѣстѣ и Католики и Славяне Греческаго исповѣданія; послѣдніе же округи гораздо многочисленнѣе первыхъ и жилиши оныхъ вообще Греческой вѣры.

1. *Кастель-Ново*:

Нѣсколько полуразвалившихся домовъ составляютъ строеніе въ *Кастель-Ново*; въ немъ нѣтъ ни одной лавки, и кромѣ бѣднаго шракшира съ иорваннымъ билліардомъ, нѣтъ никакой приманки Офицерамъ. Католическая церковь и Капуцинскій монастырь служатъ только для 400 городскихъ жилищелей; для Грековъ же *), составляющихъ большую часть населенія сего округа, монастыри *Савино* и *Топла*, недалеко отъ

---

*) Подъ симъ именемъ Сочинищель вѣроятно разумѣешь Славянъ Греческаго исповѣданія. *Прим. Изд.*

города находящіяся. Предмѣстіе имѣеть лучшія зданія. Окресности, особенно долина *Куты*, представляють живописныя мѣста. *Кастель-новцы* оспраеляють значительную торговлю.

Король *Босніи Гварлео* построилъ сей городъ въ 1373 году и съ того времени сохранилъ онъ названіе *новой крѣпости*. Онъ претерпѣлъ многія несчастія отъ осадъ и землетрясенія. Испанцы съ помощію Венеціанъ взяли оный въ 1538 году. Въ слѣдующемъ году, едва Испанцы окончили крѣпость *Еспаньолу*, славный Турецкій Адмиралъ *Барбаросса*, прибывъ съ 200 галеръ и 30.000 человекъ войска, взялъ ее штурмомъ. Безъ успѣха покушались возвратить ее Венеціане и крѣпость находилась во власти Турокъ 46 лѣтъ. Наконецъ въ 1687 году Венеціане, соединенно съ Мальшійскими Кавалерами, подъ предводительствомъ Генерала *Корнера*, принудили крѣпость сдаться на капитуляцію.

Крѣпость составляетъ неправильный четвероугольникъ съ высокими по угламъ башнями. Верхняя часть, называемая *сухотутный замокъ* (*castel di terra*), находится на высокой скалѣ, и кромѣ круглой башни *Санъ Къяро* съ двумя ярусами пушекъ и съ казематомъ, безопаснымъ отъ бомбъ, имѣеть шу неудобность, что сѣны между башень,

служащія только для ружейной обороны, такъ высоки, что когда непріятель приблизится, вредить ему не можно. Нижняя часть крѣпости или морской замокъ (castel di mare) отъ землетрясенія совсемъ почти разрушенъ. Подземные ходы, сообщенія по стѣнамъ и казематы большею частью упали. Крѣпость *Еспаньола*, лежащая на высотѣ, командующей окрестностями въ 230 саженьяхъ отъ *Кастель-Ново*, составляетъ лучшую защиту главной крѣпости. *Еспаньола* квадратное укрѣпленіе съ 4мя по угламъ башнями, со рвомъ и полумѣсяцомъ съ северной только стороны. Каждая сторона въ 30 сажень длины; высота стѣнъ, копоры очень тонки и сдѣланы для ружейной обороны, 23 фута. Однѣ только башни вооружены пушками въ два яруса; казематы въ нихъ безопасны отъ бомбъ. Внутри крѣпости пороховый магазинъ, *гистерна* *) и развалившаяся часовня. По трудности дорогъ, копорыми не возможно почти доставлять артиллеріи, осада *Кастель-Ново* останется безуспѣшною, если только непріятель не будетъ командовать моремъ. Впрочемъ безъ защиты флота составляетъ она весьма неважное укрѣпленіе. Адмираль Си-

---

*) Высѣченный въ камнѣ колодезь, въ который наливается вода. *Прим. Сег.*

нявинѣ укрѣпилъ въ 1806 году *Еспаньолу* наилучшимъ образомъ, и Генераль *Мармонтъ*, пришедъ къ крѣпости съ превосходными силами, принужденъ былъ съ значительнымъ урономъ оставить осаду.—Заливъ ошъ *Кастель-Ново* до *Катаро* называется *каналомъ*. Оставляя большую *Кастель-новскую* рейду и обогнувъ мысъ *Кулбуръ*, открываешся обширный плѣсъ *Теода*, котораго лѣвый берегъ карвиннымъ образомъ украшенъ прекрасными домами, мелькающими въ густотѣ плодоносныхъ садовъ и виноградниковъ; правый берегъ низокъ, также усѣянъ загородными домами; а къ сѣверу возвышающіяся крутые, голые утесы; вдали на южной сторонѣ плѣса, на небольшомъ островѣ *Страдіоти*, видна древняя гошическая церковь *Св. Марка*, окруженная полуразвалившимися стѣнами. Далѣе заливъ ссоставляешъ узкій прошокъ воды, называемый *Ле Катене* *); ширина его мѣстами не болѣе версты; горы, споящія по обѣимъ сторонамъ, кажутся, сходящія между собою и представляющъ огромныя вороша; печеніе ошъ воспока шупъ очень сильно. Съ сего мѣста заливъ поворачиваешся къ югу; въ самомъ углу его показываешся *Катаро*. Я

---

*) По Славянски *серице*, ш. е. цѣль и названъ шакъ пошому, что нѣкогда заширался цѣпью. *Прим. Сот.*

не видалъ ужаснѣе и прелеснѣе сего мѣста. Огромные, кремнистыя красноватаго цвѣта горы въ беспорядкѣ навалены одна на другую; *терная гора* и *Ловтинъ*, самыя высочайшія изъ нихъ, выказываютъ изъ облаковъ свои снѣжныя вершины. Продолговатый морскій заливъ предшавляеть озеро, лежащее на днѣ глубокаго и темнаго оврага, котораго берега почти сплошь устѣяны крѣпостями, городами и селами. Прекрасныя спроченія, множесство кораблей различныхъ видовъ и величины, и зелень плодородныхъ садовъ, въ узкихъ долинахъ скрывающихся, украшая сіе испинно романическое мѣсто, сосавляють очаровательную прошивуположеность съ унылымъ видомъ безплодныхъ и ужасныхъ горъ.

2. *Катаро.*

Не видя еще укрѣплений, одинъ взглядъ на *Катаро* наводитъ ужась. Высокая, почти падающая скала; обнесена каменными стѣнами, по оврагамъ и чрезмѣрной крупизнѣ неподражаемымъ образомъ улѣпленными. Крѣпость какъ будто опущена въ кошель, надъ которымъ голые горы споятъ наклонившись. На вершинѣ стоить замокъ; что бы взглянуть на него, надобно сколь можно болѣе нагнуть назадъ голову, и успре-

мишь глаза въ самый верхъ. Тамъ (подъ облаками развѣваетъ ИМПЕРАТОРСКІЙ флагъ, а лучи солнца играютъ на Рускихъ штыкахъ

Городъ построень при подошвѣ горы у моря; двѣ узкія улицы и небольшая площадь составляютъ лучшія его части. Тутъ находятся хорошія и огромныя строения. Дома очень темны, ибо съ одной стороны заслоняетъ ихъ гора, съ другой высокая крѣпостная стѣна. Прочіе дома разбросаны по косогору и споятъ одинъ надъ другимъ. Что бы перейти изъ дома въ домъ, надобно лазить внизъ и вверхъ по дурнымъ лѣстницамъ, высѣченнымъ въ горѣ. Нѣкоторые дома половиною прислонены къ горѣ, а другіе стоятъ надъ горою такъ, что съ верхней улицы имѣютъ одинъ этажъ, а съ нижней три и четыре. Во время дождя опасно ходить, ибо вода по симъ лѣстницамъ течетъ очень быстро; но сіе неудобство доставляетъ ту выгоду, что дворы и улицы спановятся послѣ дождя чисты и грязи въ городѣ никогда не бываетъ. Въ *Катаре* считается три женскихъ монастыря, одинъ Францисканскоі и одинъ страннопріимной, всего 17 церквей и одна Греческая церковь Евангелиста *Луки*. Въ соборной католической церкви *Св. Трифона* хранятся части мощей. Въ день сего свя-

паго Венеціанское правительство, въ память мужественной защиты города гражданами, угощало ихъ публичнымъ споломъ и на этотъ день вручало имъ ключи и караулы крѣпости въ полное распоряженіе. Жителей, большею частію поселившихся здѣсь Ишаліанскихъ сѣмействъ, счищается до 4.000. Хотя дамы, и спыдяшя явно имѣшя у себя кавалеровъ *сервенте*: но строгая нравственность Славянъ много уже испортилась; однакожъ все еще далеко до разврата большихъ городовъ. Дворянство вѣжливо и гостепріимно; въ *казино* *) собирается лучшее общество. Тутъ бывающъ и балы. Разумѣется, ихъ дающъ Рускіе Офицеры; *Бокезцы* не любяшъ танцовашъ, а еще менѣе шрашшя деньги шолько для шого, какъ говоряшъ они, что бы *вспотѣть*. Увеселишельныя поѣздки на лодкахъ въ *Доброту*, *Мулу* и *Перцаньо* ими предпочитающя, Вообще жить здѣсь скучно; кромѣ прогулки на валу и къ деревнѣ *Скальари*, лежащей въ прекрасной долинѣ, нѣшъ другаго мѣста въ защитѣ отъ солнца. Лѣшомъ въ полдень камни шакъ раскаляющя, что зной въ городѣ бываетъ несносенъ; зимою же, отъ вышины горъ, солнце показывается шолько на нѣшколко часовъ, и когда на

---

*) Кофейный домъ.

горахъ еще день, въ городъ давно уже вечеръ. Каждую субботу и воскресенье у воротъ *Фьюльеры* собирается на базаръ множество *Черногорцевъ*. Удивляешься надобно, какія тяжелыя ноши по ужаснымъ горамъ носятъ бѣдныя женщины, а еще болѣе тому, что дюжие и сильные мужья ихъ идутъ за ними съ однимъ только ружьемъ на плечѣ.

Что бы избавишься жару, пошелъ я еще до разсвѣта на гору, гдѣ находишься замокъ *Санъ Жуани*. Дорога высѣченная уступами шла самыми крутыми излучинами. Скала сія гораздо круче *Гибралтарской*. Я началъ шри тысячи спускенекъ, уснулъ, наскучилъ спать и не былъ еще на половинѣ горы. Ключъ, бьющій изъ камня на самой вершинѣ скалы, составляетъ величайшую удобность для крѣпости, лежащей подъ облаками. Укрѣпленія замка удивительны и лежатъ выше горизонта воды на 600 футовъ. Между замкомъ и крѣпостью, по положенію горы, сдѣланы стѣнки или бруствера такимъ образомъ, что защищая одна другую, охватываютъ городъ ошъ замка, и штурмомъ, кажешся, взять ихъ не возможно. За сими брустверами, два укрѣпленія казаша и *Пьяца - Саранцо* шакъ крѣпки, что защищаясь сами собою и взаимно помогая другъ другу, способствуютъ и нижней городской

крѣпости. Въ каждомъ сдѣлана чисперна и каземашы; для защиты довольно 8 пушекъ и 100 солдатъ. Отсюда можно скашивать въ городъ большіе каменья. Замокъ же, лежащій на самой вершинѣ, по высотѣ своей, мало способствовать можетъ крѣпости. Стѣны его тонки и удивительнымъ образомъ уцѣлены по оврагамъ и крѣпостямъ; въ нихъ сдѣланы прорѣзы для ружейной обороны. Пушки большею частію мѣдныя, длинныя и малаго калибра. Нѣкоторыя изъ нихъ утверждены въ стѣнахъ на вершлюгахъ, какъ фалконеты, и въ казенной части имѣютъ длинные четверугольные прорѣзы. Здѣсь есть нѣсколько такихъ пушекъ, какія употреблялись въ самомъ началѣ изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, то есть, кованныя изъ желѣзныхъ прутьевъ. Большія пушки 48 фунтоваго калибра и морщины поставлены къ сторонѣ *Доброты* и ступи стѣны гораздо толще. Пороховый погребъ и арсеналь покрыты толстымъ сводомъ и безопасны отъ бомбъ. Въ последнемъ показывали мнѣ длинныя ружья (*тронбоны*) на вершлюгахъ; они заряжаются фуншовымъ ядромъ и весьма удобны для гребныхъ судовъ, также на корабляхъ во время *абордажа*, или когда сражающся въ близкомъ разстояніи. Съ южной стороны замка возвышается крутая скала, на которую одинъ

только Черногорцы могутъ взбираться. Иногда они забавлялись, спрѣлая въ Австрійскихъ часовыхъ; но высрѣлы по чрезмѣрной вышотѣ не дѣйствительны, и пошому замокъ кругомъ неприступенъ. Если и городъ будешь взять, то замокъ не иначе можно принудить къ сдачѣ какъ однимъ только изнуреніемъ.

В. Броневскій.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.)

СМЪ СЪ.

Новѣйшія извѣстія о ядѣ виперы *).

Древніе думали, что ядъ виперы, принятый непосредственно внутрь, не производитъ никакихъ опасныхъ дѣйствій и основывали сіе заключеніе на извѣданномъ опытѣ, что ядъ сей можетъ быть высосанъ изъ раны безъ малѣйшаго вреда. Реди принялъ равномѣрно сіе мнѣніе.

Въ послѣдствіи времени *Фонтана* утверждалъ, что хотя малое количество сего яда и можетъ быть принято безъ опасности, въ особенностіи человекомъ, но большой пріемъ напрошивъ причиняетъ жестокіе припадки и даже самую смершь. Опрѣзавъ головы у восьми виперъ, онъ выдалъ изъ нихъ ядъ въ чайную ложку и далъ голубю, который цѣлые восемь часовъ ничего не ѣлъ. Спустия минушу голубь спалъ ослабѣвшъ, чрезъ двѣ — началъ шаташьяся, упалъ на бокъ, и черезъ шесть минутъ умеръ въ жестокихъ судорогахъ.

Этотъ опытъ противорѣчилъ сдѣланному *Г. Реди*. Сей послѣдній взявъ ядъ изъ

---

*) Ехидны. — Взято изъ *Discorso Sig. prof. Mangili, intorno al Veleno della Vipera, letto al R. S. Institute.*

четырехъ виперъ, влилъ его въ стаканъ воды и далъ одну чашь оной козленку, а другую ушкѣ. Ни кошорому однако изъ сихъ животнохъ не причинило эшо никакого вреда.

Яковъ Соци выпилъ однажды, равнымъ образомъ безъ всякаго вреда, ядъ одной виперы въ полстаканѣ вина, а другой разъ ядъ прехъ виперъ, также смѣшанный съ виномъ.

Чтобы изъяснить себѣ такія прошиворѣчія, взялъ *Манжили* для своихъ опытовъ четырехъ молодыхъ черныхъ дроздовъ. Одному онъ далъ ядъ прехъ виперъ, другому четырехъ; третьему пяши и четвертому шести. Всѣ они шотчасъ пришли въ состояніе безчувственности и не показывали ни малѣйшаго движенія; но по прошествіи часа они совершенно оправились и ѣли съ жадностію.

Ядъ болѣе, нежели двадцати виперъ, собранъ былъ въ часовомъ стеклѣ и данъ дрозду. Онъ не почувствовалъ отъ шого никакой боли.

Сіи опыты внушили помощнику Г. *Манжили* смѣлостъ выпить ядъ четырехъ большихъ виперъ и эшо не имѣло никакихъ послѣдствій.

Спустя годъ послѣ шого опыты сіи были повшорены надъ ворономъ, кошорому

цѣлые 12 часовъ не давали ничего ѣсть. Онъ проглотилъ ядъ шесшнадцати виперъ безъ малѣйшаго вреда.

„Въ Октябрѣ 1814 года, говоритъ Г. Манжилли, принудилъ я семь большихъ виперъ выпустить ядъ ихъ въ чашку. Напивавъ онымъ чешыре кусочка хлѣбнаго мякища, я далъ съѣсть ихъ голубю. Въ шуже минушу онъ показался мнѣ пошерявшимъ силы, но вскорѣ опять оправился и сдѣлался бодръ какъ и прежде.“

„Спуспя нѣсколько времени послѣ того посыпалъ я въ ранку на ногѣ сего и еще другаго голубя немного высушеннаго яда, кошорый болѣе года сохранялся, въ крѣпко закупоренномъ сѣклѣ; въ обохъ голубяхъ показалися шогичасъ слѣды болѣзни и они умерли черезъ два часа.“

„Другой голубь проглотилъ безъ вреда ядъ десяти опмѣнной величины виперъ.“

„Ядъ, шщательшо сохранявшійся 18, 22 и 26 мѣсяцевъ, все еще оправлялъ голубей, когда имъ клали онаго въ ранку на ногѣ. Симъ опровергаешся мнѣнiе Фонтаны, кошорый ушверждалъ, что таковой ядъ не можешъ долѣе девяти мѣсяцевъ сохраняшъ своей силы.“

К. Ф.

Анекдоты и разныя извѣстія.

Публичные листы рассказываютъ слѣдующую черту характера Г. *Сюара*, недавно скончавшагося члена Французскаго Института. Съ самой юности своей онъ любилъ истину и независимость, но былъ весьма бѣденъ. Гжа *Жофрень* (Geoffrin) взяла его въ свое покровительство и рекомендовала одному знашному человѣку, который однако принялъ его шакъ холодно, что *Сюаръ* не рѣшился идти къ нему въ другой разъ. Гжа *Жофрень* крайне досадовала на это и сказала ему съ неудовольствіемъ: „У кого нѣшь рубашки на плечахъ, тому не должно имѣшь и гордости.“ — Напрошивъ, сударыня, освѣчалъ *Сюаръ*, шопъ - то и долженъ имѣшь гордость, чшобъ имѣшь что нибудь! —

Издаваемый на нынѣшній годъ въ Грецѣ журналъ: *Внимательный*, подъ спашьюю *Жестокосердіе*, рассказываетъ слѣдующее истинное приключеніе:

„Въ окружностяхъ Ганау случилось на сихъ дняхъ возмущительное для человѣчества происшествіе. Одинъ бѣдный ремесленный ученикъ зашелъ по пупи въ домъ, спящій на большой дорогѣ, и убѣдительнѣйшимъ образомъ просилъ какихъ нибудь

старыхъ башмаковъ для продолженія своего странствія, ибо обувь его была вся изорвана. Но всѣ просьбы его остались тщетны и онъ, скрѣпя сердце, хошѣлъ уже продолжашь путь свой, какъ въ сѣняхъ попалась ему на глаза пара сапоговъ; крайность заставила его ими воспользоваться. Между шѣмъ хозяинъ дома вскорѣ хвашился пропажи и какъ подозрѣнїе его пошчасъ пало на ремесленника, то онъ, не мѣшкая несколько, велѣлъ осѣдлать лошадей, пушился въ погоню за несчастнымъ, догнавъ его и увидя на ногахъ его свои сапоги, приказалъ шацишь его къ себѣ въ домъ. Тушь ворота на запоръ и - господинъ съ достойными себя слугами приколотилъ бѣднаго странника до полусмерти. Но эшаго еще мало: онъ велѣлъ спустишь цѣпныхъ собакъ, кощорыя въ одну минушу кинулись на него и шакъ впились ему въ шѣло, что наконецъ принуждены были опогнать ихъ дубьемъ. Сей шоль немилосердо истерзаный ремесленникъ черезъ пять дней испустилъ духъ въ ужаснѣйшихъ мученїяхъ. Какъ хозяинъ дома, шакъ и слуги его взяшы подъ стражу и получають достойное возмездїе ошъ уголовного правосудїя. “

Въ *Парижѣ* пронесся слухъ, что рѣчь, говоренная въ Палатѣ Перовъ Господиномъ Ф. . . . , котораго вообще счищаютъ человѣкомъ недалежняго ума, сочинена *Шатобрианомъ*. Одинъ оспрякъ написалъ по сему случаю слѣдующую Эпиграмму:

F. . . . s a parlé, la nouvelle est certaine,
Ainsi Chateaubriand devient un Lafontaine.

Извѣстно, что *Лафонтень* въ басняхъ своихъ заспалялъ говорить скоповъ.

---

28 Февраля 1817 года нѣкто *Брагалъ* перерѣзалъ себѣ горло ошъ того, что жена его сдѣлалась ему невѣрна и, приживши съ нимъ 21 человѣка дѣшей, рѣшилась его покинуть.

Вещь, заслуживающая наиболѣе вниманія въ Лондонскомъ *Друриланскомъ* театръ, есть сдѣланная послѣ бывшаго въ XVIII столѣтїи пожара большая завѣса, опдѣляющая сцену ошъ партера. Она вся составлена изъ весьма искусно между собою соединенныхъ и со вкусомъ украшенныхъ мѣдныхъ досчечекъ. Это сдѣлано для того, чтобы въ случаѣ пожара опдѣлять зрители ошъ сцены и если такую завѣсою и нельзя спастии строенія, то по крайней

мѣръ она можешь вселишь въ зришелей
 большое довѣріе и уменьшишь, хопя нѣсколь-
 ко, пагубное въ подобныхъ случаяхъ спѣ-
 сненіе народа при выходахъ, а чрезъ шо и
 опшрашишь множѣство несчаспій.

Гжа *Каталани*, бывши ангажирована
 на Лондонскомъ оперномъ шеапрѣ, получа-
 ла ежегодно 12.000 гиней съ бенефисомъ. За
 эшо она должна была давашь 12 концер-
 шовъ. Какъ всякій концертъ прѣдложался
 обыкновенно не болѣе двухъ часовъ, шо
 весьма легко вычислишь, что такимъ обра-
 зомъ ей плашили за каждую минушу пѣнія
 по — 200 франковъ!!

(Изъ разныхъ иностранныхъ Журналовъ)

К. Ф.

*Отвѣты на вопросы, предложенные
въ 3^й книжкѣ Благонамѣреннаго.*

11. *Что всего пріятнѣе?*

Дѣлать добро.

N.

12. *Что дѣлать съ горя?*

Молишься и шрудисься.

N.

13. *Что дѣлать отъ скуки?*

Взять книгу въ руки,

Или шабакъ куришь —

А лучше пиши *)!

N.

14. *Съ какими теловѣками всего несноснѣе
жить?*

Съ самолюбивыми стихотворцами. — За грѣхи мои послалъ мнѣ Богъ поварища — *стихотворца*, и какого же? — Самаго неугомоннаго! Взглянушь не на кого: едва дышешь, а все пишешь. Но это еще не бѣда.

Пускай бы только онъ писалъ;

А по стихами онъ всѣмъ уши прожужжалъ!

Безпрестанно чишаешь вслухъ свои стихи, даже во снѣ ими бредишь. Недавно по-

*) . . . buvez, c'est un parti fort sage.

—Voltaire— *Le pauvre diable.*

шелъ ему осмнадцашой годъ, а онъ собирается уже выдашь свои стихотворенія въ прехъ помахъ съ виньешкою и своимъ пор-препомъ. Сколько же онъ еще напишетъ и переведетъ бумаги, если доживетъ до шестидесяти лѣтъ!

Тилофей Веригинъ.

2. *Со злою женою.* — По несчастію сидѣлъ я при года въ градской пюръмъ; но право тамъ былъ несравненно покойнѣе, нежели пеперь у себя дома. Не дай Богъ злодѣю такой жены, какова моя Варвара Тихоновна!

*Макаръ Шишкинъ, бывшій Соляный
Приставъ.*

3. *Съ ревнивыми мужами.* — Вообразите себѣ: днемъ, когда мужъ мой выходитъ со двора, запираетъ меня въ комнашъ, а ночью, передъ шѣмъ какъ заснушь ему, привязываетъ за ногу къ кровати! . . . однакоже не смотря на это я ему опплатила *).

Любовь . . . . . ая.

4. *Съ лихою свекровью.* — У меня свекровушка Авдошья Еспифѣевна наспоящая змѣя под-колодная: коли не жалишь, такъ шипишь

---

*) Ничто! Прим. Изд.

безпрестанно. То и дѣло швердишь моему Сидоровичу: *ути жену, не давай женѣ воли*. Сидоровичъ мой человекъ смирной, только въ хмѣлю неспокоенъ. Какъ придетъ въ куражъ домой, шупъ старая и начнешь на меня наговаривать. А кажешся Христианка: двадцать лѣтъ уже мяса не ѣшь; ни завшрени, ни обѣдни, ни вечерни не пропустишь и понедѣльничаетъ! Пошли ей скорѣе, Господи! царствіе небесное. Въкъ поминать ее буду!

Акулина . . . ва, жена купца 3й гильдии.

5. *Сб тѣлѣ, кто ложкой кормитѣ, а стеблемѣ глазѣ колетѣ. Я сирота, выросѣ въ чужихъ людяхъ и знаю эшо по себѣ.*

Торопецкій мѣщанинѣ Антонѣ Прокофьевѣ, сынѣ Правдухинѣ.

15. *Какихѣ людей болѣе всего должно остерегаться?*

Развратныхѣ: они не только умышленно, но и невольно развращаютъ другихъ.

Новые Вопросы.

16. Что насъ болѣ всего привязываетъ къ жизни?
17. Кто можетъ назваться благополучнѣйшимъ человѣкомъ?
18. Какимъ средствомъ на свѣсѣ можно прожить счастливо?
19. Кто изъ людей полезенъ всѣхъ для ближняго?
20. Почему у насъ мало охотниковъ до чтенія книгъ, а особливо хорошихъ?
21. Кто лучше пишетъ стихи: Жуковский или Батюшковъ *)?

Г. Лизандровъ:

---

*) На сей послѣдній вопросъ нельзя отвѣчать нѣсколькими словами. *Прим. Изд.*

Благотворенія.

Издатель *Благонамѣреннаго* получилъ для доставленія къ несчастнымъ дѣвицамъ *Цедельманъ* (смотри первую книжку сего Журнала стр. 134 и 135) отъ неизвѣстныхъ благотворителей :

26	Июня при письмѣ изъ <i>Екатеринбурга</i> съ подписью <i>М. Я.</i>	10 р.
25	Июля	10 —
Итого двадцать рублей . . .		20 р.

Доставлены.

(30 Июля)

ИМЕНА ОСОБЪ ПОДПИСАВШИХСЯ
НА ЖУРНАЛЬ: *БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ*,

У Издателя:

Въ Орлѣ: Его Сіяшельство Г. Генераль отъ
Инфантеріи Графъ Сергѣй Михайловичъ
Каменскій.

Въ Вильнѣ Его Превосходительство Андрей
Ивановичъ Бухарскій.

Въ Витебскѣ: Его Превосходительство Г.
Гражданскій Губернаторъ Петръ Петро-
вичъ Тормасовъ.

Во Владимірѣ: Его Высокородіе Г. Вице-Гу-
бернаторъ Михайло Кондрашъевичъ Флей-
шеръ.

Шуйскій 2^й гильдіи Купецъ Василій Ивано-
вичъ Теряевъ.

Въ Саратовѣ: Его Благородіе Григорій Ефре-
мовичъ Пустошкинъ.

Въ Покровѣ: Его Высокобл. Левъ Михайло-
вичъ Прокудинъ - Горской.

Въ Александровѣ: Его Высокобл. Алексѣй Ива-
новичъ Мезенцовъ.

Въ Переславлѣ: Его Благ. Александръ Алексѣ-
евичъ Пошѣхинъ.

Въ Юрьевѣ: Его Благ. Алексѣй Яковлевичъ
Еропкинъ.

Въ Судогдѣ: Его Благ. Алексѣй Васильевичъ
Евреиновъ.

- Въ Шуѣ:* Его Благ. Гавріиль Андреевичъ
Иконниковъ.
- Оспашковскій Купецъ* Яковъ Савичъ Грѣч-
никовъ.
- Въ Суздали:* Его Благ. Михайло Васильевичъ
Боробишиноевъ.
- Въ Вязникахъ:* Его Благ. Ксенофонъ Алек-
сѣевичъ Кравковъ.
- Въ Ковровѣ:* Его Благ. Евсей Григорьевичъ
Карпицкій.
- Въ Меленкахъ:* Его Благ. Иванъ Васильевичъ
Васильевъ.
- Въ Гороховцѣ:* Его Благ. Алексѣй Лукичъ По-
долецкій.
- Въ Хвалынскѣ:* Его Благ. Василій Михайло-
вичъ Поповъ.
- Въ Сердобскѣ:* Его Благ. Ѳедоръ Ивановичъ
Кизъ.
- Въ Вольскѣ:* шамошніе Купцы: Трофимъ Ни-
колаевичъ Сапожниковъ и Василій Машвъ-
евичъ Мясниковъ.

*Въ Газетной С. П. бурскаго
Поттамта Экспедиціи:*

- Въ Новомиргородѣ:* Его Благ. . . . Богаевскій.
- Въ Рославлѣ:* Его Благ. . . . Чешыркинъ.
- Въ Бѣжецкѣ:* Его Благ. . . . Короваевъ.
- Въ Вязникахъ:* Мѣщанинъ Галкинскій.
- Въ Котельницѣ:* Его Высокобл. . . Маркевичъ.

Въ Москвѣ: Коллежскій Совѣшникъ Василій
Николаевичъ Есцовъ.

Въ Бѣлевѣ: Николай Васильевичъ Собининъ.

Въ Керенскѣ: Алексѣй Николаевичъ Бекле-
мишевъ.

Въ Черниговѣ: Газетная Экспедиція.

Въ Константинополѣ: Его Высок. Карлъ
Карловичъ Бицовъ.

Въ Вязьмѣ: Его Благ. Масленниковъ.

Въ Можайскѣ: Секундъ-Маіоръ Абрамъ Федо-
ровичъ Башашевъ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

Августъ 1818. № VIII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ изъ ПОСЛАНІЯ *ЛА ГАРПА* къ *ГРАФУ АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ ШУВАЛОВУ*.

Пріятно говоритъ Горацию подобно:
„Симъ полемъ я мои желанья оградилъ *)!“

Когдабъ и я владѣльцемъ былъ,
И мнѣ сказашъ бы это можно!

Ничѣмъ не властвую, я здѣсь вкушаю всё;
Нѣшь поля у меня—но счастье душъ моѣ!
Дарамъ несчешнымъ я природы удивляюсь;

Разнообразной красотою,
Величіемъ ея и милой простою

Я непрестанно восхищаюсь!
Какую вижу здѣсь картину предъ собой!

---

*) *Haec erat in votis: modus agrī non ita magnis.*

Horat. VI Sat. Lib. II.

Вошь свѣшлая рѣка лѣниво омываетъ
 Пригорки и луга, песпрѣющи въ водахъ;
 Чуть легкой вѣперокъ струи перебираешъ...
 Сколь ясенъ неба сводъ! Какъ шихо все въ
 поляхъ!

Какая свѣжешъ въ сихъ мѣстахъ!

Природа дивная! волшебница святая!
 Пльненъ я, удивленъ, тебя здѣсь созерцаю:
 Обремененный туть гроздами виноградъ
 И тяжешью плода на мураву нагбенный;
 Тамъ ивы на берега крутые наклонены
 Сребристою главой развѣсившись — шумяшъ;
 А вошь опъ вѣпра макъ лисшковъ своихъ
 лишенный,
 И блѣдны пополи въ дрожашу зыбъ глядяшъ;
 Тропинки узкія, прикрышыя кустами
 И древа на вѣшвахъ сіе гнѣздо съ пшеницами...

Одинъ сидя у ручейка,

Который со скалы кремнистой упадаешъ,
 Попомъ слегка

Ашласну мураву водою орошаешъ,
 Я слѣдую шеперь въ шуманну даль за нимъ
 Воображеніемъ моимъ...

Цвѣшами радуги полнеба озарилось,
 Свѣшило дневное на западъ преклонилось,
 Сіяя въ пламени, лучи багряны льешъ
 И шихо кроешся, злашя поверхность водъ...
 Я слышу рѣзкій звукъ паспущеской свирѣли,
 Бѣгушъ спада домой — долины опусшѣли;
 Усталый селянинъ вспрѣчаешъ пѣсню ночь,

В. А. ЖУКОВСКОМУ,

на получение экземпляра его стихотворений.

Желанный даръ изъ рукъ любимаго
 Поэта,
 Сшанъ въ рядъ съ Державинымъ въ почеш-
 ный уголокъ;
 Пусть ищешь кто другой забавъ ничтож-
 ныхъ свѣша:
 Въ васъ сердца моего ушѣха и урокъ!
 При вашемъ имени о свѣшѣ забываю,
 И силою благой фантазіи влекомъ,
 Въ міръ лучшей, въ міръ другой мечтой
 перелешаю,
 Который лишь душамъ возвышеннымъ зна-
 комъ —
 Гдѣ все, что на земли возможеть быть
 прелестно
 И радости небесъ для сердца прорицашь,
 Рукою собрано Поэзіи чудесной —
 Олимпъ, гдѣ жрецъ ея дерзаетъ обихашь —
 Туда меня, Поэшь! швой Геній увлекаеть!..
 О, если бы его имѣлъ я силу криль!
 Вънецъ его въ лучахъ безсмертія сіяеть:
 Онъ лиру лишь добру и славъ посвятилъ.
 Пускай достоинства свѣшъ видишь равно-
 душно;

Поэтуль опъ него опшличія искашь?

Пусть будетъ онъ сокрытъ опъ знапности
бездушной,

Пусть будетъ злостъ его и завистъ по-
мрачатъ:

Не знаетъ низкихъ средствъ души высо-
кой сила;

Онъ будетъ лишь одно прекрасное любить,

Судьба его сама опъ смерпныхъ опшличила

И чувствъ его ничто не можешъ измѣнить!

Завиденъ для меня путь избранный шобою,

Спезя, ведущая шакъ близко до сердець.

Скажи, исполненный когда самимъ собою,

Сспраствъ къ слаѣ и добру, Поэзіи мудрецъ,

Съ волшебной силою ты передашь желаетъ

И чувство упоитъ сей спраспю благой,

Скажи мнѣ, не въ себѣль награду обрѣша-
ешь?

И высшій смерпныхъ домъ исполненъ ужъ
побой!

Ты любишь — и поешь въ восторгѣ добро-
дѣшель!

Кругъ мирныхъ дѣлъ пѣвца пускай судьба
спѣснишь;

Но духъ его паритъ, величія свидѣшель,

И съ гордоспью вѣнокъ достоинству да-
ритъ!

Какъ живы для меня, Поэтъ, швои картины,

Наспавникъ въ коихъ швѣой Нашура вся
видна:

Гдѣ мысль, свободна узъ, полешъ свой со-
верша,
Бросаешъ свѣтъ на пущь тернистый ис-
пытаній,
И чувствуешъ свое величіе душа.

Милоновъ.

Небесный пламень ихъ и радости святыя,
 Порывъ къ великому, любовь къ добру —
 впервыя
 Узнали мы — и гдѣ нашъ происшвенный
 союзъ,
 Союзъ молодыхъ пѣвцовъ и чистый и свя-
 щенный,
 Всесильнымъ навыкомъ и дружбой заклю-
 ченный
 Былъ начашъ и свершенъ! —

И будетъ онъ для насъ до гроба не забвенъ:
 Ни радость ясная, ни мрачное спраданье,
 Ни нѣга, ни корысть, ни почестей исканье,
 Ничто души моей опъ васъ не удалишь! —
 И въ пѣсняхъ сладостныхъ и въ славѣ со-
 спязанье
 Соперниковъ-друзей пѣснѣй соединишь!

За чѣмъ же нѣпъ васъ здѣсь, избран-
 ники Харишъ?
 Тебя, о Дельвигъ мой, о мой мудрецъ лѣ-
 нивый,
 Безпечный и своей безпечношью счастли-
 вый? —
 Тебя мой огненный, чувспвишпельный пѣвецъ,
 Всемощная любви и добраго Руслана —
 На чьемъ младомъ челѣ предвижу я вѣнецъ
 Арьоспа и Парни, Пепрарка и Баяна?
 О други! почему не съ вами я брожу?

За чѣмъ не говорю, не спорю здѣсь я съ
вами?

Не съ вами съ башни сей на пышный садъ
гляжу?

Или — сплешась руками,

За чѣмъ не вмѣстѣ мы внимаемъ шуму водъ,
Віющихъ искрами и пѣною о камень?

Не вмѣстѣ смошримъ здѣсь на солнечный
восходъ,

На пошухающій на краѣ неба пламень?

Мнѣ здѣсь и съ вами все являлось бы
мечшой,

Несвязнымъ, смушнымъ сновидѣнь-
емъ —

Все, все, что встрѣшилъ я проспаясь съ у-
единеньемъ;

Все, что мнѣ навсегда и счастье и покой

И пишину души младенческой опьяло

И сердце бѣдное шакъ больно разшерзало!

При васъ, товарищи, моя упихнетъ кровь

И я въ родной странѣ забуду на мгновенье

Забобы и шоску и скуку и волненье;

Забуду, можешь бышь, несчастную любовь!

Царское Село.

Вильгельмъ.

14 Июля 1818.

ОТРЫВОКЪ изъ КОМЕДИИ: СТРАСТЬ
КЪ СТИХОТВОРСТВУ.

(Подраж. Пирону. Дѣйст. I. Явл. 3е.)

Ипокренъ и Пламеновъ.

Пламеновъ.

Ипокренъ!

Ипокренъ (не слушая его).

Нѣтъ! не былъ никогда я шакъ воспламененъ!
Довольно я писалъ стиховъ тебѣ въ угоду —
Подобныхъ симъ еще не писывалъ я съ
роду!

Пламеновъ.

Я не о томъ хошѣлъ....

Ипокренъ.

Эклогу?

Пламеновъ.

Охъ! мой другъ!

Ипокренъ.

Гошова! на, чишай — все для твоихъ услугъ.

Пламеновъ.

Благодарю тебя.

Ипокренъ.

И есть за что — признаться!

Пламеновъ.

Я вѣрю.

Ипокренъ.

Пусть другой....

Пламеновъ (вѣ сторону).

Нѣтъ средства опвязаться!

Ипокренъ.

Помилуй! да чегожь ты хочешь опъ меня?
Игривости, ума, чувствъ?...

Пламеновъ (прерывая).

Нѣтъ! хотѣлъ бы я....

Ипокренъ (прерывая).

Замысловатости и простоты?...

Пламеновъ (сб сердцеми).

Молчанья!

Ипокренѣ.

А вошь послушаешь. (*вынимаетъ изъ кармана тетрадь.*)

Пламеновѣ.

О мука испышанья!

Ипокренѣ.

Ну!

Пламеновѣ.

Не могу судить.

Ипокренѣ.

Все лучше, чѣмъ другой.

Послушай.

Пламеновѣ.

Я оглохъ.

Ипокренѣ.

Такъ громче я....

Пламеновѣ (въ сторону).

Богъ мой!

Ипокренѣ.

Ну!

Пламеновъ (въ сторону).

Сумасшествіе!

Инокренъ (развертывая тетрадь).

Эклога — до разсвѣта —
Даметъ и Эхо...

Пламеновъ (въ сторону).

Уфъ! самъ чоршъ бы взялъ Дамеша
И эхо и тебя, ширанъ! (въ слухъ) Изволь
чипашъ.

Инокренъ (читаетъ),

Такъ, эхо! повторяй! не въ силахъ умолатъ...

Пламеновъ (прерывая).

Молчашъ! молчашъ! молчашъ! и эхо повшо-
ряешъ
И я и цѣлый свѣшъ Дамеша умоляешъ.

Инокренъ.

Какъ? я для васъ, сударь, спараюсь и пи-
шу...

Пламеновъ.

Но если о другомъ совсемъ я васъ прошу.

Инокренъ.

Гоповъ! — Романсъ шебъ, иль оду, иль по-
сланье?

Пламеновъ.

Охъ нѣтъ!

Ипокрень.

Элегію?

Пламеновъ.

Нѣтъ.

Ипокрень.

Вѣрно полкованье
На сонъ, иль мадригалль?

Пламеновъ.

Ахъ!

Ипокрень.

Спансы, пріолетъ,
Каншату, буриме, содепъ, экспромптъ...

Пламеновъ.

Нѣтъ, нѣтъ!

Я упрждашь тебя о томъ теперь не спану
И языкомъ проснымъ лишь изъясняпсья
спану.

Ипокрень.

Такъ эти я спихи осшавлю для себя.

Пламеновъ.

Ей! ей! благодарить не знаю какъ тебя!
Мнѣ жаль твоихъ трудовъ.

Ипокрень.

О! не жалѣй напрасно:
Я посвятивъ могу стихи своей прекрасной.

Пламеновъ.

А! ты влюбленъ?

Ипокрень.

Влюбленъ! Любви всесилень
жарь!
Чувствительность въ пѣвцѣ есть вдохно-
венье, дарь!
Такъ! истинный Поэтъ всегда готовъ влю-
биться!
Амуръ и Аполлонъ не могутъ раздружишься.

Пламеновъ (въ сторону):

Такъ! онъ соперникъ мой! (въ слухъ) А кто
краса твоя?

Ипокрень.

Ты тайну скрылъ свою; такъ не скажу и я.

Пламеновъ.

И жребій къ вамъ, сударь?..

Ипокрень.

Довольно благодашень!

Пламеновъ (иронически).

Младой пѣвецъ всегда для женщины прѣяшнѣ.

Ипокренъ.

Сегодня можешь быть . . .

Пламеновъ.

Что, что? скажи скорѣй.

Ипокренъ.

День эпошѣ для меня важнѣе жизни всей!

Пламеновъ.

Но чѣмъ же именно?

Ипокренъ.

Сего дня все узнаешь.

Пламеновъ (въ сторону).

Онъ счастливъ! (въ слухъ) Но когда ты имя
ужь скрываешь,

Такъ опиши, воспой.

Ипокренъ.

Душою радъ — не лгу —

Пламеновъ (въ сторону).

Какъ равнодушенъ онъ! (въ слухъ) И пакъ?..

Ипокренъ.

Но не могу.

Пламеновъ.

Причина?

Ипокренъ.

Никогда не видываль.

Пламеновъ (въ сторону).

Ну почно!

Я угадаь! (въ слухъ) Да какъ плѣнился ты
заочно?

Ипокренъ.

Меня плѣнила въ ней любовь ея къ стихамъ.

Пламеновъ.

Къ стихамъ любовь! (въ сторону) и шакъ
шеперъ все знаю самъ;
Но посдараюсь скрышь невольное смущенье.

Ипокренъ.

Да что бормочешъ ты сквозъ зубъ, какъ въ
удивленьѣ?

Пламеновъ.

Осшавимъ. Ипокренъ! хочю шебя просишь...

Ипокренъ.

Чшо надобно? скажи—и я гошовъ 'служишь

Пламеновъ.

Мнѣ очень хочешся бышь въ шрущѣ у Гра-
фова;

Предсшавъ меня.

Ипокренб.

Изволь.

Пламеновб.

Еще одно; ни слова
Кшо я и какъ зовушь...

Ипокренб.

Не нужно ничего!

Ты другъ мнѣ — вошь и все. Чурь слушаешь
лишь его,

Когда стихи свои читаешь тебѣ онъ будешь;

Не по онъ въ жизнь свою обиды не забудеть.

А впрочемъ—испивно честнѣйшій человекъ!

Зла вѣрно никому не сдѣлалъ онъ въ свой
вѣкъ :

Хорошій мужъ, опецъ, услужливый пріятель,

Прекрасной гражданинъ; но...предурной пи-
сатель!

Всякъ плашитъ слабостью природѣ данъ
изъ насъ.

Онъ вопреки всѣхъ Музь пустился на
Парнассъ;

Самъ бѣсъ, мнѣ кажешся, къ нему вселилъ
ся въ руку

И водитъ пальцами читателямъ за муку!

Забывъ и здравый смыслъ и поздніе года,

Кропаешь день и ночь стихи онъ безъ
стыда!

Увы! порокъ всегда ужасно возростаепть!
 Спихами и живыхъ и мершвыхъ онъ шер-
 заепть;
 Всѣмъ уши прожужжалъ, чипаепть и швер-
 дишь
 И думаепть, что онъ единственный Пийтъ.
 Не хвалишь — оспрый ножь! похвалишь —
 не оспавипть!
 Спо разъ ихъ перечшетъ, и наконецъ за-
 спавипть,
 На горло наступя, себѣ шепрадку взяшь —
 Опяшь придепть въ воспоргъ, опяшь въ жа-
 ру чипать;
 Въ заплашу вновь льсшеца душипть спиха-
 ми спанепть.

Пламеновъ.

Я шерпѣливъ! гошовъ! Пускай его — успа-
 непть —
 Хвалами самаго, повѣрь мнѣ, задущу.

Ипокренъ.

Я скоро успаю — и милоспци прошу —
 Я мучусь, я спомлюсь и въ скукъ умираю.

Пламеновъ.

Чшожъ держипть здѣсь тебя?

Къ бесѣдкѣ изъ гортенсій, въ которой поставленъ Фалконетовъ Амуръ.

Здѣсь, въ розовой шѣни скрываясь,
 Малюшка рѣзвой, Купидонъ,
 На всѣхъ лукаво улыбаясь,
 Проходимъ шепчетъ свой законъ:
 „Кшо бѣ ни былъ ты; пади предъ мною
 И власть мою спѣши признашь;
 Теперь — иль послѣ — но шобою
 Я вѣрно буду обладать.“

Орестъ Соловъ.

Къ тому же Амуру, когда его ставили вмѣстѣ со мною двѣ прелестныя дѣвицы.

Гоповъ швой жершвенникъ, всеильно божество!
 На немъ ты прежде всѣхъ прими мое моленье:
 Взгляни — и здѣсь свое увидишь поржесшво;
 А фиміамъ шебѣ — души моей волненье.

Орестъ Соловъ.

II. ЗАГАДКА.

Повѣсть Ф. Лауна.

(Окончаніе)

Неизвѣстный началъ разсказывать.

„Когда возгорѣлась Сѣвероамериканская война за вольность, отецъ мой оставилъ Европу, и любя самъ свободу, отправился въ новый свѣтъ, что бы вступить тамъ въ службу. Матушка также за нимъ послѣдовала, Мнѣ тогда было едва пять лѣтъ. Она чрезвычайно огорчалась тѣмъ, что братъ ея никакъ не хотѣлъ опустить меня съ нею. Надобно было его послушаться, тѣмъ болѣе что онъ назначалъ намъ въ наследство все свое имѣніе.“

„Мать моя родила въ Америкѣ дочь и черезъ нѣсколько послѣ того часовъ скончалась. Сестра отца моего, которая была въ замужствѣ за однимъ Бостонскимъ жителемъ, взяла къ себѣ новорожденную, потому что тогдашнія обстоятельство моего батюшки не позволяли держать ее при себѣ.“

Вскорѣ попомъ смерть моего дяди заставила бабюшку возвратиться назадъ въ Европу. Тетка дала ему кляшвенное обѣщаніе имѣть всемѣрное попеченіе о сестрѣ моей. Она хотѣла оспавить ее при себѣ до двѣнадцатилѣтняго возраста.“

„Пошеря любимой жены и добраго родственника чрезвычайно огорчили бабюшку. Онъ ушѣшался шѣмъ, что я находился при немъ и подавалъ о себѣ хорошую надежду. Къ тому же обстоятельство были для него очень благопріятны: полученное имъ богатое наследство превзошло его ожиданія.“

„До самаго вступленія въ Университетъ жилъ я въ домѣ бабюшки. Въ это время получалъ онъ довольно часто изъ Бостона хорошія вѣсти о сестрѣ моей. Многія письма отъ нея самой показывали рѣдкую въ ея лѣта образованность и радовали насъ шѣмъ болѣе, что уже приближался срокъ нашего съ нею свиданія. Однако же отъѣздъ ея къ намъ откладывали изъ мѣсяца въ мѣсяць, что очень огорчало бабюшку, особливо когда узналъ онъ о скороспшижной

кончинѣ сестры своей, воспитанельницы Горшензіи. Зная его, къ копорому онъ мало имѣлъ довѣренности, писалъ сначала, что Горшензія не очень здорова, а потомъ, что не нашель еще удобнаго случая къ опправленію и надежныхъ людей, съ копорыми бы можно было рѣшиться оппустить ее въ такую дальній путь. Наконецъ, послѣ уже того какъ я опправился въ Университетъ, приѣхала, къ чрезмѣрному удовольствію бабюшки, давно ожидаемая имъ гостыя. “

„Во все время бытности моей въ Университетѣ, бабюшка не переставалъ выхвалять въ письмахъ ко мнѣ достоинство сестры моей; а когда, по окончаніи курса, возвратился я домой, то и самъ увидѣлъ, что не только по наружнымъ, но и по душевнымъ качествамъ Горшензія была рѣдкая дѣвушка. Проводникомъ ея изъ новаго свѣша въ Европу былъ братъ ея воспитанеля, Офицеръ Англинской службы, тотъ самый, копорого за годъ предъ симъ видѣли вы съ нами на гульбищѣ. Оставя Англію, онъ много странствовалъ по

свѣшу и наконецъ приѣхаль въ Америку для свиданія съ своимъ брапомъ, но какъ Нѣмецъ, захошѣль кончить жизнь свою на родинѣ. Онъ бываль у насъ почти каждый день; рассказываль очень пріятно разные анекдоты и что видѣль любопытнаго въ своихъ пупешествіяхъ; бабюшка чрезвычайно его полюбиль и скучаль безъ него. “

„Не смотря на шо бабюшка рѣшился на время пожертвовашь имъ для насъ. Имѣя въ здѣшней сторонѣ два очень хорошія помѣстья, желаль онъ, что бы я и Горпензія, при жизни еще его, добровольно между собою ихъ раздѣлили. Однихъ насъ, по молодости и неопытности нашей, бабюшка опущилъ не хошѣль, и для того присиль своего родственника сопупешествовашь намъ, а самъ не могъ вѣхашь вмѣстѣ съ нами потому, что для него весьма трудно было пущиться въ дорогу, привыкши въ продолженіи многихъ лѣтъ къ покойной и однообразной жизни. “

„Тѣмъ неожиданнѣе было для насъ его появленіе въ эшомъ городѣ, гдѣ мы прошлаго года мимоѣздомъ оспанови-

дись. Изумленіе мое при его спраннымъ поступкѣ, который вовсе не соотвѣтствовалъ прежнему его обращенію съ Горпензіей, конечно опъ васъ не укрылось. Признаюсь, что еслибъ я тогда хоть что нибудь предугадывалъ, то врядъ ли бы оставилъ сестру свою, не потребовавъ объясненія всему дѣлу. Но первое, что пришло мнѣ на мысль въ эту минушу, было — разспроить въ умѣ бабюшки, а попому я и почелъ себя обязаннымъ помочь ему въ его несчастіи. Слова: *гнусная обманщица!* вырвавшіяся тогда изъ устъ его, не заключали въ себѣ для меня никакаго смысла и казалось явно обнаруживали его помѣшательство.“

Послѣ краткаго, опъ мрачныхъ воспоминаній происшедшаго молчанія, неизвѣстный продолжалъ:

„Безмолвно послѣдовалъ я за опцемъ моимъ къ карепѣ. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ садиться; я повиновался, не помня почши самаго себя. Долго ѣхали мы по опкрытому полю, а городъ все

еще не показывался. Это меня удивило, куда мы ъдемъ? спросилъ я. — Домой! опвѣчалъ мнѣ бапюшка. “

„Но слуга мой, вещи — все оспалось на поспояломъ дворѣ.

„— Все при тебѣ, сказалъ онъ. — И я ничего шого прежде не замѣшилъ — въ шакое мрачное уныніе приведенъ я былъ спраннымъ своимъ положеніемъ. “

„— Я расчелся и съ швоимъ хозяиномъ, промолвилъ бапюшка, и западшилъ все за тебя. — “

„Эти слова, сказанныя въ связи и довольно равнодушно, заставили меня усомнишься въ прежнемъ моемъ заключеніи. Боже мой! вскричалъ я, но къ чему шакая внезапность? Для чего оспавляемъ мы Горпензію? “

„— Для шого, что она совсемъ не сестра швоя, а подлая обманщица, которая нарочно приняла на себя эту роль, чтобы получишь наслѣдство. — “

„Изумленный сими словами и замѣчая какую-шо необыкновенную дикость въ его взорахъ, я началъ снова подозрѣвать въ немъ поврежденіе разсудка. Но онъ продолжалъ.

„— Для того только и поѣхалъ я въ слѣдъ за шобою, чшобы не дать сей презришельной швари ни одной минуты долѣе упошребляшь во зло общее наше имя. —“

„Но откуда, башюшка, пришли вамъ шакія мысли?“

„— Я конечно долженъ изѣяснить тебѣ все это и оправдашь себя въ глазахъ швоихъ, пошому чшо одно только ужаснѣйшее лицемѣрие этой обманщицы заспавило меня забыться до шаккой степени въ публичномъ мѣспѣ. Мое намѣреніе было опозвать тебя шихонько и увезши съ собою. Но при первомъ взглядѣ на сію гнусную лицемѣрку я не могъ болѣе владѣть собою. — И шакъ приступимъ къ дѣлу:

„Едва уѣхалъ ты съ нею и съ ея почтеннымъ дядюшкой, какъ пришелъ ко мнѣ какой-шо неизвѣстный. Онъ пріѣхалъ изъ Боспона и пошому посѣщеніе его было мнѣ пріятно, какъ и все принадлежащее къ шой сторонѣ, гдѣ покоишься прахъ швоей машери.“

„Но чшо долженъ я былъ узнать отъ пріѣзжаго? Мужъ покойной сесшры

моей, пользуясь отдаленностію, благопріятствовавшею корысполюбивымъ его видамъ, вздумалъ ославить у себя Горшензію, а ко мнѣ прислалъ дочь свою, кошорая почши въ однихъ лѣтахъ съ нею. “

„И такой клеветѣ могли вы повѣришь башюшка! вскричалъ я.“

„На это онъ возразилъ мнѣ таки-ми неоспоримыми доказапельствами, что въ самомъ дѣлѣ, не ославалось никакого сомнѣнія въ истинѣ словъ его. Медленность въ отправленіи изъ Америки мнимой сестры моей произошла отъ того, что бы дать ей нужныя наставленія въ обращеніи съ нами и между прочимъ выучить ее писать хотя нѣсколько сходно съ почеркомъ настоящей Горшензіи. Это показалось для насъ шѣмъ дословѣрнѣе, что послѣ шешушкиной смерти мы сами замѣтили перемѣну почерка въ письмахъ Горшензіи. Кромѣ того привели мы себѣ на память и другіе случаи, кошорые прежде казались намъ только спранными, но теперь, когда все открылось, сдѣлались самымъ убѣдительнымъ

свидѣтельствомъ лукавства Горшензіи или Клары—это наспоющее ея имя. Скажи же каково мнѣ было въ помѣ увѣришься? Я возненавидѣлъ человѣческую напуру, копорая можетъ скрывать шакой гнусный обманъ подъ личиною чистѣйшей непорочности!“

„Между шѣмъ въ домѣ отеческомъ все напоминало мнѣ о Кларѣ. Я началъ беспокоиться о ея положеніи; но башюшка, копорому я въ помѣ открылся, увѣрилъ меня, что бывши здѣсь въ городѣ, онъ оставилъ ей письмо и свидѣтельство на получение ежегодной суммы, досташочной для ея содержанія. Это меня нѣсколько успокоило.“

„Письмо это, наполненное холодными, но приличными выраженіями, увѣрило меня совершенно, что только одна разительная прошивуположность наружнаго просподушія и скрышнаго злоумышленія Клары могла, въ минушу гнѣва, вывести башюшку изъ себя и заставишь его забыться до шакой крайности.“

„Но чѣмъ болѣе приводилъ я себя на память прочіе поступки Клары, чѣмъ вѣрнѣе представлялъ себя разныя, превосходныя черты ея характера, тѣмъ примѣшнѣе исчезала моя ненависть, которая прежде едвали не превышала ея лукавства. Наконецъ и увѣренность моя въ эгомъ лукавствѣ сильно поколебалась не смотря на доказательства, которые были у насъ въ рукахъ, и на ея молчаніе, которое еще болѣе обнаруживало вину ея. При всемъ томъ-говоря-я не могъ преодолѣть своего желанія освѣдомиться о мѣстѣ ея жительства, захопѣлъ собственными глазами удостовѣриться, подлинно ли такая чрезмѣрная доброта есть ничто иное, какъ одно презрительное лицемеріе. Долго развѣдывалъ я о ней безъ всякаго успѣха. Наконецъ, по многимъ обстоятельствамъ, полагалъ навѣрное найти Клару въ здѣшнемъ городѣ. Подъ предлогомъ поѣздки въ одно изъ нашихъ помѣстій, оснавилъ я бабюшку, и вотъ узнаю теперь, что надежда моя опять меня обманула!“

Почему же? сказала Леопольда: въ-

рояшно Клара ведетъ теперь уединенную жизнь, и пошому нигдѣ вы съ нею не повспрѣчались. —

Леопольдъ далъ слово незнакомцу, — кошорый назывался Бертрамомъ Ирменау — упошребить все, чтобы опыскашь Клару и просиль его остаишься для эшаго еще нѣсколько времени въ городѣ. Такимъ образомъ они распались.

Неушомимыя спаранія Леопольда оспались не безъ успѣха: на прешій день свѣдалъ онъ, что Клара живетъ въ сосѣдней деревнѣ вмѣстѣ со своимъ дядею, и Ирменау потчасъ шуда ошправилсѣ. Уже поздно вечеромъ возвращилсѣ онъ назадъ и заключиль Леопольда въ своихъ объятіяхъ.

„Какъ я обязанъ вамъ, новый, любезный мой другъ! — сказала Ирменау. Вы возвращили мнѣ ошраду моей жизни. Послушайше — я расскажу вамъ все, что со мною было. Я нашель Клару одну, въ маленькомъ, но весьма опряшномъ жилищѣ. Увидѣвши меня, она изумиласъ, и могло ли бышь иначе послѣ шого об-

спояшельешва, которое было причиною нашей разлуки? “

„—Что привело васъ ко мнѣ? спросила она наконецъ — что привело васъ къ покинутой, отверженной всѣми, любезный родсвенникъ? ... Такъ, можете быть только позволено мнѣ называть васъ, но я утѣшаюсь тѣмъ, что могу не краснѣясь смотрѣть вамъ въ глаза.—“

„Ахъ, любезный другъ! воскликнулъ Ирменау, прерывая рѣчь свою. Еслибы вы знали какъ восхищительны были для меня эти слова, произнесенныя съ прежнею непринужденностію и чистосердечіемъ, которое блистало во всѣхъ чертахъ лица ея!“

„Съ полною довѣренностію прижалъ я руку ея къ своему сердцу и взорами умолялъ быть опкровенною.“

„—Такъ, любезный Берпрамъ, сказала она, вы пришли кажется безъ предубѣжденія и попому должны узнать ошъ меня все. Тайна моя, какъ тяжельй камень, стягошила всегда мое сердце. Не смотря на то я медлила изьяснить вамъ свое положеніе, попому что ожидала ошъ ошца моего изъ Аме-

рики отвѣща на посланное къ нему письмо —“

Ирменау, повшоряя слова сія, не помнилъ себя опъ восхищенія. Онъ собрался съ силами и продолжалъ:

„Вошь въ коропкихъ словахъ все, что рассказала мнѣ Клара. Опець ея, по смерти своей жены, открылъ ей за шайну, будшо бы она Горшензія, дочь Ирменау, за копорую покойница выдавала собстввенную дочь свою. Онъ пришворился, будшо хочеть поправитъ мнимую несправедливостъ. Вмѣсто Горшензіи, копорая была отправлена ночью въ Филадельфію къ одной изъ его родшвенницъ, онъ спалъ пригошвятъ Клару къ опъѣзду въ Европу; но чшобы она не обнаружила какимъ нибудь образомъ сего коварнаго посшупка, шребоваль соблюдашь въ разсужденіи шого глубочайшее молчаніе; въ прошивномъ случаѣ—говориль онъ—память покойной жены моей будешъ обезчещена и всѣ спанушь обвиняшь ее въ намѣреніи дошцавишь своей дочери богашое наслѣд-

спво. Клара, ни мало не подозрѣвая коварства отца своего, почишала себя обязанною сохранятьъ спрочайшимъ образомъ данное ему обѣщаніе. Хотя и казалось ей непонятнымъ, какъ покойница, благородная во всѣхъ поступкахъ своихъ, могла унизишья до такой крайности; но она должна была увѣреніе отца своего приняшь за истину, и хранишь все эшо въ тайнѣ, шѣмъ болѣе что бы не огорчишь моего бапюшки, который имѣлъ высокое мнѣніе о добрыхъ качествахъ покойной сестры своей и опзывался о ней всегда съ большими похвалами.“

„Клара призналась мнѣ, какъ много стноила ей эша скрышность, особливо когда доходила рѣчь до прежнихъ писемъ, которыя Горпензія дѣйствитель-но писала къ намъ изъ Америки.“

„—Теперь-шакъ заключила Клара—я должна конечно подозрѣвать, что не мать моя, а отецъ былъ всему эшому виною. Я писала къ нему потчасъ послѣ случившагося со мною происше-ствія на здѣшнемъ гульбищѣ. Въ пись-мѣ своемъ разсказала я ему подробно

все и умоляла его отккрыть мнѣ истину. Не прежде, какъ получивши отвѣтъ, котораго съ неперпѣниемъ ожидаю, думала я предстать глазамъ вашимъ, а до того скривашься въ безызвѣстности. Между тѣмъ ваше перешнее посѣщеніе распроило планъ мой. Можно ли мнѣ было, видя васъ и по участіе, которое вы во мнѣ принимаете, можно ли не излишь предъ вами всѣхъ чувствъ разперзаннаго моего сердца и не поддерживаешь тѣмъ по крайней мѣрѣ ваше доброе мнѣніе обо мнѣ.—“

„О, любезный другъ! — прибавилъ Ирменау, не нахожу словъ для изьявленія вамъ моей благодарности. Вы доснавили мнѣ случай удовлетворить первѣйшему моему желанію, которое въ полной мѣрѣ оправдалось поспушками несравненной Клары. вмѣсто одной сестры имѣю теперь двухъ, и — какъ ни велико право, которое Горшензія имѣеть на мою брашскую любовь — она должна мнѣ позволишь раздѣлять ее между ею и Claroю.“

На вопросъ Леопольда, участвоваль ли и Англинскій Офицеръ въ замыслахъ

своего брата, Ирменау ошвѣчалъ, что онъ при немъ приходилъ къ Кларѣ и совершенно оправдалъ себя.

Всѣ друзья—кошорые уже извѣсны чипашелю—собрались въ шопъ вечеръ у Леополяда; Ирменау присоединился къ нимъ. Съ неописаннымъ удовольствіемъ слушали они развязку шого происшествія, которое шакъ долго подспрѣкло ихъ любопытство. Самъ Бершрамъ разсказалъ имъ снова всѣ обстоятельство и изъ словъ его можно было замѣшисъ, что онъ хощѣлъ предложить Кларѣ свою руку, если шолько ошець его не будешъ преняшсшвовашъ ихъ союзу. На это все общество возразило шопчасъ, что когда невинность Клары будешъ доказана, шо старому Ирменау ничемъ лучше нельзя поправишъ прежнюю свою опромешчивосшь. Однако пылкой юноша не былъ успокоенъ симъ увѣреніемъ.

На другой день вечеромъ Ирменау пригласилъ новаго своего пріяшеля

посѣшишь Клару. Имъ надлежало проходить чрезъ городское гульбище.

„Боже мой! воскликнулъ Леопольдъ. Не обманываюсь ли я? Посмотрите! Это почто вашъ башюшка — ведетъ подъ руку двухъ дамъ.

— Невозможно! — сказала Ирменау, кошорый не могъ видѣть шакъ далеко. —

„Точно, это онъ! Съ тѣхъ поръ, какъ я его здѣсь видѣлъ, онъ всегда предснавляется мнѣ шакъ живо, что я не могу въ немъ ошибиться. Но вошь еще — одна изъ дамъ кажется мнѣ, судя по стану — ахъ! шляпка мѣшаетъ видѣть лице — ну, право это она! посмотрише! ша самая дѣвица, кошорая сидѣла тогда на скамьѣ подлѣ васъ.“

Тушь и другая паршя узнала Берштрама и обѣ дамы вырвались изъ рукъ старика, кошорый не могъ успѣвать за ними.

„Вошь Горшензія! сестра ваша!“ — кричала Клара, спѣша на встрѣчу къ молодому Ирменау.

Послѣ взаимныхъ объашій и восторговъ, Берштрамъ побѣжалъ къ своему ошцу, кошорый ождалъ его на шей

самой скамьѣ, гдѣ за годъ передъ симъ такъ жестоко обошелся съ невинною Кларою.

„И ты дочь моя!“ — сказалъ онъ ей съ сердечнымъ умиленіемъ, и опеческимъ лобзаніемъ изгладилъ прежнее посрамленіе со щеки ея.

Чишашель полюбопытноспивуешъ знашь какимъ образомъ старый Ирменау увѣрился въ невинности Клары и какъ нашель ее?... Вотъ развязка:

Опець Клары незадолго передъ шѣмъ умеръ. На смершномъ одрѣ признался онъ въ своемъ преспуленіи, велѣлъ привезши къ себѣ Горшензію и снабдивши ее всемъ нужнымъ, ошправиль на кораблѣ въ Европу. Трепещущею рукою въ нѣсколькихъ шпрокахъ изьясниль онъ въ поже время свой обманъ и невинность своей дочери. Письмо сей послѣдней пришло въ Америку уже послѣ его смерши.

Какъ скоро Горшензія возвратилась къ ошцу своему, онъ въ радости поспѣшилъ съ нею къ Кларѣ, кошорой мѣспо-

пребываніе было ему давно уже извѣстно. Онъ испросилъ у неѣ прощеніе въ прежней своей несправедливости и уговорилъ ее, вмѣстѣ съ дядею, жишь опяшь въ его домѣ.

Леопольдъ недавно возвратился опъ нихъ къ друзьямъ своимъ. Онъ не могъ нахвалишья веселостями и удовольствіемъ, копорыхъ былъ свидѣтелемъ на свадьбѣ Бершрама съ Кларою.

Съ Нѣмецкаго. Ал. Вл.

III. ОТРЫВКИ изъ ЖИЗНИ ГРЕТРИ

(писанные имъ самимъ.)

Наконецъ рѣшили, чѣобы мнѣ отпра-
 виться въ Римъ и пробыть назначен-
 ное время въ тамошней Консерваторіи.
 Нельзя было думать сначала, чѣобы
 у меня доспало силъ пройти ось чешы-
 рехъ до пяши ось миль пѣшкомъ; доб-
 рая машь моя, собирая меня въ доро-
 гу, проливала горькія слезы; одинъ я
 изъ всего сѣмейства казался веселымъ;
 мнѣ было тяжело, но я скрывалъ грусть
 свою ось моихъ родителей, пошому
 чѣо иначе они бы меня не опустили.
 Незадолго до моего отправленія про-
 вель я цѣлый день въ Коронмезѣ (Corno-
 meuse) у своей бабушки; прощаться съ
 нею было для меня всего тягостнѣе,
 пошому чѣо ея лѣна лишали меня на-
 дежды опяшь съ нею увидѣться. Живо
 представляется еще мнѣ эшо прощаніе:
 бабушка говорила мнѣ о обязанностяхъ
 къ Богу, увѣщевала имѣть попеченіе о
 своемъ здоровѣ; ей конечно пріятно
 было видѣть мою припворную бод-

рость; опасаясь во мнѣ ослабить ее, она также старалась улыбаться, но слезы ей измѣняли. Увѣщаніе, сдѣланное мнѣ вшорымъ ея мужемъ, было совсемъ иного рода. Послѣ обѣда онъ повелъ меня въ свой садъ, нахлобучилъ мнѣ на голову свою шляпу и сказалъ: „Родригъ, имѣешь ли ты довольно мужества*)?“ — О, безъ сомнѣнія, дѣдушка. — „Вотъ же тебѣ отъ меня подарокъ!“ и вынувъ изъ кармана пару пистолетовъ, онъ подалъ ихъ мнѣ. „Берегись, продолжай почтенный шарикъ, они заряжены; пуще всего прошу тебя, не употребляй ихъ во зло; но если кто нападетъ...“ — Тогда, дѣдушка, я стану защищать себя. — „Посмотримъ! вскричалъ онъ. Представь себѣ это дерево разбойникомъ, который пребудетъ кошелекъ или жизни: что ты сдѣлаешь?“ — Скажу ему: послушай, если дѣйствительно ты имѣешь крайнюю нужду въ деньгахъ, то я дамъ тебѣ нѣсколько; но цѣлый коше-

---

*) Rodrigue, as tu du coeur?

лекъ, въ моемъ положеніи — это невозможно, это для меня все равно, что жизнь. — „Нѣтъ; вскричала дѣдушка, давай сюда все, что у тебя есть.“ — Пафъ! я выспрѣлилъ изъ пистолета. — „Смошри, онъ выхватилъ саблю! продолжалъ съ жаромъ старикъ, и...“ Я выспрѣлилъ еще разъ по дереву. Въ эту минушу бабушка, перепугавшись неожиданной пальбы, подбѣжала къ окну и вскричала: „Боже мой! что вы шупь дѣлаете?“ — Бью разбойниковъ, отвѣчалъ я. Дѣдъ мой положилъ пистолеты мнѣ въ карманъ и мы вошли въ горницу.

Робертъ, славный разбойникъ, долго беспокоилъ по ночамъ жинелей города Люшпиха и держалъ ихъ въ такомъ страхѣ, что они его прозвали *Дьяволомъ*. Полиція день и ночь его преслѣдовала, но онъ умѣлъ увертываться. Отецъ мой, засидѣвшись какъ-то у одного изъ своихъ пріятелей, гдѣ было музыкальное собраніе, возвращался очень поздно домой. При поворотѣ въ свою улицу, видишь онъ пяшь человекъ, кошорые въ

ворошахъ одного дома, казалось, его дожидались. Опець мой былъ не прусь, однако всѣ сказки, слышанныя имъ о *Робертѣ - Дьяволѣ*, пришли въ эту минуту ему на память: онъ не сомнѣвался, что то былъ или самъ Робертъ или кто нибудь изъ многочисленныхъ его сообщниковъ. Приободрившись, онъ рѣшается идти мимо ихъ швердыми шагами; но *Робертъ — Дьяволъ* — это былъ точно онъ самъ — его предупреждаетъ, идешь къ нему на встрѣчу, кланяется и, къ величайшему удивленію моего ошца, говоришь: „Господинъ Грешри, вы очень поздно сего дня возвращаетесь; какъ думаете вы, кошорый часъ?... Вонъ видите, уже впорой — вы очень неосторожны; я *Робертъ*, однако не бойтесь; дайте мнѣ только понюхать табаку, чтобы я могъ похвалиться по крайней мѣрѣ шѣмъ, что нюхалъ изъ табакерки чеспнаго человѣка.“ — Опець мой не замѣшкался, поподчивалъ его своимъ табакомъ, и разбойникъ, послѣ учпиваго привѣтствія, оборотился къ своимъ товарищамъ и сказалъ: „вонъ Господинъ Грешри, кошорый такъ хоро-

шо играеть на скрипкѣ въ здѣшнемъ соборѣ и кошораго вы слушали сего дня по ушпру: кто изъ васъ осмѣлился обезпокоить, когда бы шо ни было, его или кого нибудь изъ его сѣмейства — тому опъ меня доспанеться! “

Чрезъ нѣсколько времени Робертъ, въ пракширѣ, гдѣ онъ пилъ ни о чемъ не заботясь, былъ взятъ Приспавомъ Ксенемоншскимъ, родспвенникомъ моего опца.

Вольшеръ, съ кошорымъ я видѣлся въ Фернеѣ, уговариваль меня скорѣ ѣхать въ Парижь. „Тамъ-шо сказалъ онъ, доспигающъ безсмершя. Да, Г. Вольшеръ, опшвѣчалъ я, вамъ хорошо говорить шакъ, когда уже вы его доспигли; иной опдалъ бы за эшо полвѣка.—„Право? возразилъ онъ: а я опдалъ бы шо лѣшь безсмершя, чшобъ шолько имѣшь здорový желудокъ.“ — Правду ли онъ говорилъ? . . . .

Въ Туринѣ я сѣхался съ однимъ Нѣмецкимъ Барономъ, кошораго знаваль

прежде въ Римѣ, и какъ намъ обѣимъ ле-
 жаль пушь въ Женеву, по онъ предло-
 жиль мнѣ мѣсто въ своей карешѣ, и на
 другой же день мы съ нимъ вмѣстѣ опш-
 правились. Лишь только выѣхали за
 городъ, я началъ ему говорить: ахъ, Ба-
 ронъ, какъ я радъ, что . . . Онъ перервалъ
 мою рѣчь и сказалъ мнѣ сурово: „я, су-
 дарь, не разговариваю въ карешѣ.“ — Я
 замолчалъ. Вечеромъ мы остановились
 въ пракширѣ; онъ приказалъ пригото-
 вить хорошій ужинъ, надѣлъ халашъ и
 подошелъ ко мнѣ съ опверзшими объ-
 яшїями: „ахъ любезный другъ, какъ я
 радъ, что . . .“, Я также не далъ ему дого-
 ворить и опвѣчалъ очень сухо: „я су-
 дарь, не разговариваю въ пракширахъ.“ —
 Онъ захожашалъ, какъ безумный, расска-
 залъ мнѣ, что одержимъ жестокою бо-
 лѣзнію и жаловался горько на прелест-
 ныхъ Римлянокъ, кошорыя немилосердо
 обошлись съ нимъ.

Однажды шель я съ Аббашомъ Море-
 ле и Мармоншелемъ за городъ къ одно-
 му изъ своихъ прїятелей. Чшобы со-

крапиль пущь, мы всячески спарались развлечь себя, какъ вдругъ Мармоншель сдѣлался необыкновенно угрюмъ и скученъ. Удивясь этому, я спросилъ у Поэпа, что ему сдѣлалось и ошъ чего онъ шакъ не весель въ шо время, когда всѣ Музы согласились, казалось, споспѣшествовать его счасшю? „Вамъ хорошо говоришь шакъ, ошвѣчалъ онъ; у васъ есть прекрасная супруга, кошорую вы любите, кошорая обожаешь васъ и наслаждается съ вами вашею славою.... а я, въ мои лѣта, я еще холосшь, ни съ кѣмъ не раздѣляю ни радостей своихъ, ни горестей; скука такая...“ Женитесь, ошвѣчалъ я.—„Гоповъ бы право хопъ сей часъ.“—„Вошь напрымѣръ племянница Аббаша...—Въ самомъ дѣлѣ, примолвивъ Аббашъ, улыбаясь.—„Я бы ошъ эпаго не прочь“—сказаль Мармоншель со вздохомъ.—„Да будешь!—воскликнулъ я, помирая со смѣху. И двѣ недѣли спустя Мармоншель женился на племянницѣ Аббаша.

Я люблю ходишь, но хожу не скоро и никакъ не могу прибавишь себѣ шагу.

Когда случается мнѣ сойтись съ пріятелемъ, то боюсь, чтобы онъ не пошелъ вмѣстѣ со мною, и еспльи иногда случается шакъ, то спутникъ мой непременно долженъ принаровить свой шагъ къ моему. Я нашель средство и самыхъ упрямыхъ покоряеть своей волѣ: начинаю обыкновенно насвистывать какой нибудь военный маршь, соразмѣрный моей походкѣ, и мало по малу шовариць мой идетъ самъ мѣрнымъ шагомъ. Надобно однако признаеться, что нерѣдко находилъ я весьма не музыкальныя и уши и ноги.

Я былъ въ большой дружбѣ съ Адвокатомъ *Кокеле де Шоссеьеръ*, но слѣдующій анекдотъ сдѣлалъ на меня шакое впечатлѣніе, что я разорвалъ съ нимъ совершенно связь свою. Мы вмѣстѣ пришли въ одинъ домъ къ ужину, къ которому хозяйка пригласила многихъ оспряковъ и самыхъ прелесныхъ женщинъ. Адвокатъ *Кокеле* садился за столъ, и хотя въ шакомъ случаѣ обыкновенно онъ бывалъ весель и любилъ

поговоришь; но шупь не говоришь ни слова, кромѣ только того, что велишь подавать къ себѣ всѣ жаркія и холодныя, разрѣзываешь ихъ и между шѣмъ ничего не ѣшь, не пьешь и не принимаешь никакого участія въ разговорѣ—весьма занимательномъ, пошому что общество было самое блестящее и оборное. Сначала поступки Адвоката оставались безъ вниманія; но хозяйка замѣшивъ, что онъ не бралъ къ себѣ на тарелку ни съ одного блюда, говоритъ ему наконецъ: „Г. Кокеле, вы все разрѣзываете, а сами не кушаете; развѣ для того только пожаловали вы ко мнѣ, чтобы засшупить мѣсто моего дворцакаго?“ Многіе изъ гостей изъявили ему также свое удивленіе. Но проклятый Кокеле вынулъ изъ кармана записочку, и обращаясь ко всѣмъ собесѣдникамъ, сказалъ: „вошь здѣсь, кому угодно, можно найши доказательство, что наша любезная хозяйка очень надѣялась на мой паланшъ *разрѣзывать*—здѣсь написано: *J'invite M. Coquelet à venir souper demain chez moi*“ ... Souper вмѣсто souper: такъ написала дама. Ошь замѣшашель-

ства сдѣлалось съ нею дурно, и все общество не только не одобрило коварства насмѣшника, но приняло большое участие въ непріятномъ положеніи дамы.

Теперь расскажу самое горесипное обстоятельство своей жизни. Изъ шрекъ дочерей моихъ, которыя были погодки, старшая имѣла 16 лѣтъ. Кшо зналъ ихъ, конечно припомнимъ какъ были онѣ прелесны. Зимую на вечеринкѣ, копорую дѣлала однажды корошко мнѣ знакомая дама, онѣ привлекали на себя глаза всего общества. Изъ театра я зашелъ за ними. Войдя въ залу, я увидѣлъ, что онѣ панцуютъ и плѣняють всѣхъ своею милою ловкостію и проворствомъ. Мать, сидя въ сторонѣ, не спускала съ нихъ глазъ; восхищеніе было написано на лицѣ ея. Я подошелъ къ камину: шупъ сшоялъ прислонившись какой-шо мушина, весьма суроваго вида; онъ приспально сморѣлъ на дѣшей моихъ, но совсемъ не раздѣлялъ шого удовольствія, съ копорымъ все общество любовалось искусствомъ дочерей моихъ;

казалось; ничто не могло разгладить морщинъ на лицѣ его; спустя минушу онъ вдругъ оборачивается ко мнѣ и спрашиваетъ:— „Не знаете ли вы эфѣхъ прекрасныхъ дѣвиць?“ — Должно было сказать, что я опецъ ихъ, но не знаю почему я удержался и опшвѣчалъ: кажешся, что это родныя сеспры.— „И я тоже думаю; смотря на нихъ цѣлые два часа. Представьте себѣ: во все это время онѣ шанцовали безъ опдыха. Вы видите, что онѣ со всѣхъ споронъ получають лесшныя похвалы, что не лѣзя имѣть болѣе прелестей, свѣжести

Родишельское сердце мое прешело опъ радости; я ужъ хопѣлъ было измѣнишь себѣ, какъ вдругъ суровый человекъ прибавляетъ опривисшо: „но повѣрьте мнѣ, сударь, что въ три года ихъ не спанеть!“

Эти пророческія слова были для меня громовымъ ударомъ; сказавшій ихъ ушелъ, я хопѣлъ иди за нимъ, но какъ окаменѣлый, не могъ сдвинуться съ мѣста; послѣ разспрашивалъ объ немъ многихъ—никшо однако не могъ мнѣ сказать его имени; и я узналъ только, что онъ слыветъ ученикомъ Лафашера....

Ужасное предсказаніе сбылось: черезъ при года не оспалось у меня ни одной дочери *).

Однажды у Сенрокскихъ ворошь (Saint Roch) я взялъ наемную карешу; кучерь казался сердитъ на что-то какъ нельзя больше; ворчалъ сквозь зубы и билъ безъ милости лошадей. Лишь только мы пронулись съ мѣсна, онъ подозвалъ къ себѣ пріятеля, стоявшаго въ дверяхъ шинка и пригласилъ сѣсть къ себѣ на козлы. Предложеніе было принято; пріятели начали разговаривать съ большимъ жаромъ; я пересѣлъ къ переднему окну и услышалъ слѣдующее: „я говорю тебѣ, что мнѣ ужь всегда такое счастье.“—Да расскажи какъ это все было.—„Въ предмѣспіи Maraïs какая то спарушка, закупанная въ черный салоць, нанимаетъ меня по часамъ, и

---

*) Многимъ изъ Пепербургскихъ жищелей памятна еще смерть двухъ плѣнявшихъ юностию и красою дѣвиць, копорыхъ панцы были пріумфомъ и панцы же свели во гробъ. Родители поржесшвовали, щеперь — плачуть! *Прим. Перев.*

говоришь, что ей надобно побывать во многих мѣстахъ. Мы ѣдемъ часъ, другой, претій; наконецъ у Сеярокскихъ ворошь спаруха велишь остано-
 висься, выходишь и приказываешь по-
 дождать. А скоро ли ворошишься, бары-
 ня? говорю я ей. Мнѣ шолько два слова
 скажашь моему духовнику, ошвѣчаешь
 она. Видишь, что это была богомолка.
 Я жду; проходишь часъ, проходишь и
 другой; наконецъ, вышедъ изъ шерпѣ-
 нія, прошу мальчика посмотришь за ло-
 шадьми, вхожу въ церковь, иду прямо
 къ священнику, спрашиваю и узнаю,
 что никто не приходилъ исповѣды-
 ваться.—Такъ она улизнула въ боковыя
 двери?—,То-шо и ешь, чтообъ ей сквозь
 землю провалишься! Я спрашивалъ объ
 ней у шорговокъ и онѣ видѣли, какъ
 спарая хрычовка вышла изъ церкви
 другими дверьми. Посуди же—шо-шо лю-
 ди на свѣшѣ, а еще богомолка! Пяшь
 бишыхъ часовъ пошеряшь понапрасну
 за эшакой.....“

Тушь ругашельства полились рѣ-
 кою. Между шѣмъ я приѣхалъ, куда мнѣ
 было надобно — кучерь ошворилъ двер-

цы; выходя я далъ ему шесть франковъ. Онъ хотѣлъ сдать. Возьми все, сказала я и пошелъ онъ него прочь. Тогда бѣднякъ, не думая, чтобы я его слышалъ, сказалъ въ полголоса: „слава тебѣ, Господи! Этошь видно не богомоль! —“

Однажды я былъ взбѣшенъ на Мармоншеля и вопшь причина: я сочинялъ музыку къ Оперѣ: *L'ami de la maison*; приговоровивши дуэшь: *Tout ce qu'il vous plait*, я началъ играть его на своемъ форшопьяно, какъ вдругъ вижу, что Поэшь мой бросаетъ что-то съ большимъ обращеніемъ на полъ и топчетъ ногою. „Что вы дѣлаете?“ спросилъ я. — Это паукъ, онъ ... — „Ахъ, Боже мой! вы лишили меня лучшей моей утѣхи. Когда я игралъ на форшопьяно, этошь паукъ спускался всегда съ потолка и оставался на ногахъ, пока я не переспану; я видѣлъ его, но не хотѣлъ шрогать. — Да проспяшь мнѣ мою слабость, но, говоря это, я не могъ удержаться отъ слезъ.“

(Изъ *Nouvelliste francais.*) *Вл.*

IV. СТАТИСТИЧЕСКОЕ, ИСТОРИЧЕСКОЕ и
ВОЕННОЕ ОПИСАНІЕ ПРОВИНЦІИ
БОКО ДИ КАТАРО.

(Продолженіе.)

Неприсупное положеніе и ключь, бьющій изъ дикой скалы, понудили поспроить шупь городъ, и замокъ былъ первое его укрѣпленіе; когда же городъ распроспранилъ ся, шо и его обнесли валомъ и соединили съ замкомъ стѣнами, которыя соспавляющъ шреугольникъ. Въ 1667 году, послѣ большаго землепрясенія, Венеціане укрѣпили городъ семью бастіонами или плашфорами; курпины между бастіонами защищающъ шонкими стѣнами для ружейной обороны; высота ихъ опъ 25 до 28 фушъ, полщина же 5 и 6 фушъ. Природа сдѣлала здѣсь больше, нежели искусство; крѣпость можно атаковать шолько съ одной спороны опъ сѣвера; но шупь два фаса съ земляными валами окружены водянымъ рвомъ, а за ними рѣчка, въ копорой зимою бываетъ 6 фушъ воды. Лѣшомъ она высыхаетъ, но ложе рѣки, шириною въ 60 сажень, препяшшвуешъ дѣлашъ шраншей, ибо на полпора фуша показывается вода. Высоты надъ деревнею *Доброга* предспавляющъ возможность поспроить на оныхъ башареи; причемъ необходимо,

что бы непріятель господствовалъ надъ моремъ, ибо другимъ путемъ нельзя привезти артиллеріи. Хотя съ сей стороны и можно сдѣлать брешь, но крѣпость иначе нельзя взять какъ голодомъ. Дикой песаной камень такъ искусно сложенъ, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слыны отъ землетрясенія и преснули, но особенной прочности извѣстка держитъ ихъ и онѣ конечно простоятъ въ семь положеніи еще нѣсколько вѣковъ. У южныхъ воротъ, копоры защищаются башнею и стѣною, построенною сзади башни, подъ арками подъемнаго моста, обширнымъ жерломъ шумитъ ключъ, способный обращать колесо мѣльницы. Вода льномъ бываетъ холоднѣе, чѣмъ зимою. Не самъ ли Моисей ударомъ жезла испочилъ здѣсь воду изъ камня?

Катаро, до построенія нынѣшнихъ его укрѣпленій, много разъ былъ осаждаемъ. Соединенное въ 1301 году нападеніе Турокъ, Венеціанъ, Рагузинцовъ и Кроатовъ было неудачно. Еще до изобрѣшенія пороха въ 1378 году Венеціанскій Адмиралъ *Веторъ Пизани* взялъ городъ и замокъ штурмомъ. Ограбивъ городъ, онъ увезъ съ собою уважаемаго народомъ мощи Св. *Трифона*. Нынѣшніе грабители Европы, взявъ *Рилъ* и *Лоретту*, брали одно только серебро и золото — вошь какъ нравы перемѣняющіяся! Въ

1420 году съ помощію жителей сей провинціи Паспоровичанъ Римскій Король *Сигизмундъ* взялъ вшорично *Катаро*. Въ 1539 Турецкій Адмираль *Барбаросса*, взявъ *Кастель-ново*, два раза штурмовалъ крѣпость, но съ великою пошерею принужденъ былъ удалиться. Въ 1563 году землетрясеніе разрушило почти весь городъ; двѣ шрети жителей погибли въ развалинахъ. Въ 1570 году Турецкій Адмираль *Пертаре* съ большимъ флотомъ приступилъ къ крѣпости, и послѣ значительной пошери, опасаясь прихода Венеціанскаго флота, который могъ бы запереть его въ узкомъ заливѣ, не высаживая войскъ, поспѣшно отплылъ. Въ 1571 году Турки, овладѣвъ Черногорією, осадили *Катаро* съ сухаго пути и въ каналѣ *Ле-Катене* построили крѣпость съ 18 пушками, кошорой развалины и шеперь еще видны; но Венеціанскій Адмираль, прибывъ изъ *Корфы* съ 25 галерами, взялъ эту крѣпость и принудилъ Турокъ снять осаду *Катаро*. Въ 1657 году 20.000 Турокъ осаждали крѣпость два мѣсяца; но какъ при крѣпости была небольшая флотиллія, шо гарнизонъ, получая посредствомъ оной сѣспные припасы, мужеспвенно защищался, и хопя со стороны *Доброты* сдѣланъ былъ брѣшь, однако Турки при штурмѣ съ великимъ урономъ были отбиты. Въ 1667 году дру-

гое землетрясеніе погребло подъ развалинами города болѣе половины народа. Послѣ сего не было уже споль сильныхъ, а изрѣдка, почти чрезъ каждые два года, бывають небольшія потрясенія, непричиняющія вреда, и жители привыкли къ онымъ такъ, что и не думаютъ о нихъ. Язва шакже два раза посѣщала сей городъ; она завезена была на судахъ изъ Левапта. Съ берегу охраняють ошъ сего бича человѣческаго рода Черногорцы, неимѣющіе сообщенія съ Турками.

Персано, Столиво и Теодо составляютъ Коммунипашъ *Катарскій*, иначе *Міотевитескиль* называемый. Онъ населенъ большею частію Ишаліянскими выходцами и весьма хорошо обработанъ: дома, построенные у моря, имѣють прекрасную наружность; горы до двухъ претей у *Персано* сдѣланы уже плодоносными, а уѣздъ *Теодо*, лежащій въ долинѣ, предспавляетъ самый живописный видъ. Богатые граждане *Катаро* живутъ здѣсь лѣпомъ въ своихъ загородныхъ мызахъ. Всякаго рода плоды родятся здѣсь въ изобиліи; ошсуда же ошпускаются сладкія вина и ликеры, неушупающіе Испанскимъ. Крѣпость *Св. Тринита*, или лучше башня съ чепырьмя малыми пушками, защищаетъ дорогу изъ *Катаро* въ *Будца* и стоить при входѣ въ прудную дефилею, извѣстную подъ именемъ *святой тропины*.

3. *Доброта.*

Лежишь при подошвѣ крушой цѣпи Черногорскихъ горъ и простирается отъ рѣчки *Глюйта* до стѣнъ *Катаро*, длиною отъ 6 до 7 Италіянскихъ миль, а шириною неболѣе полувершны. Хотя природа не доставляетъ жителямъ сей страны никакихъ почши выгодъ; но трудолюбіемъ своимъ и промышленностію сдѣлались они богашѣйшими изъ Бокезцевъ. *Добротцы* и *Персанцы* имѣютъ самое большое число судовъ. Дома хорошей архитектуры, построенные почши сплошь при самомъ берегѣ, сады возникающіе на голыхъ камняхъ, окружающихъ длинное сіе селеніе, и множество судовъ, лежащихъ на якоряхъ противъ оконъ, составляютъ прелестный видъ. Граждане съ посредственнымъ воспитаніемъ, предприимчивы въ торговыхъ оборотахъ, мужественны въ сраженіяхъ, и честность ихъ заслужила довѣренность отъ Черногорцевъ, съ которыми преимущественно ведутъ они шоргъ, и получаютъ отъ того значныя выгоды. *Доброта* имѣетъ 1700 жителей и при церкви, изъ коихъ *Св. Евстафія*, новая, прекрасная и богатая, могла бы украсить большой городъ. *Добротцы* гостеприимны, но ревнивы до чрезвычайности: жены ихъ и дочери всегда запершы и не показываются

даже друзьямъ. Другіе Бокезцы, которые вообще придерживаются сего Турецкаго обычая, рѣдко соглашаются отдавать за нихъ дочерей своихъ въ замужство, ибо и монахини имѣютъ болѣе свободы. Добротцы самыя ревностныя Каполики: при прежнемъ правительствѣ не позволяли они Славянамъ Греческаго исповѣданія осваиваться у нихъ въ селеніи долѣе сутокъ, и ни одинъ Греческій работникъ, какъ онъ бы ни былъ исправенъ и вѣренъ, не могъ болѣе прехъ лѣтъ служить въ одномъ домѣ.

4. Перасто.

Занимаешь у берега узкую, безплодную полосу земли. Перастцы довольно просвѣщены, богаты отъ морской торговли и носятъ по большой части Французскую одежду. Городъ, имѣющій 1600 жителей, построень амфиатромъ и издали съ моря кажется лучше, нежели на самомъ дѣлѣ. Надъ городомъ, на горѣ, выше поверхности воды на 200 футовъ, построена иждивеніемъ гражданъ цитадель, служившая единственно для защищенія ихъ отъ набѣговъ Черногорцевъ. Пропивъ города, ближе къ *Ризано*, два острова: на одномъ изъ нихъ *Мадона д'агосто*, или *Дельскалпелло*, находишся довольно богатая церковь съ чудо-

пворною иконою Божіей Матери. 15 Августа, въ Успеневъ день, собираешся шуда много поклонниковъ, и въ сіе время жили ошправляющъ шакъ называемый *круговой танецъ*.

Руской, будучи въ *Перасто* непременно долженъ посѣшшь домъ принадлежащій *Мартиновицу*: шамъ онъ увидишь слѣды печеній ПЕТРА Великаго. Государь, предпріавъ устроишь флосъ, ошправиль во многія мѣста лучшихъ фамилій боярскихъ дѣшей для изученія науки мореплаванія, въ шомъ числѣ шесшнадцашъ человекъ, какъ думашъ должно, ошправлены были въ *Перасто* къ памошнему учеюму дворянину *Марку Мартиновицу*. Въ домъ его хранишся картина, кошорую Г. *Мажаровицъ*, уроженецъ Пераспскій шакъ описываешъ: „*Мартиновицъ* сидишь за шоломъ, на кошоромъ лежашъ каршы и математическіе инструменшы. Дѣши, въ богашыхъ боярскихъ одеждахъ, шояшъ вокругъ шола и слушающъ учишеля со вниманіемъ. Внизу каршины подписаны слѣдующія имена: 1) *Борисъ Ивановичъ Куракинъ*; 2) *Яковъ Ивановичъ Лобановъ*; 3, 4 и 5) *Князья: Петръ, Дмитрій и Ѳедоръ Голицыны*; 6 и 7) *Григорій и Михайло Хилковы*; 8) *Иванъ Даниловичъ*; 9) *Андрей Ивановичъ Репнинъ*; 10) *Абрамъ Ѳеодоровицъ Лопухинъ* (брашь Царицы); 11)

Владимірѣ Шереметьевѣ (братѣ Генерала)
 12) *Иванѣ Ржевскій;* 13) *Михайло Ртищевѣ;*
 14) *Никитѣ Лановицѣ (Lanovich);* 15) *Григорій Бутурлинѣ;* 16) *Михайло Матюшкинѣ.*"

Для сихъ дѣшей вооружено было судно, на которомъ крейсировали они въ Адриатическомъ морѣ, что бы обучашься вмѣстѣ и теоріи и практикѣ. *Мартиновицѣ* написаль родъ Поэмы, гдѣ описываешь случаи, встрѣтившіеся во время сихъ плаваній, и шумливо рассказываеть, какъ нѣкошорыхъ изъ нихъ укачало и какъ другіе плѣнялись разнообразіемъ предметовъ. Сіе твореніе напечатано на Славянскомъ языкѣ въ *Венеции*.

5. Ризано.

Городъ построень изгнанною изъ Сербіи Королевою *Теитою*. Древность его свидѣтельствуютъ оспатки Римскаго моста и мѣсто, называемое *Царине*, гдѣ и до нынѣ находяшъ частіи мозаическаго пола. Жители увѣряюшъ, что здѣсь былъ дворецъ Королевы. Надобно полагашъ, что *Ризано* былъ нѣкогда довольно важный городъ, ибо весь заливъ именовался по немъ *Sinus Risonicus*. Чрезъ сей городъ идешъ единственная дорога въ Турецкія пограничныя обласи. Ризаносы отправляютъ значительную торговлю съ *Герцоговиною* рогашымъ скошомъ;

баранами, шерстью, воскомъ и имѣютъ въ околько большихъ судовъ. Въ одномъ городѣ число жителей полагается до 1800 человекъ. Окрестности его пріятны: долина и спора горы, прилегающая къ городу и покрытая виноградомъ, представляющъ живописный видъ. Ризаноты полагаютъ свое происхожденіе отъ Римлянъ; но кромѣ одежды, сходствующей съ Римскою, сіе ничемъ не доказывается. Ризаноты извѣстны также своею храбростію: они и Паспоровичане лучше прочихъ сопротивлялись набѣгамъ Черногорцевъ. Сія провинція дала Россіянамъ прехъ Генераловъ изъ фамиліи *Графовъ Ивеличей*: первый изъ нихъ много способствовалъ къ приведенію въ подданство Кашарской области; впрочемъ *Графу Петру Ивановичу* обязанъ я многими сѣдѣніями, мною здѣсь предлагаемыми.

Остальные три Греческіе Коммуни-паша занимаютъ южную спорную залива. Въ *Картоли* и *Люстицѣ* довольно лѣсу. Жители не имѣютъ почти судовъ; но долины ихъ изобилуютъ хлѣбомъ, садоводствомъ же занимающа немногіе. *Зупа*, по Славянски *Гербаль* называемая, имѣетъ большія преимущества. Сей округъ раздѣляется на четыре Графства: *Лазаровити*, *Бонковити*, *Клюбановити* и *Тюковити*. Отсюда-то произошло такое множество *Графовъ Бокез-*

скихъ, которые въ самомъ дѣлѣ не что иное какъ деревенскіе старосты. Въ *Клюбановицахъ* находится монастырь *Ластуца*, обнесенный каменнымъ брусшверомъ. Онъ выгодно можетъ держатся противъ регулярныхъ войскъ.

Будуца древній городъ. Плиній называлъ его *Бальва*, *Бутца*, а Гомеръ *Будіцилб*. Крѣпость построена на полуостровѣ; цитадель, лежащая на крутой скалѣ, равно какъ и самыя стѣны крѣпости, большею частію развалились. Гавань защищается островомъ *Санъ - Никола*; рейдъ открытъ южнымъ вѣтрамъ. Въ городѣ находится одна Греческая и одна Капюлическая церковь. Въ 1687 году *Солиманъ*, Паша *Скутарскій*, съ 10.000 осаждалъ *Будуца*; но Генераль *Корнеръ*, съ помощію гражданъ и окрестныхъ жителей, принудилъ его снятъ осаду. Послѣ сего нѣсколько разъ крѣпость взята была Турками и Греками; раззоренія ихъ до сихъ поръ видны. Въ 1797 году, по желанію жителей, Митрополишь Черногорскій *Петръ Петровицъ* занялъ *Будуца*; но когда Бокезцы, получивъ отъ Императора Римскаго прежнія права, ошдались въ его покровительствѣ: то Митрополишь оставилъ сей городъ.

Жители шрехъ округовъ: *Добори*, *Бранти* и *Маини*, при малѣйшемъ нарушеніи ихъ преимуществъ, вмѣстѣ съ другими Сла-

вянами Греческаго исповѣданія часто бунтовали противъ Венеціанъ, и особенно Австрійцевъ, которые укрѣпленный монастырь *Св. Маріи ди Маини* подарили Мишрополиту Черногорскому, дабы вліяніемъ духовной его вѣлши удерживать народъ въ повиновеніи.

Пастровити самый дальній пограничный округъ *Боко ди Катаро*, который до прибытія Россійскихъ войскъ въ *Катаро* вель безпрестанную войну съ Черногорцами и Турецкими Албанцами. Они отличаются отъ всѣхъ прочихъ Бокезцевъ своею храбростію и часто побѣждали самыхъ Черногорцевъ. Пастровичане особенно пристрастны къ своимъ нравамъ, закону и древнимъ обычаямъ. Они очень бѣдны, ибо частые набѣги Турокъ и Черногорцевъ совершенно ихъ раззорили. Но нынѣ, когда Черногорцы сдѣлались имъ друзьями, Главнокомандующій Адмиралъ вѣжливыми сношеніями съ Пашею Скушарскимъ и спрोगими мѣрами умѣлъ заспавишь уважать народъ, подданный Россійскому ИМПЕРАТОРУ. Хищные Албанцы не смѣли послѣ шого ниоднажды сдѣлать на нихъ нападенія. Такимъ образомъ, съ появленіемъ Россіянъ, прекрапились несчастія сего мужеспвеннаго народа, спрадавшаго подъ бременемъ бѣдспвій войны во время мира. Должно ошдашь спра-

ведливость Пастровичанамъ : они не оспались неблагодарными столь милосердому и попечительному правительству. Они и Ризаншы первые выходили въ поле, сражались въ первыхъ рядахъ и отличили себя во всѣхъ сраженіяхъ съ Французами. Римскій Король Сигизмундъ, при завоеваніи Катара, получилъ отъ нихъ помощь, за что многіе возведены въ дворянское достоинство; по сему - то и предки ихъ вѣрны были Австрійскому правленію. Имя Пастровичанъ нѣкоторыя несправедливо производятъ отъ *pastori-vecchi*, то есть древніе пастухи. Это одна изъ тѣхъ многочисленныхъ ошибокъ, которыя дѣлають иностранные писатели, не зная Славянскаго или Рускаго языка и основывая свои догадки на сходствѣ словъ и т. п. *). Подлинное имя Па-

---

*) Такъ какъ напримѣръ одинъ Французскій путешественникъ утверждалъ, что *Алексѣй* есть уменьшительное *Александра*, а имене любимой напешокъ Русскихъ. Однажды кто-то при немъ попросилъ квасу, а бывшіе шумъ въ одинъ голосъ сказали: *и линѣ, и линѣ*. Вошь на чемъ именно догадливый Французъ основалъ послѣднее свое заключеніе. — Въ Англинскомъ Географическомъ Словарѣ изданія *Гордона*, въ спискѣ рѣдкостей *Россіи* помѣщенъ слѣдующій вздоръ: „Изъ главныхъ рѣдкостей страны сей должно почиташь сшранный родъ дынь (*Melon*), расшущихъ близъ *Астра-*

сировичанъ на Славянскомъ языкѣ означа-
етъ по сторону, или на границѣ живущіе,
ибо въ самомъ дѣлѣ земля ихъ соспавляетъ
крайнюю грань, раздѣляющую Славянъ отъ
Грековъ.

Крѣпость Санъ Стефано, въ Графствѣ
Пастровити, лежитъ на скалистомъ полу-
островѣ, соединяющемся съ твердою зем-
лею низкимъ песчанымъ перешейкомъ. Съ
моря могла бы она защищать входъ въ бух-
ту, но кромѣ уцѣлѣвшаго пороховаго погре-
ба, снѣжныя ея совсемъ упали. Жители произ-
водятъ маловажную торговлю. Прошмгъ

хани, Казани и Самары. Нѣкоторыя природныя жи-
тели называютъ эту дыню баранецъ (Boganez) или
ягненокъ (Littlelamb), другіе зюфитонъ (Zoorhiton),
что означаетъ живошное расптніе. Первое названіе
болѣе оной прилично, ибо видъ ея совершенно сход-
ствуетъ съ бараномъ, и жаръ сего расптнія столь
великъ, что слѣдуя народному выраженію, оно *сбѣда-
етъ* всю шраву, около его распускающую. Когда созрѣетъ
плодъ, наружность стебля покрывается веществомъ,
похожимъ на коронкую и курчавую шерсть. Частіи
шкурки сего удивительнаго расптнія хранятся въ
шуншккамерѣ Короля Датскаго въ Копенгагенѣ, и ни-
кто не можетъ отличить ее отъ обыкновенной ба-
раней. *Изъ сего-то рѣдкаго прозрѣнія Рускіе шють
себѣ шубы.* — Подлинно шеплыя! Приц. Сог.

города, на высотѣ, находится Греческій
монастырь *Прахвица* подъ управленіемъ Ар-
химандрита.

Влад. Броневскій.

(оконт. въ слѣд. книжкѣ.)

У. АУГУСТЪ ЛАФОНТЕНЪ.

Заклучая о наружности и характерѣ людей, извѣстныхъ намъ только по своимъ сочиненіямъ или по нѣкоторымъ поступкамъ, мы часто бываемъ въ заблужденіи; но ничто не можетъ быть ошибочнѣе того мнѣнія, которое даюшь намъ о *Лафонтенѣ* даже самыя характеристическія изъ его твореній. Узнавши лично сего Автора, сдѣлавшагося извѣстнымъ болѣе нежели полусотнею романовъ, которые въ особенности живыми оштѣнками крошкихъ, нѣжнѣйшихъ чувствованій привлекаюшь къ себѣ обширный кругъ читателей, всякой съ изумленіемъ найдешь въ немъ совершенно противоположное тому, чего долженъ былъ ожидать. Живость и веселіе блистаюшь въ каждой чертѣ лица его, въ голосѣ, въ рѣчахъ, въ выраженіи; необыкновенное остроуміе и склонность къ сатирѣ, гоголя обнаруживаюшь въ немъ съ первымъ словомъ, опровергаюшь о себѣ всѣ предумыслы чувствительности, и нескромный мечтатель со стыдомъ умолкаетъ въ его присутствіи.

Лафонтенъ довольно великъ ростомъ и дородень; онъ имѣеть красно-вашое, съ перваго взгляда поражающее лицо, но чѣмъ болѣе всматриваешься, тѣмъ еще болѣе находишь его привлекательнымъ. Быстрый, значительный взоръ, которымъ онъ умѣеть управлять, даетъ въсь и особую замысловатость каждому его слову. Даромъ краснорѣчія обладаетъ онъ въ высокой степени; пламенное воображеніе, неиспощимое остроуміе, обширныя свѣденія, начитанность, глубокое знаніе свѣта и людей, необыкновенная легкость и правильность въ словесныхъ оборотахъ—дѣлають его чрезвычайно пріятнымъ въ обществѣ. Когда онъ начинаетъ говорить, то около него собирается большой кругъ слушателей, которыхъ своими занимательными разказами, картинными описаніями, остроумными и всегда почти сатирическими замѣчаніями, умѣеть онъ такъ заманишь, что никто не подумаетъ его оставить, пока онъ совершенно не кончитъ. Я не могу забыть вечеръ, проведенный мною вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ обществѣ, вско-

рѣ по возвращеніи его изъ Вѣны и Венеціи. Въ томъ домѣ, гдѣ мы сошлись, приглашеніе было сдѣлано на счетъ одного Іенскаго Естествоиспытателя, кошорый былъ проѣздомъ въ городъ и съ кошорымъ весьма многіе лично желали познакомиться. Въ ожиданіи сего гостя *Лафонтенъ*, въ одной изъ боковыхъ комнаъ, собралъ около себя, по обыкновенію, большой кругъ слушателей и рассказывая что видѣлъ, и что случилось съ нимъ въ его путешествіи, шакъ пріятно умѣлъ всѣхъ занять, что никшо не вспомнилъ о Натуралистѣ. Когда *Лафонтенъ* поднялся съ мѣста, пріѣзжаго давно уже шущъ въ домъ не было; но всякой оспался доволенъ проведеннымъ временемъ и не жалѣлъ, пропусшя случай сдѣлать желаемое знакомство.

Лафонтенъ, написавши множество романовъ, получилъ такой навыкъ въ изысканіи происшествій и изображеніи романическихъ сценъ, что нерѣдко въ веселый часъ сидя въ кругу знакомыхъ, рассказываетъ вдругъ, нимало не пригошоваясь, небольшую повѣсть, и еще шакъ, что дѣйствующимъ лицамъ оной

даешь всѣ опшѣнки характеровъ шѣхъ самыхъ людей, копорые его въ то время слушающъ. Многіе изъ сихъ послѣднихъ, въ особенносши шѣ, копорымъ неизвѣсна еще такая удивительная его способность, убѣдясь легкостію и естественностію его разсказа, принимающъ вымыселъ за истину. Это дарованіе привлекаетъ къ нему людей, отличныхъ умомъ и образованностію, и потому оно конечно есть болѣе, нежели обыкновенное умѣнье быть пріятнымъ въ обществѣ. Высочайшій пріумфъ его остроумія есть сашира, но она тогда только спановишся у него личностію, когда кто нибудь добровольно опдаешь себя на жертву оной, или когда ему самому извѣстно, что люди, къ копорымъ онъ обращаетъ свои шушки, не принимающъ ихъ за колкость, но спарающся еще извлечь изъ шого свою пользу. Конечно, увлекаясь пылкимъ воображеніемъ и неодолимою склонностію къ саширѣ, шрудно воздержашь себя и положишь себѣ границы въ оной; случается, что не всякой оощается доволенъ обращеніемъ *Лафонтена*, хотя и дивишся ему внутренно:

однако таковыя случаи рѣдки и кпо знаетъ доброе его сердце, пошъ не долго будешь досадовашь. Въ качествѣ ученаго, *Лафонтенъ* заслуживаетъ удивленіе по своей необыкновенной начитанности Греческихъ и Римскихъ классиковъ. Почти цѣлыя главы можетъ онъ читашь наизусть и объяснишь въ нихъ все достойное примѣчанія въ историческомъ, филологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Сверхъ того онъ, такъ сказать, напишанъ духомъ древнихъ и говоритъ по Латынѣ правильно и пріятно. Онъ еще безпрестанно продолжаетъ заниматься изученіемъ древностей и притомъ Персидскаго и нѣкоторыхъ другихъ, мало извѣстныхъ Восточныхъ языковъ. Въ сихъ послѣднихъ приобрѣлъ онъ сколько свѣденій, что нерѣдко ученые, которые въ мало обработанномъ полѣ сихъ языковъ желаютъ имѣть на чтонибудь объясненіе (напримѣръ почтенный *Гезеній* при составленіи своего Еврейскаго словаря) обращаются съ просьбою о пошь къ *Лафонтену*. Сколько мнѣ извѣстно, онъ самъ намѣренъ издашь какое-то о Персидскомъ языкѣ

сочиненіе, опть котораго весьма многого ожидаютъ.

Еще въ *Гельмштедтѣ*, гдѣ *Лафонтенъ* учился Богословіи, обращалъ онъ на себя вниманіе своимъ остроуміемъ и склонностію къ сатиры. Послѣ того онъ былъ приващнымъ училелемъ дѣшей Прусскаго Генерала *Таддена* и попомъ въ его же полку, споявшемъ въ *Галлѣ*, полковымъ священникомъ. Съ удовольствіемъ воспоминають еще о проповѣдяхъ его, которыми опличался онъ какъ тонкій знапокъ людей и искусный декламаторъ, но которыя имѣли предметомъ одну только чистую нравственность.

Съ большимъ трудомъ и за весьма умеренную цѣну удалось ему *Ролула*, первый романъ свой, сбыть одному книгопродавцу; но вскорѣ нашель онъ себѣ безчисленныхъ чашапелей, а съ ними и обезпеченіе на цѣлую жизнь свою, ибо его пламенное воображеніе доставляель ему неиспощимые для сего матеріалы, которые при чрезвычайной легкости въ оборотахъ языка и искусствѣ въ изображеніи, весьма удобно онъ обработы-

ваешь. Это заставило его сложить съ себя званіе священника и посвящать себя совершенно Музамъ. Съ шѣхъ поръ живешь онъ въ *Галлѣ*, близъ самыхъ городскихъ воровъ, въ сельскомъ домикъ, который, на берегу *Саалы*, опличается плѣнншельнымъ мѣстоположеніемъ. Покойная Пруская Королева, любившая читать романы *Лафонтена*, во время пребыванія своего въ *Галлѣ*, видѣлась съ нимъ и пожаловала ему право преемничества на одно *каноничесство*, но когда открылась ваканція, оно принадлежало уже Королю Веспфальскому, который безъ вѣдома *Лафонтена*, отдалъ его другому. — Въ 1811 году Галльскій Философическій Факультетъ изготавилъ для него, въ день его рожденія, дипломъ на Докторское званіе. Два депутата сопряжены были торжественно вручить ему оный. Въ это время онъ работалъ въ своемъ саду и почтывая сдѣланное ему на Латинскомъ языкѣ привѣтствіе за шутку, въ шуже минушу отнѣчалъ на оную весьма забавною и остроумною рѣчью на шомъ же самомъ языкѣ. Романами своими—ко-

спорыхъ онъ конечно бы не писалъ, если бы они не сославляли главный доходъ его — занимаешься онъ шолько по ушрамъ; разкаживая по комнатамъ съ шрубкою, онъ дикшуетъ ихъ писцу и допомъ нисколко не пересмашривая и не поправляя, опдааетъ въ печать; даже коррекшурою никогда самъ не занимаешься. Обыкновенно каждый день пригошвляешъ онъ около одного печашнаго листа, и иногда шрудитшя надъ двумя романами въ одно и шуже время. Опъ шого-шо сочиненія его, сколько съ одной спороны обнаруживающъ въ превосходныхъ чертахъ глубокое знаніе челошвческаго сердца, и опличающя многими обдуманными и весьма основательными разсужденіями (наиболше опношительно воспишанія дѣшей), а при шомъ самымъ цвѣшущимъ слогомъ— шолько же съ другой содеркашъ въ себѣ многія ненужныя повшоренія, набросанныя наскоро мысли, несообразности въ самомъ планѣ и ходѣ шіэсы; даже въ языкѣ бшавающъ у него примѣшны слѣды небреженія: расшянушыя, а иногда и совсемъ неправильныя фра-

зы. Онъ самъ это чувствуешь и охотно въ помъ сознаешься; за шо онъ никогда не выспавляешь себя опличнымъ писашелемъ романовъ, никогда не заводишь рѣчи о своихъ сочиненіяхъ и спраешься прекратишь о помъ разговоръ, когда кшо другой начнешъ его.

(Изъ Нѣмецкаго Журнала: Sammler.)   *Вл.*

VI. САТИРА

На женитбу въ большолѣ свѣтѣ *).

(Подражаніе Ювеналу и Боало.)

Наскучивъ жишь одинъ и въ суетѣ и
 въ горѣ,
 Дамонъ, пронесся слухъ: ты въ бракъ вступи-
 паешь вскорѣ,
 И пысячи уже съ невѣстой сочпены:
 Порука вѣрная въ достоинствахъ жены!
 „Давно ты говоришь, я въ участи жестокой
 Желалъ избавишься ошъ жизни одинокой,
 Встрѣчашь вокругъ себя лишь лица скуч-
 ныхъ слугъ —
 Всегда, вездѣ одинъ-мнѣ нуженъ вѣрный другъ,
 Полсердца празднаго что занялъ бы собою.
 На свѣшъ къ супружеству мы созданы
 судьбою
 И жалокъ, кто бѣжитъ его во цвѣшѣ дней!
 Нещастнѣй — истинно — не вижу тѣхъ
 людей,

---

*) Просвѣщенныя чипашели безъ сомнѣнія замѣпятъ въ сей Саширѣ многіе весьма удачныя стихи и цѣлыя весьма хорошія ширады. Сашира сія получена Издашелемъ *Благонамѣреннаго* въ то время, когда стихотворенія въ эпой книжкѣ были уже ошпечашаны, и пошому она помѣщается здѣсь между прозаическими сшашьями. *Прим. Изд.*

Что также горести имѣешь Гименей
 И что онъ въ наши дни не спражь уже
 любви....
 Но что? я началъ лишь, а ты ужь хму-
 ришь брови
 И мнѣ наперекоръ съ досадой говоришь:
 „Ты также, какъ и свѣшь, во всемъ лишь
 худо зришь;
 Но еслибъ зналъ кого въ невѣстѣ обожаю,
 То воспишаніе, тѣ чувства....“ — По-
 нимаю
 И всѣ достоинства даю охотно ей;
 Пусть будешь честь невѣстѣ и зависть
 матерей;
 Положимъ, что побой избранная супруга
 Въ ученіи добра не вѣдала досуга,
 Какъ ангель, дышешь лишь невинностью
 одной —
 Но кто увѣренъ въ томъ, чтобъ съ пыл-
 кою душой,
 Начавъ съ побою жить средь нѣгъ и оболь-
 щеній,
 Невинность бы ея спаслась ошъ прешкно-
 веній,
 Явившись въ эпошъ сеѣшь, на сей театрѣ
 чудесь?
 Съ какими взорами швой Ангель сей небесь,
 Со всею нѣжностью и непорочнымъ чув-
 ствомъ
 Плѣнишься зрѣлица волшебнаго искусствомъ—

Прельстившели сердцеъ, въ успѣхахъ столю
 счастливы,
 Безмолвна и шверда, подобяся скалъ,
 Она ль безчувственна къ ихъ будешь пох-
 валъ?
 Сперва изъ подшишка по взоромъ, по
 словами,
 Ихъ отличить, назвавъ домашними друзьями,
 А памъ, Дамонъ, а памъ?... Жоконда ужъ
 не разъ,
 Краснѣяся скажу, мы видѣли у насъ!
 Чесъ съ неприсупною той крушизной
 сравнишь,
 Съ копорой низойдя не можно возвраишься.
 Бышь можешъ не пройдешь супружества
 двухъ лѣшъ,
 Какъ спраспная мѣняшь любви своей
 предмешъ,
 Ошкрыто принимаешь она друзей сихъ
 спанешъ
 И цвѣшь спыда навѣкъ въ лицѣ ея увянешъ!
 Въ порывахъ пламенныхъ порочныя любви,
 Ничто не утолитъ кипящей въ ней крови:
 Тогда неисповой подобясь Мессалинѣ,
 Чпо съ ложа Цесарей разврата шла къ
 пучинѣ;
 Въ рядъ гнусныхъ спавъ рабынѣ, забывъ и
 санъ и дворъ,
 Позора на слѣдахъ являла вновь позоръ,
 Предавшись слабости и ею вновь борима,

Не разъ упомлена, но ввѣкъ ненасыпима...!
 Счастливь, когда въ спыдѣ, не кроясь опъ
 людей,
 Дасъ средство, чшобъ шебъ избавишься
 опъ ней!
 Но что съ побой тогда, коль болѣе же-
 спа, спока,
 Любя одинъ соблазнъ и блескъ одинъ
 порока,
 Не сполько для себя, какъ чшобъ шебя
 перзать,
 Кокешсшву своему границъ не будешъ знашь?
 Въ дому швоемъ, скажи, радѣющій ко благу,
 Какъ встрѣшишь волокишь шы шумную
 вагау?
 Для всѣхъ услужливый и ласковый приѣмъ,
 Лишь шолько шы одинъ несносенъ ей во
 всемъ:
 Топъ словомъ заплаченъ, а эшопъ купленъ
 взглядомъ;
 Для нихъ у ней прошло все ушро за наря-
 домъ,
 И грудь прелесшная, съ спыдлившю бо-
 рясь,
 Вся дышетъ нѣгою, въ покровахъ не шаясь;
 Для нихъ искусная рука ея въ шерцѣнѣ
 Красивое волосъ устроила паденье....
 Къ ней въ спальню бѣдный мужъ не всякой
 часъ ходи,
 Съ шерцѣнемъ минушь благопріятныхъ жди

И скромнѣ будь, не смѣй при всѣхъ сло-
 вахъ учшивыхъ,
 Ей нѣжно упрекашь въ издержкахъ прихош-
 ливыхъ;
 Чшобъ страшныхъ не слыхашъ упрековъ,
 бранныхъ словъ,
 Радъ будешь жертвовашъ наслѣдіемъ опцовъ.
 И можно ли, скажи, встрѣчать когда съ
 укоромъ
 Наклонность въ женщинѣ невинную къ убо-
 рамъ?
 При всемъ роскошествѣ ея возможно снести:
 Ей скоро въ нищету нельзя еще привести.
 Другой, другой ешь страхъ!.... Чшо бу-
 дешъ ты, несчастный,
 Какъ демонъ злой игры вдохнешъ ей огонь
 ужасный?
 Готовься ты ея, за каршочнымъ споломъ,
 Увидѣшь заняшу симъ важнымъ ремесломъ,
 Какъ поприще она откроетъ новой славы
 И игры всѣ опъ ней возьмутъ себѣ ушавы;
 Готовься видѣшь ты, какъ нѣжная жена,
 Почтенныхъ игроковъ толпой окружена.....
 .....
 Но мнѣ опять гремитъ швое опроверженье:
 „Ея небесный нравъ, любезность, просвѣ-
 щенье...“—
 Все помню, но Дамонъ! живъ въ свѣтѣ
 межъ сѣмей
 Сихъ крошкихъ Ангеловъ до брачныхъ олшарей,

Не видѣль ли попомъ чрезъ годъ или и менѣ,
 На пагубу мужьямъ въ ужасной перемѣнѣ,
 Какъ ихъ могущій гнѣвъ въ минушу обра-

типъ

Храмъ мирныя любви въ жилище Эвменидъ?
 Какъ нѣжность ихъ въ словахъ и вкусу

должны дани,

Все увлекаешься попокомъ спрашной брани?
 Нѣтъ спуску небесамъ! И пушъ — то намъ,

Дамонъ,

Есть случай кое чемъ пополнишь лексиконъ!

Но что, когда еще ошъ страсти иль досуга

Захочетъ въ вѣрности испытываешь супруга?

Тутъ слово каждое являетъ смыслъ двойной,

Тамъ швой веселый видъ ей кажетъ знакъ

худой;

За чѣмъ ты вѣчно съ ней — иль встрѣшься

по разлукѣ,

Къ ней приближаешься задумчивъ, будшо

въ сукѣ,

И будучи отецъ ужъ взрослымъ дочерямъ,

Не падаешь, актеръ, въ любви къ ея ногамъ!

Иль ада самаго достойное мученье —

Какъ шайное? къ ней въ грудь вселился

подозрѣнье,

Какъ швой въ молчаніи замѣченъ каждый

ходъ

И ты, идя домой, встрѣчаешь у воротъ,

Въ ночи, свирѣпый видъ, въ суровомъ пла-

мень взоръ

И милую жену въ прелестномъ семь дозорѣ!
 Какъ будешь радъ тогда, опъ страха по-
 блѣднѣвъ,

Когда лишь на себя обрушишься весь гнѣвъ,
 И злобшвуя она, забудешь, въ сихъ до-
 садахъ,

Преступнаго отца ширанишь въ бѣдныхъ
 чадахъ!

Туть съ помощью врачей, приисканныхъ въ
 полночь,

Успѣешь опъ пришворствъ не въ шупку
 занемочь,

И шы, шы самъ бы радъ, теряя духа силы,
 Въ опчаянны спутишь на край своей мо-
 гилы. . . .

„Ты собралъ горести всѣ брака“ говоришь.—
 Я собралъ? Всѣ Дамонъ? Ахъ, шы меня
 смѣшишь!

Опъ спрашнаго возьмемъ предметъ не споль
 суровой;

Я все ли описалъ—сказалъ ли я хоть слово
 О шой, чей пылкй умъ, познанія и вкусъ
 Съ собой переселяшь въ швою обитель
 Музь?

Какое для себя готово восхищенье:

Ты будешь объ одномъ лишь слышаешь пѣ-
 снопѣннѣ

Или—бѣда, коль Фебъ тебѣ не будетъ милъ—
 Изъ рукъ швоихъ тогда не примушь и
 чернилъ!

Поэты у тебя назначашь вечеринки,
 Гдѣ слышашь будешь всѣ бумажныя новин-
 ки,
 И всѣ передь побой отборные умы,
 Иной посланія, другой свои псалмы
 На судъ швоей женѣ прочтушь приличнымъ
 шономъ —
 Чего шогда хотѣшь, владѣя Геликономъ?
 И Вздоркинъ, Вздоркинъ самъ опъ басень безъ
 ума,
 Ихъ будешь шакъ чипашь, какъ чипываль
 Тальма *);
 Услышишь какъ межь нихъ, забывъ она о полѣ,
 Явшися рыцаремъ въ Славянскомъ ихъ
 расколѣ,
 И шы, чшобъ ихъ поняшь, спремленіемъ
 горя,
 Вновь будешь осужденъ начашь опъ букваря—
 О шой, которая, въ любви къ тебѣ нѣмая,
 Ласкаешъ одного счастливица попугая,
 И будешь принимаешъ и жаръ сердечный
 швой
 И нѣжность и любовь съ споической ду-
 шой? —
 О шой, чшо избѣжавъ молчанія порока,
 Безъ умолка сама лепечешъ, какъ сорока? —
 О шой, чья набожность; ища различныхъ
 мѣстъ

(* Извѣстный Акшеръ въ Парижѣ.

И мужа посвящя на вѣчный переѣздъ,
 Захочешь свойства въ немъ узрѣшь къ по-
 му попребны,
 Чпобъ всю его казну осправишь на мо-
 лебны....

Ты, вижу, пораженъ сужденіемъ шакимъ.
 Терпѣнье! кончу все явленіемъ однимъ,
 И ужь спрашнѣй сего—гошовъ хопъ до за-
 клада —

Не скажешь ни одна новѣйшая Баллада!
 Чпо ежели себя поспигнешь эша часшь? —
 Къ геенской скупоспи въ нее вселился
 спрасшь —

Тогда, Дамонъ, погда заранѣе покайся:
 Суровоспямъ зимы шущъ въ осень подвер-
 гайся,

И спрогій постъ хравя во всѣ годичны дни,
 Гошовься жалобы выслушивашь одни,
 Чпо шы въ глазахъ ея и мопъ и распочи-
 пель,

Какого ни она, ни самъ ея родишель
 Блаженной памяти, не видѣль предъ собой.
 Чпо скажешь? Не ужель шы думаешь со мной
 Сказашь! „Мученіе шерпѣшь не бывши срод-
 день,

Сударыня, вопъ вамъ все ваше—я свободень.“
 И шущъ разводъ.... Дамонъ, но вспомни
 какъ у насъ

Подобныя дѣла завѣдаешь Приказъ!
 Но свѣпъ? спокойствіе погибшее? но дѣши?...

И ты какъ ни мечшай сіи разпоргнушь
 съши,
 Всечасно жалуясь предъ свѣшомъ и судьбой,
 Въ перзаньи опъ нея, въ перзаніи съ собой,
 Гоповый въ участи завидовашь злодѣю,
 И къ ужасу всѣхъ золь жишь будешь вмѣстѣ
 съ нею.

Милоновъ.

СМѢСЬ.

*Письмо къ Издателю.**Москва, 8 Августа.*

Не имѣю удовольствія знать лично почтеннаго Издателя *Благонамѣреннаго* — но люблю чашать его *Басни* — люблю посмѣяться надъ *Стихотворцелѣ* и *Чортолѣ*, надъ *Пьянюшкинымѣ*, надъ *Снѣжнымѣ Ребенкомѣ*, и еслибъ случай, когда нибудь привелъ меня въ Петербургъ, я ошылалъ бы домъ Сенатскаго Секретаря *Щукина*. Но не имѣя ни денегъ, ни нужды ѣхать въ Петербургъ, желаю познакомиться ... чрезъ почту и это письмо! .. Спросише у какого вибудъ Москвича, знаетъ ли онъ того старичка, который съ ушра до вечера бродитъ по бульвару? — маленькаго-блѣднаго — съ густыми бровями — въ каришневомъ плащѣ и въ зеленомъ каршузѣ? Спросише .. и вамъ скажушь мою фамилію ..

Вчера я не могъ быть на бульварѣ — дождь причиною; но привычка, великое дѣло! И я несмотря на лужи, копорыми преизобилують Московскія мостовыя, вышелъ на свѣжій воздухъ и пустился по ближней дорогѣ въ нашъ *Пале-Рояль* ш. е. гостини-

ной дворъ, или какъ у насъ говорятъ: *объ городѣ*. Тысячу разъ благословлялъ я свою привычку бродить!.. Гуляя подъ свѣшлыми спеклянными сводами, я находился между тысячами празднолюбцевъ, бродягъ, спекуляторовъ — и какъ помнишься, дѣлалъ чрезвычайно философскія заключенія изъ всего, что видѣлъ!.. Нечувствителью дошелъ я до Константинопольскаго кофейнаго дома, примыкающаго къ рядамъ. Въ надеждѣ отдохнуть и привести въ порядокъ свои чрезвычайно философскія заключенія—вошелъ въ него... Въ первой и второй комнахахъ, пошомки Плафона, важно поглаживали усы свои, курили трубки, и еще важнѣе молчали.. Въ третьей, губернскіе приказные, народъ бойкой и дѣловой, съ пуншевыми стаканами въ рукахъ, громко спорили объ Указѣ 1719 года; въ четвертой молодые купцы, чинно и скромно бесѣдовали о великихъ паланхахъ Московскихъ *актеровъ* *). Въ пятой и послѣдней комнахахъ никого не было (можетъ быть отъ того, что тамъ лежалъ 13 N^o *Вѣстника Европы*)... Расположась на мягкомъ диванѣ, только что хотѣлъ я задуматься, какъ вошли въ мою комнапу четверо молодыхъ людей..... Съ

---

*) Удареніе на первомъ слогѣ: такъ у нихъ водится.

первыхъ словъ я узналъ, что поварищи мои лишператоры, или какъ говорилъ дѣдушка, *словесники*.

Не знаю замѣтили ли меня они—но моя особа нимало не мѣшала ихъ разговорамъ, и эти разговоры причиною моего къ вамъ письма.—

„Вы вѣрно не читали еще, господа, послѣдней книжки *Благонамѣреннаго*“ сказалъ одинъ изъ нихъ вынимая изъ боковаго кармана вашъ Журналь. — Нѣтъ еще! закричали всѣ въ одинъ голосъ! Скажи, что тамъ есть хорошаго? — „Я еще не читалъ его, отвѣчалъ первый, кромѣ одного вопроса, копорый въ немъ предлагается. “... Онъ сѣлъ подлѣ меня, а прочіе обступили его...—„Слушайте, господа! *Отъ тего, у насъ мало охотниковъ до чтенія книгъ, а особливо хорошихъ?*“ Закрывъ Журналь, орапоръ поглядѣлъ на своихъ поварищей, и еще разъ повторилъ вопросъ ... . Всѣ разбрелись по угламъ и мой сосѣдъ, снова посмопрѣвъ въ книжку, спросилъ: „ну, господа! какъ вы рѣшите этотъ вопросъ?“ .. — Вопросъ самый простой, сказалъ молодой человекъ въ спальныхъ очкахъ; а отвѣтъ еще простѣе: мало охотниковъ до чтенія отъ того, что мало хорошихъ книгъ! — „Но есть хорошія, подхватилъ первый, хотящъ знать почему не читающъ *хорошихъ?*“ — Да что разумѣшь

должно подь словомъ хорошая книга? сказа-
 заль вшорой. У всякаго свой вкусъ и то,
 что для меня хорошо, для другаго дурно.
 Иной любитъ чипать Карамзина и Опыты
 Башюшкова; другой Разсужденіе о старомъ
 слогѣ и Опыты Аспазина. — И кто можешь
 утвердительно сказать, что у насъ *мало*
читаютъ? сказалъ прешій. — Книгопродав-
 цы! возразилъ чешвертый. — Книгопродавцы,
 сказалъ первый, книгопродавцы! Они пер-
 вые, лучшіе свидѣтели, что у насъ — много
 читають! И если Глазуновъ, Свѣшниковъ,
 Ширяевъ жалуются иногда на дурную про-
 дажу, то разумють продажу Опытовъ Ас-
 пазина, сочиненій Вралевица, Ословича, и
 тому подобнаго. У насъ много читають, за
 удовольствіе читають плапятъ чисною мо-
 нешкою — и хорошая книга не долго лежишь
 на полкахъ книгопродавцевъ! Примѣръ по-
 му сочиненія и Исторія Карамзина, сочине-
 нія Державина, Дмитріева, Крылова, Жу-
 ковскаго .... — Хорошо! подхватилъ вшорый,
 но сколько книгъ, истинно хорошихъ, ко-
 торыя нѣсколько лѣтъ валяясь въ пыли,
 обращены на обершку? Опъ чего же это? —
 Опъ того опвѣчалъ прешій, что не было
 охотниковъ ихъ чипать; опъ того, что
 каждый покупаетъ книгу по своему вкусу
 и понятію: одинъ беретъ сказки, не думая
 объ Исторіи; другой любитъ Исторію не

заботясь о Полипической Экономіи; прешій покупаешь стихи, и не заплашишь гроша за всѣ превосходные Курсы Липературы... Но всѣ читають .. —, И много читають! продолжалъ первый. — Мы все сравниваемъ себя съ прочими націями, забывая о томъ, что у насъ начали заниматьсь книгами не болѣе 50 лѣтъ.—Будетъ время и у насъ всѣ читають будущъ! Но и тогда Аспазины съ брашнєю или попомки ихъ будущъ кричатъ: „какъ мало у насъ охотниковъ до хорошихъ книгъ!“

Громкой хохотъ въ ближней комнашѣ прервалъ разговоръ; мы вышли узнать причину онаго, и намъ рассказали, что купецъ недавно пріѣхавшій изъ Ростова, ожегся шоколатомъ, испугавшись уронилъ чашку, и началъ проклиная *щиколатъ*!!

..... Молодые Орапоры оспались еще въ кофейномъ домѣ — а я побрелъ домой, не переспавая думая о слышанномъ разговорѣ. Пришедъ въ свою комнашку, я написалъ его, и если онъ годится, прошу васъ его напечатать и сказать что вы о немъ думаете?

вашъ покорнѣйшій слуга

Илья Остоженской.

Отвѣтъ Издателя.

Приношу искреннюю мою благодарность почтенному Г. Остоженскому за сообщеніе мнѣ своихъ наблюденій въ Константинопольскомъ кофейномъ домѣ и особенно за то, что онъ любитъ чашать мои Басни. Мнѣ самому онѣ очень нравятся, и я охотно не согласенъ съ мнѣніемъ Г. Окцова, который утверждаетъ, будто: „несмотря на правильность, на гладкость моихъ стиховъ, на знаніе теоріи, которую, кажется, стараюсь дать замѣшить, рассказъ у меня всегда сухъ или распянутъ, не естественъ, безъ прелести, всегда чего-то не достаетъ *)!“ Всего больше для меня то, что онъ къ симъ словамъ присовокупляетъ еще извѣстный стихъ извѣстнаго нашего Поэта:

„По гладкимъ симъ стихамъ шаромъ
хоть покаши.“

Ахъ!.....

Но оставимъ это и обратимся къ вопросу: *отъ чего у насъ мало охотниковъ до тенія книгъ и особливо хорошихъ?*

*) Смолр. *Разсмотрѣніе Разсужденія, изданнаго Г. Измайловымъ въ Журналѣ С. О. о Баснѣ и самыхъ его Басенъ.* — Тишуль не шакъ-то ясенъ и правиленъ; но это навинчено въ критическомъ сочиненіи.

Отъ того, мнѣ кажется, что у насъ мало еще образованныхъ людей: богатые наши дворяне, воспитанные Французами, Нѣмцами и прочими чужеземцами, не любящъ чипашъ по Руски, а нѣкоторые, можешъ бытъ, и не умѣюшъ; степные же дворянчики, потомки *Митрофанушки* и его дядюшки и безъ того очень заняты: весною гуляюшъ, лѣтомъ бѣгаюшъ по коноплямъ, осенью ѣздяшъ съ собаками, а зимою пляшущъ съ бабами или играюшъ въ карты. Кто же у насъ чипашъ Рускія книги? — Тѣ шолько, конторые въ *нашихъ* училищахъ, или и сами собою, получили большее или меньшее образованіе. Надобно признашъся, что у насъ шеперь какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ, въ духовномъ, ученномъ и даже въ кучеческомъ состояніи несравненно болѣе образованныхъ людей, нежели было за 30, за 20 и можно сказашъ — за 10 лѣтъ. Всѣ эти люди чипашюшъ, хотя не всѣ покупаюшъ книги и заводяшъ у себя библиошеки, потому что не многіе имѣюшъ къ тому способы. Книгопродавцы жалуются, что мало покупаюшъ у нихъ книгъ; но сколько было прежде и сколько нынѣ книжныхъ лавокъ? Прежде въ самое лучшее для книжнаго шорга время, зимою, книгопродавецъ радовался, если въ которой день продавалъ книгъ на 50 рублей; а нынѣ

продаютъ иногда на нѣсколько сотъ и на тысячу. Прежде продавались почти одни только романы, а серьезныя и ученныя книги употреблялись большею частію на маляшуру; нынче романы выходятъ уже изъ моды и хорошія книги продаются, если не очень хорошо, то гораздо лучше прежняго. Слѣдовательно у насъ читаютъ теперь больше и съ лучшимъ разборомъ книги, нежели прежде; а впредь, надобно надѣяться, охота къ чтенію и вкусъ въ словесности распространятся еще болѣе и болѣе.

И.

Н о в о с т и .

Необыкновенныя явленія Природы.

Прагскія газетшы извѣщаютъ о необыкновенномъ и рѣдкомъ явленіи природы, случившемся недавно въ принадлежащемъ Князю *Иосифу Лобковичу* имѣніи *Гистебницѣ*, Таборскаго Округа, недалеко отъ городка сего имени. Это былъ ужасный вихряный сполбъ, причинившій чрезвычайное опустошеніе. *Г. Галлашка*, Профессоръ (Физики въ *Прагѣ*, сдѣлалъ слѣдующее описаніе оному :

„Послѣ продолжавшихся болѣе прехъ недѣль необыкновенныхъ въ *Апрѣлѣ* мѣсяцѣ жаровъ, вдругъ *Маія* 10 числа н. с. около 4 часовъ вечера, при совершенно безоблачномъ небѣ, явилась на воспокѣ большая туча, которая мало по малу обложила всю восточную и южную часть неба. Западная и сѣверная спорона оспались ясны и солнечные лучи дѣйствовали со всею силою. Около 5 часовъ западный вѣтръ сдѣлался сильнѣе и мѣшался безпрестанно съ восточнымъ шакъ, что вскорѣ замѣчено было между ними жестокое бореніе. Въ продолженіи онаго, въ облакахъ, безпрестанно чернѣе и чернѣе становившихся, и пересѣкаемыхъ въ поже время молніями, образовался около восточной спороны горизонтъ сначала свѣплый,

а попомъ темный и непроницаемый столбъ, имѣвшій въ поперешникѣ болѣе 20 сажень и просширавшійся ось земли до низко нависнувшихъ облаковъ. “

„Сей столбъ дѣлалъ ужаснѣйшія опустошенія на поляхъ: то поднималъ камни, песокъ и землю и уносилъ съ собою; то съ ужасною силою отбрасывалъ ихъ ось себя и съ глухимъ шумомъ подвигался къ востоку. Черезъ преломленіе и отраженіе солнечныхъ лучей, падавшихъ на сей вихряный столбъ съ запада, казался онъ сначала огненнымъ и сообщалъ цвѣтъ свой облакамъ. Въ тоже самое время слышны были сильные громовые удары. “

„На четверть часа ѣзды ось Кривошинскихъ полей, гдѣ собственно началось сіе зрѣлище огненный столбъ остановился на паровомъ полѣ и снова началъ ужаснымъ образомъ свирѣпствовать. Съ неописанною быстротою вращался онъ по горизонтально, по вертикально, опражалъ яркіе лучи и рылъ землю, взбрасывая съ шумомъ и сеи камни, вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ, вверхъ подобно ракетамъ. Это продолжалось около 15 минутъ. Тогда въ срединѣ сего вихрянаго столба образовалась бѣлая, сребровидная полоса въ видѣ кегля, котораго остроконечность обращена была къ землѣ и достигала почти половины столба.

Сія полоса нѣсколько разъ скрывалась въ облакахъ и попомъ совершенно исчезла.“

„Послѣ сего явленія, продолжавшагося безъ малаго при четверти часа, сполбъ пришелъ ояшь въ движеніе и въ задней часпи его показалась превосходная радуга, копорая образовалась на подобіе моста чрезъ сію громаду. Между шѣмъ изъ облаковъ, частію совершенно черныхъ, частію багровыхъ, низвергались сильныя молніи, сопровождаемыя непрерывнымъ громомъ.“

„Медлѣнно подвигался сей, въ нѣкоторомъ смыслѣ огнедышущей горѣ подобный феномень, къ горѣ *Галгенбъ* (*Galgenberg*) при *Гистебницѣ*, съ копорой жители прогнаны были песчанымъ и каменнымъ дождемъ. Здѣсь огненный сполбъ превратился въ пыльное, вихряное облако, копорое перешло чрезъ *Гистебницѣ*, гдѣ оно сносило кровли, ломало и частію съ корнемъ вырывало плодовишыя деревья и вообще на пуши своемъ опалило лиспя у всѣхъ деревьевъ. Дождь изъ песку, кусковъ земли, древесной коры, пыли, хлѣбныхъ зеренъ, обломковъ древесныхъ и камней привелъ жителей *Гистебница* въ величайшій ужасъ, шѣмъ болѣе, что въ шже самое время громъ, молнія и вмѣстѣ съ шѣмъ падающій градъ свирѣпствовали жесточайшимъ образомъ.“

„Сей градъ ошмѣнной величины причи-

нилъ на пупи своемъ опъ *Стржесмирна* чрезъ *Боратонъ*, *Каменальготу*, *Гистебницъ* и *Вопаржанъ* величайшее опустошеніе. Городокъ *Бёрнатицъ* поперпѣлъ всего болѣе, ибо въ немъ не только весь засѣвъ истребленъ совершенно, но сверхъ того цѣобыкновенной величины градинами, изъ копорыхъ многія вѣсили опъ 2 до 3 фунповъ и падали въ ужасномъ множествѣ, чрезвычайно повреждены кровли и перебишы всѣ окна. Въ то же самое время въ имѣніи Г. *Кауница*, *Кауржилскаго* Округа, выпало такое множество града, что еще на пятый день всѣ рвы и ямы были имъ наполнены. Многія изъ сихъ градинъ давали опъ 2 до 3 лошовъ воды. “

„Въ Прагѣ видны были къ востоку черныя облака, копорыя предвѣщали гибельную бурю, но они не коснулись Прагскаго горизонта. Барометръ упалъ на слѣдующій день ниже средней высоты ршупи: атмосфера безпрестанно охлаждалась, такъ что 31 Маія при восхожденіи солнца термометръ (Реом.) показывалъ только при градусу шеплошы. “

Поиз вѣспіямъ изъ *Валлиса* одинъ весьма значительный ледникъ обрушился и завалилъ рукавъ рѣки *Дрансы* (*Dranse*) въ до-

линь *Бань* (Bagne), такъ что вода онаго сослала теперь родъ озера, которое день ото дня болѣе увеличивается. Ближайшія обстоятельство сего феномена еще неизвѣстны: съ часу на часъ ожидаютъ подробнѣйшихъ о помъ донесеній. *Дранса*, вытекающая изъ долины *Мартины* имѣетъ собственно два главныхъ источника, изъ коихъ одинъ находится въ задней части долины *Бань*, и сей - то самый завалень теперь ледникомъ, обрушившимся въ самомъ узкомъ мѣстѣ рукава. Вся ледяная масса занимаетъ около 400 сажень.

Въ *Тоди* *) одинъ домъ внезапно провалился, при, чемъ семь человекъ лишились жизни, и какъ сверхъ того извѣщаютъ, что земля тамъ на городской площади безпрестанно колеблется, по Кардиналь *Альбани* немедленно шуда отправился, что бы съ помощію Инженеровъ и Гидравликовъ отыскавъ удобнѣйшія средства къ предупрежденію бѣдшаго несчастія.

---

*) Городъ въ Провинціи *Сплатро* въ Церковной области.

Новыя изобрѣтенія, открытія и. т. п.

Оберъ - Гюштенратъ *Карштенъ* въ *Бреславль* открылъ въ *цинкѣ* (*иніаутеръ*) и *цинковыхъ* цвѣтахъ, добываемыхъ въ верхней *Силезіи*, новый металлъ, который качествами своими близко подходитъ къ *цинку*, но отличаетъ отъ онаго бѣлымъ, серебристымъ цвѣтомъ, меньшею твердостью, совершенною ковкостью, большею лепучестію и скорѣйшимъ превращеніемъ въ известь (*Verkalkbarkeit*). Сей металлъ легко распускается въ металлическихъ кислотахъ и даетъ съ оными бѣлую, также легко выпускаемую соль, которая между всеми металлами разрешается только чрезъ *цинкѣ*. Отъ голубоватокислаго *кали* дѣлаетъ онъ бѣлую, а отъ *сѣрнаго газа* сѣрожелтую осадку. По сему послѣднему свойству, которое служило къ открытію металла, *Г. Карштенъ* далъ ему названіе *Melinum*.

Нѣкто *Г. Огюстенъ* (*Augustin*) въ *Парижѣ* изобрѣлъ *ручной* (удобопереносимый) *Газометръ*, посредствомъ котораго въ домашнемъ хозяйствѣ можно безъ всякой надобности въ большемъ аппаратѣ получать нужное для освѣщенія комнатъ количество газа и при кошоромъ сіе освѣщеніе цѣлою прешью спановится дешевле, нежели обыкновенное.

Механикъ Трешаръ въ *Парижѣ* сдѣлалъ

планъ для обезопасенія театровъ отъ пожара и удостоился получить совершенное одобреніе Короля, Герцога *Ришелье* и Академіи. По сему плану сцена отдѣляется отъ залы двойною стѣною, а отверзшіе закрываются совершенно сдѣланною изъ олова завѣсою (которая скрывается частію вверху, частію внизу), такъ что если загорится на сценѣ, то зрители могутъ быть совершенно отъ оной отдѣлены. Подъ парперомъ находятся два большіе водоема (*citerne*), изъ коихъ вода поднимается въ шпешій, находящійся подъ кровлею, а изъ сего, въ случаѣ нужды, чрезъ дыристый оловянный пополокъ, низвергается на всю сцену въ видѣ сильнаго дождя. Желательнo, чтобы сіе изобрѣшеніе *Г. Трешара* было скорѣе приведено въ дѣйствіе и чтобы оному послѣдовали и другіе, по крайней мѣрѣ значнѣйшіе Европейскіе театры, ибо несчастія, причиняемыя имъ пожарами, къ сожалѣнію сдѣлались нерѣдки. Давно ли Лондонъ и Петербургъ, Парижъ и Берлинъ лишились украшеній, которыя можно было спавить на ряду съ самыми лучшими?...

Славный Химикъ - *Сиръ Гумфрей Дави* (*Sir Humphrey Davy*) оставилъ Англію. Онъ поѣдетъ къ Люпшихскимъ и Саксонскимъ рудникамъ, что бы ввести шамъ въ употребленіе вновь изобрѣшенную имъ лампу,

а потомъ отправился въ *Неаполь*, что бы приспособить химическія операціи къ развертыванію Геркуланскихъ свитковъ. Предъ отъѣздомъ его Принцъ Регентъ имѣлъ весьма долгій разговоръ съ симъ ученымъ. — По послѣднимъ извѣстіямъ *Сиръ Гулфрей Дави* находится теперь въ *Вѣнѣ*.

Извѣстія о новыхъ иностранныхъ книгахъ.

Въ *Вѣнѣ* вышла недавно весьма полезная и любопытная книга: *Das politische Verhältnisz der verschiedenen Gattungen von Obrigkeiten zum Bauernstande im Erzherzogthum Oesterreich. Von Joh. Ludw. Ehrenreich Grafen von Barth Barthenheim in 3 Bänden* (*О политическомъ отношеніи различныхъ родовъ лѣстныхъ нагальствъ къ крестьянамъ въ Эрцгерцогствѣ Австрійскомъ. Сочиненіе Графа Барта Бартенгейма, въ трехъ частяхъ*). *Австрійскій Наблюдатель* опзываетъ о ней съ особенною похвалою.

18 числа Маія н. с. въ *Парижѣ* вышло въ свѣтъ оставшееся послѣ *Гжи Сталь* сочиненіе: *Considerations sur les principaux événements de la revolution française* (*Разсужденіе о главнѣйшихъ происшествіяхъ Французской*

рессолюціи), въ прехъ часпахъ, въ осьмушку. Цѣна 18 франковъ *)).

Кромѣ Записокъ о Революціи Гжи Сталь занимающъ шенерь въ особенности Парижскую публику дѣѣ книги, первая: *Историческое представленіе всѣхъ со времени революціи въ Департаментъ Gard* (главный городъ Nîmes) *слѣдующихся происшествій, наиболѣе касательно взаимныхъ отношеній между Католиками и Протестантами* — сочиненіе искуснаго писателя Т. Lanze de Peret, который жилъ долго въ Нилѣ и имѣлъ случай пользоваться лучшими матеріалами (первая часпъ, заключающая въ себѣ испорическое введеніе, вышла; слѣдующія пять выйдуть въ скоромъ времени); и вторая: *Исторія Протестантовъ во Франціи съ самой Реформаціи*, сочиненіе Гна Aignan, члена Національнаго Института, который весьма искуснымъ образомъ предспавляетъ картину судьбы ихъ въ печеніи прехъ вѣковъ.

---

*) По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа первое изданіе сей книги, соспоявшее изъ 10.000 экземпляровъ все уже раскуплено. Въ первые два дни, по появленіи, продано оной 4000 экземпляровъ. Слышно, что она перепечатывается въ Брюсселѣ и будетъ продаваться дешевле. — Какъ скоро мы получимъ сію книгу, шо постараемся сообщить читателямъ нашимъ нѣкошорые изъ оной опривки.

Равнымъ образомъ и новѣйшее сочиненіе Префекта Воклюзскаго Департаментна *Г. Коттона* о Лионскихъ происшествіяхъ и пропивъ *Камилла - Иордана*, дѣлаетъ много шуму; только нѣтъ сомнѣнія, что оно писано съ большимъ присврасіемъ.

Многіе Журналы относятся съ особенною похвалою о двухъ новѣйшихъ сочиненіяхъ по части Минералогіи. Первое называется *Traité des caracteres physiques des pierres précieuses, pour servir à leur détermination lorsqu'elles ont été taillées; par M. L'Abbé Hauy, Chanoine honoraire de l'Eglise métropolitaine de Paris, de la legion d'honneur etc.* (Тракшашъ о физическихъ признакахъ драгоценныхъ камней для опредѣленія свойства ихъ въ опдѣлкѣ). Второе имѣетъ заглавіемъ: *Mineralogie des gens du monde, par M. Pujoux, chez Madame Lepetit, rue Pavée - St. André - des - Ares* (Минералогія свѣтскихъ людей; продается у *Гжц Лепти* и пр.)

Сверхъ того хваляшъ иностранные журналы издаваемую обществомъ ученыхъ людей *Исторію Наполеона Бонапарта отъ его рожденія въ 1769 году до отправленія его на островъ Св. Елены въ 1815 году.*

Исторія законодательствъ, издаваемая Перомъ Франціи, Графомъ *Пасторетолб* одобряется также Журналистами. Первые четыре части оной, кошорыя уже оппечата-

шаны, заключающъ въ себѣ законодательство *Ассиріянб, Вавилонянб, Египтянб, Сириянб* и *Евреевб*.

Французской Академикъ *Мишо* окончилъ наконецъ свою *Исторію крестовыхъ походовъ*. Она содержитъ въ себѣ много любопытныхъ, новыхъ извѣстій, однакоже между прочимъ и много ошибокъ.

Превосходной *Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ*, соч. *Г. Эйхорта*, вышла нынѣ пятая часть, содержащая *Исторію Азии* до новѣйшихъ временъ.

Слышно, что *Г. д' Екевилли* (d' Esquevilly) бывшій Генераль - Маіоромъ въ арміи покойнаго Принца *Конде*, выдася *Исторію походовъ сего послѣдняго на Рейнъ въ 1794 и 1795 годахъ*.

Въ *Парижѣ* недавно оппечатаны *Записки Гжи Эпине* (Memoires de Md. Epinau), копорыя съ жадностію вездѣ читаются.

T. Quatromère de Quineu изданіемъ своей весьма полезной книги, подъ названіемъ *Олимпійскій Юпитеръ или Древняя Скульптура*, сдѣлалъ весьма пріятный подарокъ всѣмъ любителямъ изящныхъ искусствъ.

Издаваемый въ *Парижѣ* журналъ: *Bibliothèque historique* кажется пишется только для полиціи, ибо едва книжка успѣетъ показаться, какъ ее и конфискующъ. Последній N^o онаго, долженствовавшій выйши

28 Маія, равнымъ образомъ захваченъ по предсавленію Королевскаго Прокуратора.

Г. Галиньяни (въ Лондонѣ), который досель издавалъ ежемѣсячный *Реперториумъ Англинской Литтературы*, будещъ продолжатъ сей занимательный и любопытный журналъ еженедѣльно подъ названіемъ: *Weekly Repertory or Litterary Gazette* (еженедѣльный *Реперториумъ* или *Литтературная газета*). Первая книжка уже вышла и заключаешъ въ себѣ многія превосходныя спашьи.

Въ Лондонѣ съ неперпѣніемъ ожидаютъ появленія въ свѣтъ весьма любопытныхъ по нынѣшнимъ обстоятельствомъ *замѣтаній о Гренландіи, о сосѣдственныхъ моряхъ и о сѣверозападномъ проходѣ въ Тихій океанъ*, сдѣланныхъ *Бернардомъ О'Релли* во время путешествія его въ 1817 году въ *Давидсовъ* проливъ. Сей путешественникъ доходилъ до 77 градуса широты и увѣряетъ, что многія сдѣланныя имъ наблюденія предсавляютъ почти несомнительнымъ существованіе большаго пролива, ведущаго отъ *Баффина* залива въ лежащее къ востоку море, которое, какъ думаетъ Г. О'Релли (O'Reilly), имѣетъ сообщеніе съ *Беринговымъ* проливомъ. Къ сему сочиненію будущъ приложены многія каршы и значительное число видовъ звѣрей, птицъ и разныхъ мѣспоподобеній, равно какъ и изображенія многихъ *Ескимовъ*.

Разсужденіе, которое Докторъ *Іосифъ де Маттеисъ* 19 Февраля сего года читалъ въ Археологическомъ Обществѣ въ *Римѣ*, вышло нынѣ изъ печати у книгопродавца *Бурлье*, подъ заглавіемъ: *Sull' origine de numeri Romani* (о происхожденіи Римскихъ цифръ) на 56 стр. in 4, съ lithографическою таблицею. Сочинитель спарается доказать, что какъ Римскіе, такъ и древніе Эспрурскіе знаки чиселъ получили начало свое отъ гвоздей и различнаго положенія, въ какомъ они у сихъ народовъ, въ первѣйшую эпоху ихъ образованія, начальственными особами были вбиваемы — у первыхъ въ храмъ Юпитера, а у послѣднихъ въ *Вульсинцль* (по историческимъ преданіямъ *Больсена*) въ Храмъ *Нурціи*, ихъ Богини счастья.

Первая часть *Лѣтописей Литтературы*, издаваемыхъ въ *Вѣнѣ* Обществомъ ученыхъ людей (*Geu Gerold*, въ большую осьмушку, на веленовой бумагѣ) уже вышла и содержитъ въ себѣ крипическій разборъ весьма многихъ новѣйшихъ сочиненій.

Въ первомъ номерѣ издаваемого *Г. Цшоке* на нынѣшній годъ въ *Вѣнѣ* Журнала помѣщена весьма хорошая статья подъ названіемъ: *Королевство Саксонія и Столица Дрезденъ*. Въ оной съ особенною похвалою описываются о всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ, заведеніяхъ и перемѣнахъ, сдѣланныхъ въ семь Го-

сударствѣ въ то время, когда оно находилось подъ Россійскимъ управленіемъ. Всѣ сіи учрежденія, по возвращеніи Короля, были имъ одобрены, а многія распрощранены и усовершенствованы. — Въ сей книжкѣ находящся также весьма любопытныя замѣчанія о чешырехъ Татарскихъ народныхъ праздникахъ: *Сабань*, *Жюнь*, *Ралазань* и *Курбань*, сообщенныя извѣстнымъ Профессоромъ Казанскаго Университета, Г. *Фухсомъ*.

Неупомимый Г. *Коцебу* успѣлъ прежде полугода издашь по число нумеровъ своего Журнала (*Litterarisches Wochenblatt*), которое при подпискѣ обязался выдашь въ теченіи года. Теперь собирается новая подписка на оный. Въ нѣкоторыхъ Рускихъ и даже въ Нѣмецкихъ Журналахъ эшотъ *Литтературный листокъ* называютъ *Политическимъ Журналомъ*. Можно бы спросить: *потему?* Но мы увѣрены, что тѣ, которые пишутъ эшо, вовсе его не читали, а можеть быть и не видали. И такъ не лишнимъ почишаемъ уведомить нашихъ читашелей, что *Литтературные листки*, издаваемые Г. *Коцебу*, гораздо справедливѣе можно назвать *Критическимъ Журналомъ* и при томъ весьма хорошимъ, дающимъ очень справедливое понятіе какъ вообще о новѣйшей Нѣмецкой Литшературѣ, такъ и о лучшихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ другихъ народовъ.

Разныя извѣстія.

Докторъ Философіи и Профессоръ Физики въ Прагѣ П. Кассіанъ Галлашка поднесъ Королю Датскому сочиненіе свое: о *солнечномъ затмѣніи* и получилъ отъ него въ знакъ благоволенія большую золотую медаль.

Вѣнскій Университетъ получилъ въ подарокъ отъ Г. Ермолова, имѣющаго въ Вѣнѣ свое пребываніе, новый *металлическій термометръ*, изобрѣшенный въ Парижѣ Г. Бреголомъ. Сей термометръ имѣетъ весьма большое преимущество предъ обыкновенными *ртутными*, показывая скорѣе и вѣрнѣе всѣ сама малѣйшія перемѣны въ воздухѣ. Онъ состоитъ изъ узенькой, весьма тонкой проякой полоски, сдѣланной изъ золота, серебра и платины и свернутой спирально. Верхушка оной прикрѣплена къ мѣдной досчечкѣ, на нижнемъ же концѣ находится стрѣлка, а подъ нею досчечка, которая, начиная отъ одного пункта (уменьшенной температуры) въ обѣ стороны разделена на 50 равныхъ частей. Всякая перемѣна, сдѣлавшаяся въ воздухѣ, показывается движеніемъ стрѣлки, которая при уменьшающейся теплотѣ подвигается впередъ, а при увеличивающейся идетъ назадъ.

Ея Королевское Высочество Ерцгерцогиня Беатриксъ д'Есте къ большой, въ четвертой книжкѣ сего Журнала описанной и

для Каррарской Академіи опредѣленной медали, приказала присовокупить еще меньшую. На передней сторонѣ находится надпись: *Academia Carrariensis* и обращенная вправо украшенная шлемомъ голова Минервы съ циркулемъ и молоткомъ, какъ принадлежностями скульптуры; внизу имя медальера *J. Lang*; на задней *Studiosae Juventutis incitamento* (въ ободреніе жаждущаго ученія юношества) надпись въ шрехъ строкахъ, подъ кою находится лавровый вѣнокъ. Величина медали 30. Вѣсъ серебра два лота.

Вѣнскій Кабинетъ монетъ и аншиковъ получилъ въ подарокъ отъ Триестскаго Банкаира *Пьетро Юсуфъ* двѣ весьма рѣдкія и хорошо сохраненныя Египетскія сшатуи, копорыя очень уважаются знатоками. Онѣ представляющъ двухъ коллоссальныхъ женщинъ съ разными гіероглифическими надписями и почти совершенно между собою сходны. Банкаиру *Юсуфу* достались онѣ отъ брата его, находящагося въ службѣ у Египетскаго Намѣстника.

Мюльнерова Трагедія: *die Schuld* (Вина), копорая болѣе чотырехъ лѣтъ была играна съ величайшимъ одобреніемъ почти на всѣхъ Нѣмецкихъ театрахъ, нынѣ въ *Дрезденѣ* запрещена. Любопытно знашь причину. — Эта пьеса посвящена Авторомъ Государынѣ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Вѣнскій Придворный театръ лишился одного изъ лучшихъ своихъ украшеній: 29 числа прошедшаго Маія скончался Актеръ *Фридрихъ Роозе* на 51 году отъ рожденія. Тѣ шолько, кошорые видѣли его игру, могутъ чувствовать сколь велика и невозвратима для театра сія потеря.

Извѣстный во всей Европѣ Вѣнскій Композиторъ *Людвигъ фонъ Бетгофенъ*, получилъ недавно изъ Лондона, отъ одного изъ тамошнихъ почтпашелей его сочиненій, въ подарокъ рѣдкое и драгоцѣнное форпопіано. Австрійское правительство, уважая достоинства *Г Бетгофена*, позволило ввезти оное безъ всякихъ пошлинъ, кошорыя въ подобныхъ случаяхъ бывають довольно значительны.

Оба знаменитые ваятели нашего времени заняты теперь работою для пропавшихъ спранъ свѣта. Извѣстный Датчанинъ *Торвальдсенъ* отдѣлываетъ колоссальный бюстъ *Майтланда*, Генераль Губернатора острововъ *Іонійскихъ*, кошорый, по заказу жипелей, долженъ быть оплишь изъ мѣди и поставится на публичной площади въ *Корфу*. Славный *Канова* трудится надъ спашую Генерала *Вашингтона* для Америки.

Извѣстный путешественникъ по Бразиліи *Auguste de St. Hilaire* переслалъ Парижскому Музеуму болѣе 1800 новыхъ родовъ растѣній.

Французскій Посланникъ при Римскомъ дворѣ Графъ *Блакасъ* продолжаетъ дѣлать

поиски около храма *Кастора и Поллукса*, въ особенноти для того, чтобы отыскать недоспающіе сполны онаго. Такъ какъ сей храмъ находился вблизи древняго *Forum* (при подошвѣ Палапинскаго холма) и отсюда лежала дорога къ храму *Вѣсты*, то можно при семъ случаѣ ожидать отысканія и другихъ древностей.

Недавно скончался въ Мюнхенѣ *Робертъ Глицъ - Блоцвейль*, изъ *Золотурна*, которой споль превосходно писалъ продолженіе *Мюллеровой Исторіи Швейцаріи*. Онъ имѣлъ не болѣе 32 лѣтъ и наслаждался совершеннымъ здоровьемъ. Жестокая нервная горячка, кою онъ заразился отъ одного изъ друзей своихъ, свела его въ короткое время во гробъ. Съ нимъ исчезли многія надежды, на которыя давали право первые труды его по части *Исторіи*.

Капалогъ книгамъ, вышедшимъ къ *Лейпцигской ярмаркѣ*, бывшей на *Пасхѣ*, содержишь 2870 новыхъ произведеній, между которыми однако весьма немного найдешь хорошихъ.

Самое новѣйшее и самое недѣлпѣйшее произведеніе по части музыки есть - положенный въ *Парижѣ* на музыку *уголовный допросъ*: *L'affaire de Rodez, piéce de musique, arrangée pour le piano forte, etc.* Въ ономъ *Гжа Мансонъ* приглашается торжественно къ суду; въ *ретитативахъ* отговаривается она признашья; въ *крестендо* выслушиваетъ ее

Президеншъ; *треяли* произноситеся судейское рѣшеніе, и проч. Какъ при семъ случаѣ не воскликнушь: о просвѣщеніе!

(Изъ разныхъ иностранныхъ Журналовъ)

Д.

~~~~~

Анекдотъ *).

Во время войны, копорую Англичане вели въ Воспочной Индіи съ *Типпо Сауболъ*, послѣдній имѣлъ у себя союзниками Французовъ. Хотя крѣпость *Куддалоръ* и подкрѣпляема была флотомъ Адмирала *Сюффрени*, но не взирая на сіе Англичане сдѣлали сильную атаку и при вылазкахъ взяли въ плѣнъ множесство Французовъ. Полковникъ Ганноверскихъ войскъ *Вангенхеймъ*, осмашривая плѣнныхъ, замѣтилъ между ними одного раненнаго молодого Сержанта весьма привлекательнаго вида. Изъ благороднаго къ нему состраданія приказалъ онъ перенести его въ свою палатку, надзиралъ за его пользованіемъ и содержалъ при себѣ до размѣна плѣнныхъ.

Спустя много лѣтъ послѣ сего происшествія, когда Генераль *Вангенхеймъ* находился уже въ своемъ опечесствѣ, вошли Французскія войска подъ начальствомъ *Бернадотта* въ Ганноверъ. Всѣ чиновники сей малой

---

*) Изъ Англинскаго Журнала: Quarterly keview.

области, обильной великими людьми, явились съ почтеніемъ къ побѣдителю. Когда очередь дошла до представленія Генералу *Вангенхейму*, то *Бернадотъ* спросилъ у него: „я слышалъ, что вы служили много лѣтъ въ Индіи; не были ли вы при осадѣ *Куддалора*?“ — Былъ, Ваша Свѣплость, ошвѣчалъ храбрый Генераль. — „Не припомниши ли молодаго Французскаго Сержанша, котораго изъ великодушія и соспрананія къ его ранамъ взяли вы къ себѣ въ палашку?“ — *Вангенхеймъ*, подумавъ нѣсколько минутъ, ошвѣчалъ: помню, Ваша Свѣплость; но ничего болѣе послѣ того объ немъ не слыхалъ, и очень желалъ бы знать, гдѣ находится теперь эшопъ прекрасной, молодой челоувѣкъ. — „Сержаншъ сей, сказала *Бернадотъ*, имѣешь честь говорить теперь съ Вашимъ Превосходительствомъ и весьма радъ случаю изъявить вамъ искреннѣйшую свою признательность и увѣрить почтеннаго Генерала *Вангенхейма*, что онъ никогда не позабудешъ его великодушнаго покровительсва.“

Вопъ еще новый анекдотъ, возкликаетъ Англинскій Издашель, кошорый явля намъ двухъ великихъ людей, показываешъ въ поже время новый опышъ превращенсшей фортуны.

Перль.

Съ Англин. В. Берхъ.

Извѣстія о новыхъ Рускихъ книгахъ.

1. *Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ Религіи. Превосходнѣйшее твореніе знаменитѣйшаго Іерузалема. Переведено съ Нѣмецкаго Т. Крыловымъ. Томъ II. Изданіе второе, вновь исправленное. С. П. б. 1818, въ Морской Типографіи, въ 8 ку, 248 страницъ *)*.

При появленіи на Рускомъ языкѣ перваго тома сего испинно превосходнаго творенія знаменитѣйшаго Богослова и Проповѣдника *Іерузалема* **), нѣкопорые изъ на-

*) Первые два тома сей книги получашь можно здѣсь во всѣхъ книжныхъ лавкахъ; на оспальные же два тома, копорые выдушъ въ непродолжительномъ времени, выдаеися билешъ. Иногородные благоволяшъ опносихъся съ приложеніемъ своихъ адресовъ и денегъ къ самому Переводчику Коллежскому Ассессору *Тимофею Семеновичу Крылову*, живущему у церкви Владимірскія Божіея Машери, въ домѣ Г. Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Федора Александровича Голубцова*. Цѣна за всѣ чепыре тома, какъ здѣсь въ С. П. бургѣ, такъ и съ пересылкою въ другіе города 25 р.

**) „*Іоаннъ Фридрихъ Вильгельмъ Іерузалеми* родился въ *Оснабрукѣ* въ 1709 году, учился съ великимъ успѣхомъ въ *Лейпцигѣ*, и былъ Придворнымъ Проповѣдникомъ при *Герцогѣ Брауншвейгскомъ*. Его спара-

їнихъ Журналовъ и газетъ опозвались уже съ опличною похвалою какъ о самомъ сочиненїи, такъ и о переводѣ. Сочиненіе давно признано классическимъ, а переводъ—какъ весьма справедливо сказалъ Издапель *Сына Отечества* — „близокъ, ясенъ, чиспъ — словомъ очень хорошъ.“ Книга сія соспоятъ будетъ изъ чепырехъ помовъ. Въ первомъ заключаюпся *шесть Размышленій*: 1) о важности изслѣдованія, еспь ли Богъ? 2) Есть Богъ — Творецъ міра. 3) Богъ еспь духъ всесовершеннѣйшій. 4) О Провидѣнїи Божіемъ. 5) О происхожденїи зла физическаго. 6) О происхожденїи зла нравственнаго. Во вшоромъ *четыре*: 1) О будущей жизни. 2) О нравственной напурѣ челоуѣка. 3) О сущности Религїи. 4) Ошношеніе Религїи къ суевѣрїю и

нїямъ и шрудамъ обязанъ городъ *Брауншвейгъ* знаменїтымъ своимъ *Каролинскимъ Коллегіумомъ*, копорый считаешся въ числѣ первыхъ учебныхъ заведенїй Германїи. Благодарность и привязанность къ Брауншвейгскому двору побудили *Герузалема* опказашься опъ предложеннаго ему званія Жанцлера Гешпінгенскаго Университета. Онъ скончался въ 1789 году, съ спокойшвіемъ и швердоспїю истиннаго Хрисшіанина. Жшпели Брауншвейгскїе повинѣ благословляюшъ память его: всѣ шамошнїя богоугоднїя заведенїя обязаны ему своимъ сущесшвованїемъ.“ *Сынъ Отечества* 1818, № 8, сшран. 66 и 67.

невѣрію.—Каждое изъ сихъ *Размышленій* и мѣсть множество крапкихъ оцѣвленій или главъ, шакъ чпо несмотря на важность и глубокомысленность предметовъ, о коихъ-рыхъ спрашивается въ этой книгѣ, вниманіе, при чтеніи оной, не сколько не упоминается.

2. *Сибирскій Вѣстникъ*, издаваемый Григоріемъ Спасскимъ. Съ эниграфомъ: *Nosce patriam postea viator eris.* Часпъ II. С. П. б. 1818, въ шип. Іос. Іоаннесова *).

Издашель *Сибирскаго Вѣстника*, Корреспондентъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи на-

*) Подписка на *Сибирскій Вѣстникъ* принимается: въ С. П. бургѣ, у Издашеля, въ Газетной здѣшняго Почтамта Экспедиціи и въ книжныхъ лавкахъ: Академіи Наукъ, И. П. Глазунова, Свѣшникова, Плавильщикова и братьевъ Слениныхъ; а въ Москвѣ, у содержашеля Университетской книжной лавки А. С. Ширяева и у книгопродавцовъ: Глазунова, Душина и Свѣшникова. Иногородные благоволяшъ адресовашъся въ Газетную С. П. бургскаго Почтамта Экспедицію, или къ самому Издашелю, подписывая: *въ С. П. бургѣ. Издашелю Сибирскаго Вѣстника Г. И. Спасскому. На Невскомъ проспектѣ въ Типографіи Іоаннесова, въ домѣ Лазарева подбъ № 48.* Цѣна за всѣ чешыре часпи сего изданія, съ чешырьмя же пешрадами рисунковъ и съ пересылкою 35 рублей.

укъ и членъ Обществъ: ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго испытателей природы и С. П. бургскаго любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, Г. Спасскій, жилъ около пятнадцати лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири, и въ продолженіе сего времени занимался безпрестанно собираніемъ разныхъ любопытныхъ свѣдѣній о тамошнемъ краѣ. Труды его заслуживаютъ всякое уваженіе шѣмъ болѣе, что сія обширная и столь важная для насъ по многимъ отношеніямъ страна очень мало еще намъ извѣстна. Что бы дать нѣкоторое понятіе нашимъ читателямъ о *Сибирскомъ Вѣстникѣ*, мы помещаемъ здѣсь оглавленіе второй части онаго. — I. *Древности Сибири.* О Сибирскихъ древнихъ курганахъ. Наружность кургановъ. Насыпи земли и груды камней. Огромные камни и испуканы. Внутреннее строеніе кургановъ. Обряды, наблюдаемые при погребеніи. Вещи, зарытыя съ покойниками. Раздѣленіе кургановъ. II. *Изображенія обитателей Сибири.* Народы, кочующіе вверху рѣки Енисея. Мнѣніе Линнея о дикихъ хлѣбныхъ растѣніяхъ въ Сибири. Возраженіе Дикорасшущія травы, собираемыя кочующими. Звѣриный промыселъ. Домоводство. Пища. Одежда. Жилища и проч. III. *Собраніе свѣдѣній о Сибири и о странахъ, сопредѣльныхъ оной.* Путешествіе въ Ки-

шай Козака Ивана Пеплина въ 1620 году. Примѣчанія на темныя мѣста сего путешествія. Путешествіе опть Сибирской линіи до города Бухары въ 1794 году. IV. *Смѣсь*. Примѣръ великодушія и челоуѣколюбія. — Къ сей части принадлежатъ слѣдующіе рисунки и изображенія: 1. Видъ Лиссвяжнаго хребта близъ деревни Фыкалки. 2. Древніе надгробныя памяшники Саянскихъ степей. 3. Древніе надгробныя памяшники изъ Алтайскихъ горъ. 4. Видъ кургана Золопаря. 5. Металлическія вещи, вырышыя изъ кургановъ близъ Алтайскихъ горъ. 6. Металлическія вещи, вырышыя изъ кургановъ близъ Саянскихъ горъ и сомнительныя.

3. *Наставленія дочери*. Съ эпиграфомъ: *слово родителей носитъ печать искренней любви и заботливости къ дѣтямъ*. С. П. Б. 1818; въ шип. Крайя, въ 8ку 34 стран. *)

Сіи наставленія, писанныя Сочинителемъ собственно для его дочери, которая, послѣ пошери двухъ нѣжно любимыхъ имъ супруговъ, составляла единственнаго его ушѣ-

---

*) Продается въ пользу бѣдныхъ въ Конпорѣ Женскаго Патриотическаго Общества, на Липейной по Офицерской улицѣ, въ домѣ Яхонтова подъ № 36я и у книгопродавца Свѣшникова. Цѣна одинъ рубль.

шеніе и скончалась въ младенческихъ еще лѣтахъ, можно назвашь *Ручною книжкою для молодыхъ дѣвицъ*. „Листки сіи, говоришь Сочинишель въ предувѣдомленіи — не заключающъ въ себѣ ничего новаго“ — а мы прибавимъ съ своей стороны, что въ нихъ сказано все то, что необходимо нужно знашь и наблюдать всякой дѣвицѣ, желающей бышь доброю женою, матерью и хозяйкою.

Благотворенія.

Въ пользу бѣдной и обремененной большимъ семействомъ Гжи Надворной Совѣтницы П. Н. Г. получено Издателемъ *Благонамѣреннаго*:

12	Августа, отъ неизвѣстной особы .	10 р.
28	— — — — — отъ Марьи Осиповны Глинкиной	50 р.
	Итого <i>шестидесятъ</i> рублей . . .	60 р.

Доставлены. — Сверхъ того 8го ч. нынѣшняго мѣсяца Гжа П. Н. Г. получила вновь *пятидесятъ* рублей отъ той же самой неизвѣстной и благошворительной особы, о которой упомянуто въ 6 й книжкѣ сего Журнала.

Извѣстіе о несчастномъ сѣмействѣ.

Ошпаенный чиновникъ 14 класса Иванъ Щелкуновъ, не получившій никакой за долгое время взятія Французами Смоленска все свое имѣніе, изъ доходовъ котораго содержалъ себя съ женою и малолѣтными дѣтьми. — Онъ лишился при семъ случаѣ опъ ударовъ и злодѣйскихъ поступковъ непріятелей всѣхъ на головѣ волосъ, многихъ зубовъ; опъ желѣзь и веревокъ, которыми его обременяли, на рукахъ оспались кровавые знаки; а голени обтерлись почти до костей. — Избавившись наконецъ опъ пиратства варваровъ, въ дорогѣ, зимою, во время сильныхъ морозовъ ознобилъ обѣ ноги. По долговременныхъ спраданіяхъ всѣ пальцы у ногъ и часпъ подошвы опгнили и опшпилены; опъ чего ходилъ почти не въ силахъ, ибо правая нога, лишившись костей, при маломъ движеніи, обливаешся кровью; большая рана, несмотря на долговременное прикладываніе пластыря, не заживаешъ; на рукахъ также опморозилъ восемь пальцевъ, которые и опвилены. — Въ таковомъ горестномъ положеніи, преперпѣваешъ съ женою и чепырьмя малолѣтными дѣтьми совершенный во всемъ недостатокъ и почти лишень дневнаго пропитанія. — Онъ живешъ

3 Адмиралш. часпи 3 кваршала у Церкви
Вознесенія Господня, въ домъ Порущика
Шелковникова подъ N° 169, ошь угла вшо-
рья ворота, въ 4 эшажъ.

А. Н.

~~~~~

(31 Августа)

ИМЕНА ОСОБЪ ПОДПИСАВШИХСЯ
НА ЖУРНАЛЪ: *БЛАГОНАМЪБРЕННЫЙ*.

У Издателя:

Бѣ С. П. буревъ:

Ихъ Превосходительства:

Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ.
Аншонъ Ивановичъ Миллеръ.

Ихъ Высокоблагородія:

Иванъ Алексѣевичъ Смирновъ.
Яковъ Андреевичъ Албрехшъ.
Карль Николаевичъ Бердъ.
Алексѣй Петровичъ Пяшовъ.
Павель Петровичъ Щукинъ.
Александръ Матвѣевичъ Кохъ.
Александръ Андреевичъ Сахаровъ.
Яковъ Ивановичъ Ивановъ.

Ихъ Благородія:

Василій Ивановичъ Туманскій.
Орещъ Михайловичъ Сомовъ.
Махайло Николаевичъ Мейеръ.
Алексѣй Ивановичъ Домнинъ.

въ другихъ городахъ:

Въ Талбовѣ:

Ея Высокородіе Анна Николаевна Шредеръ.

Ихъ Благородія:

Николай Степановичъ Осиповъ.

Михайло Ивановичъ Рубецъ.

Федоръ Юрьевичъ Миншеръ.

Иванъ Филиповичъ Земцовъ.

Г. Абоносимовъ.

Марья Михайловна Толмачева.

Купеческій сынъ Николай Машевъевичъ Ма-
линъ.

Въ Козловѣ: Тип. Сов. Иванъ Григорьевичъ
Позняковъ.

Въ Лебедяни: Тип. Сов. Николай Василье-
вичъ Глѣбовъ.

Въ Кирсановѣ: Маіоръ Волковъ.

Въ Темниковѣ: Кол. Секр. Василій Семено-
вичъ Семѣновъ.

Въ Моршанскѣ: Тип. Сов. Яковъ Осиповичъ
Семеновскій.

Въ Липецкѣ: Маіоръ Яковъ Яковлевичъ Ало-
пеусъ.

Въ Шацкѣ: Тип. Сов. Сергій Осиповичъ
Кудрявцовъ.

Въ Усмани: Тип. Сов. Николай Васильевичъ
Масловъ.

Въ Спасскѣ: Маіоръ Гладковъ.

Въ Елатьмѣ: Кол. Секр. Бернгардъ.

Въ Борисоглѣбскѣ: Губ. Секр. Фишеръ.

Въ Мещовскѣ: Поручикъ Кіевскаго Гранодерскаго полку Николай Максимовичъ Княжевичъ.

Въ Дмитріевѣ, что на Сванѣ: Квартермистръ Аспраханскаго Кирасирскакаго полка Петръ Ивановичъ Цанаевъ.

Въ Онегѣ: Александра Яковлевна Плашунова.

Въ Толскѣ:

Ихъ Высокоблагородія:

Александръ Ивановичъ Розингъ.

Василій Михайловичъ Кобылинъ.

Еѣ Чебоксарахъ: Тереншій Кириловичъ Копельниковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

Сентябрь 1818. № IX.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГЕНІЙ БУРИ.

(Изъ Лагарпа.)

Сей Галла, плавашель, въ душѣ отваги
полный,
Открывшій новый путь черезъ свирѣпы
волны,
Летѣль на парусахъ ошь Африканскихъ
скаль.
Вдругъ грозный призракъ вспаль предъ нимъ
изъ водъ безвѣсныхъ;
Главою досягалъ онъ до вышешъ небесныхъ —
И мореходцевъ всѣхъ спрахъ хладный путь
объяль.

Имѣя пучами чело пріосѣненно,
 Просперъ десницу онъ къ спихіи разъя-
 ренной:
 Въспрѣ бушеваль и громъ вокругъ его ревѣль;
 Онъ рекъ—и адъ пошрясь въ основахъ гла-
 сомъ бурнымъ,
 Который по зыбямъ лазурнымъ
 Слова ужасныя далеко прогремѣль.

*

„Поспой!“ — въщаль гиганшъ — „поспой,
 народъ безбожный!
 „Окресныхъ береговъ я Геній есмь вер-
 ховный;
 „Я сильный богъ морей, смятенныхъ предъ
 побой!
 „Иль мнишь избѣгнушь бѣдъ, родъ дерзскій
 и преступный?
 „И какъ къ пучинамъ недоступнымъ
 „Ты досягнушь посмѣль пѣниспою спезей?...

*

„Сспрашись! узришь себя успѣхами вѣнчанна
 „И приплывешь къ брегамъ счастливымъ
Гапробана;
 „Свирѣпый Океанъ вопще шебѣ грозишь,
 „Ты будешь обладашь сей новою спраною,
 „Пойдушъ народы за шобою—
 „И новый, алчный. гробъ для смерсныхъ
 шамъ ошкрышь.

*

- „ Я внемлю браней гласъ: средь бури завываній
 „ Изъ жерль мѣдяныхъ громъ съ громами
     пучь сліянный;
 „ Я зрю среди пучинъ спихій ужасный бой:
 „ И побѣдишли и побѣжденны спонупъ,
     „ Въ волнахъ моихъ равно всѣ тонупъ
 „ И всѣ сокровища влекупъ на дно съ
     собой! “

Изрекъ — и наклонясь на Океанъ пѣнисшый,
 Вдругъ погрузился въ немъ! — Попрясся
     берегъ кремнисшый,
 Восколебалися нависшія скалы,
 Зажглися облака — и громомъ пораженный,
     Трикрашнымъ блескомъ озаренный,
 Упешь огромный палъ въ ревущіе валы.

А. Норевъ.

ПРИСТУПЪ КО ДВОРЦУ ПРИАМА.

(Отрывокъ изъ 2 й пѣсни Энеиды.)

Священный Трой пеплъ! горящая могила!
 О ты, что Илліонъ родной мой поглотила!
 Клянуся вами я: на встрѣчу копій, стрѣлъ
 Въ ужасну ночь сію безспрашно я лешѣлъ,
 И еслибъ смерть была мнѣ суждена судьбою,
 То сколько заслужилъ ее я сей рукою!

Уже весь полкъ мой палъ отъ Греческихъ
 мечей;
 Лишь древностію лѣшь ослабленный Рифей
 И Пелеасъ, копьемъ Одисса уязвленной,
 Изпоргнулись со мной изъ сѣчи разъяренной.
 И се! ужасный вопль пьмой ночи про-
 бѣжалъ;
 Въ чертоги царскіе меня онъ призывалъ.
 Тамъ; тамъ пылаешь брань, тамъ пирше-
 ство Беллоны;
 Казалось шаршаръ тамъ опверзь свой зѣвъ
 бездонный;
 Казалось лишь тамъ кипѣлъ свирѣный бой,
 И градъ глубокою объятъ былъ пищиной!—
 Тѣсняшся тамъ враги блестящими волнами;
 Возвыся мѣдь щиповъ, какъ спѣну надъ
 главами,
 Вмѣняя ни вочто стрѣлъ, копій, камней
 градъ,
 По льствицамъ на валъ наперерывъ лешашь,

Хватаясь за зубцы безпрепечной рукою.

Но Тевкры жизнь продать ужасною цѣною
Рѣшились: ихъ на брань опчаянне вѣдещъ;
Съ обзоровъ пламенныхъ въ Данаевъ смерть
падещъ

И испребляещъ въ мигъ сомкнушыя дружины;
Безгласенъ вижу я лепящи снѣнь съ вер-
шины

Злашыя утѣари, обломки олшарей,
Прешолы древніе Дарданіи Царей! —
Въ дали, во шьмѣ я зрю собрашій сонмы
блѣдны;

Толпящіесь внутри, врага хранящи мѣдны.
Сей видъ, въ груди моей уснувшій будишь
гнѣвъ,

Лечу я поддержашъ падушій шронъ царевъ. —
Еще оспался входъ въ черпоги осажденны,
Ошь зрѣнія врага судьбами сокровенный;
Во свѣшлый, царшвенный онъ перемъ
проникаль,

Его Пріамидовъ съ домами съединяль.
Черезъ эшошь скрышой ходъ, въ злашыя дни
Пергама,

Аспіанакса машъ, предъ древняго Пріама
Любила шествовашъ, да съ сыномъ на рукахъ
Супруга славу зришь гремящаго въ бояхъ. —
Но днесъ, чрезъ дверь сію взбѣгаю я на
снѣны,

Ошколь сограждане, безсмершными сму-
щенны,

Сверкаетъ жалами и пурпурной броней,
 Равняется небесъ съ огнистою зарею.—
 За Пирромъ шествуютъ герой герою въ слѣдъ;
 Всѣ дышатъ яростью, у всѣхъ одинъ пред-
 метъ.—
 Здѣсь, Перифасъ надмѣнь гигантской высо-
 шую;
 А шамъ, Автомедонъ, котораго рукою
 Въ равнинахъ Фригіи, средь бури ратныхъ
 прей,
 Смирялась быстропа Ахилловыхъ коней!—
 И юность Сцирская, прикрывая щипами,
 На кровы мещетъ огонь дождящими спруями.
 Пирръ ей глава, примѣръ; въ рукѣ его бу-
 лапъ
 Разитъ, перзаешь, рвешь звѣннати спворы
 врапъ;
 Ударъ удару въ слѣдъ ихъ язву расширяешь.
 Уже отважный взоръ Ахейца проникаешь
 Въ обитель древнюю Дарданіи владыкъ,
 Зришь пышность древнюю, зришь древни
 проны ихъ.—
 На прагъ стражей сонмъ.... во внутренно-
 спи зданья
 Сражающихся крикъ, сражаемыхъ спенанья
 Ужасный заглушалъ опчаянїя вой!—
 Въ блестящихъ шерематъ испуганной шолпой
 Блуждаютъ блѣдныя, шрепещущія жены,
 Въ безпамяшствѣ враша объемлюшь позла-
 щенны —

Лобзаюшъ ихъ, проси послѣдне имъ гла-
 сяхъ,
 И мнишся, ихъ уста слились со златомъ
 врагъ! —
 Словами, взоромъ Пирръ Ахейцевъ ободряешъ,
 Въ чершого пушъ открывъ всѣ силы на-
 прягаешъ.
 Заклены, стражей полкъ герою не оплошъ:
 Гремивъ, разивъ, дробивъ — и все предъ
 нимъ падешъ!
 Дождяшъ ударами орудья спѣнобитны:
 Въ прахъ рухнули врага! — убійствомъ не-
 насытннй
 Густою шучей врагъ вшоргаешся, лешивъ,
 За нимъ — рѣкою кровь, предъ нимъ же —
 смерть бѣживъ.
 Сперлись изъ края въ край въ чершогохъ
 Грековъ волны;
 Обишли Царей: огня и крови полны.
 Такъ горный, вешнй шокъ, плошину одо-
 лѣвъ,
 Сшрешся съ шумомъ внизъ — далеко слы-
 шень ревъ —
 Кипящй валы со крушизны свергая,
 Крушшся, пашыря и шпадо увлекая. —
 Я Пирра зрѣлъ, я зрѣлъ Апреевыхъ сыновъ
 Въ огнѣ, въ крови, въ дыму, средъ мерш-
 выхъ шѣлъ коштровъ;
 Съ развѣянными зрѣлъ Гекубу я власами;
 Зрѣлъ дочерей ея, сражаемыхъ врагами;

СЦЕНА изъ КОМЕДИИ: ОПЕКУНЪ СТИ-
ХОГВОРЕЦЪ.

Свистовъ и Дамонъ.

Свистовъ (наталкиваясь на служанку, входитъ въ размышленіи на сцену.)

И вѣчно помѣшаюшъ!

Лишь мысль счастливая и риема мнѣ при-
шлась,
Дѣвчонка въ бѣшенствѣ, какъ съ цѣпи сор-
валась!

Въ какую приведутъ всегда меня досаду!
О, дорого спяжашъ поэтамъ намъ награду!
Пусть въ свѣпѣ думаютъ легко на эпопѣ
счѣшъ;

А я—при мысли сей, меня бросаешъ въ
попѣ.

Во что мнѣ, напримѣръ, обходяшся тво-
ренья? —

Сиди, попѣй, пиши, шерзай воображенье,
Здоровье самое, къ помужъ въ мои лѣша —
Но слава, но вѣнецъ, все прочее мечша!

Дамонъ.

Могу ли Chesъ имѣшъ усердыя съ изъявленъ-
емъ...?

Свистовъ. (вѣ сторону.)

Тѣфу къ чорту: я опять разстался съ вдовененьемъ!

(вѣ слухъ.)

Благодарю, сударь.

Далонъ.

Вмѣнилъ себѣ я въ долгъ,
Приѣхавъ, быль у васъ почтенія въ залогъ.
Давно, сударь, искалъ я случай драгоцѣнной
Увѣришь васъ въ моей пріязни неизмѣнной,
И коль не ошвлеку присутствіемъ моимъ....

Свистовъ.

Да, временемъ, сударь, мы очень дорожимъ.

Далонъ (вѣ сторону.)

Не въ духъ что-то онъ, но должно приласкаться!

(вѣ слухъ.)

И я не менѣе: вѣдь не всегда удастся
Людей съ паланшами, шакихъ, сударь, какъ
васъ,
Увидѣшь при дворѣ, не только здѣсь у насъ,
И общее о васъ ошличное шоль мнѣнье....

Свистовъ.

Конечно о моемъ послѣднемъ сочиненіи
Хошите вы сказать? —

Далонъ.

Такъ почно.

Свистовъ.

Очень радъ!

Хорошій знакъ, когда достоинства цѣняшь.
И вы уже его навѣрно прочисали?

(вѣ сторону)

Такъ скоро одъ моихъ еще не раскупали!
Благодарю, сударь, благодарю за вѣсть.
И вамъ понравилось, вашъ вкусъ... прошу
присѣсть.

Далонъ (вѣ сторону.)

О Боги! я его не знаю и названья.

Свистовъ.

Что лучше въ немъ для васъ?

Далонъ (вѣ замѣшательствѣ.)

Что лучше? — окончанье.

И все, сударь, и все — не знаю какъ мнѣ
быть —

Прекрасные стихи возможноть не хвалишь?

Свистовъ.

За честь благодарю; но мнѣбъ пріятно было
Узнать, особенно что въ нихъ васъ пора-
зило.

Не правдаль сей порывъ возшорга, планъ
и ходъ? ..

Далмонъ.

Такъ почно.

Свистовъ.

Вы, сударь, любишель, вижу одъ.
О, насъ, сударь, провешшь поэшовъ очень шрудно:
Мы екусы узнаемъ пошчасъ — вамъ эпо
чудно —
Такъ почно—вы, сударь, большой любишель
одъ!
И самъ до крайности люблю я эшопъ родъ.
Когда же ишпинныхъ вы лириковъ цѣ-
нише. . .

Далмонъ.

Возможноль не любить поэшовъ?

Свистовъ (вспрыгивая.)

Обоймише!

Мой домъ и кабинешъ для васъ всегда оп-
крыпъ.

Далмонъ (въ сторону.)

Начало доброе!

Свистовъ.

Иной нашъ брашъ, пишъ —
Конечно и у насъ въ Россіи ешъ поэшы —

Все пишушь пѣсенки, посланья да сонеты.
 Я эшошь мѣлкой вздоръ, признашься, не
 люблю,
 И къ славѣ проложилъ самъ новую спезю.
 Тѣ пишушь попросшу, въ нихъ все обык-
 новенно,
 Чишаешь, шошь языкъ, что слышишь по-
 вседневно,
 И шакъ сказать, за умъ никакъ не заберешь;
 Но истинный поэшь, хошь что онъ и со-
 врешь,
 За то для простаковъ не можешь быть
 понятнымъ,
 И вопъ, что я зову наишьемъ благода-
 нымъ.
 Не правда ли, сударь?

Далонъ.

По мнѣ поэша долгъ,
 По крайности поняшь его, чтообъ всякой
 могъ.

Свистовъ.

О нѣшь! вы судите согласно съ общимъ
 мнѣньемъ.
 Я эшо доказалъ однимъ стихопвореньемъ.
 Какъ всякому поняшь, когда признаюсь
 вамъ,
 Что часто самъ дивлюсь я собшвеннымъ
 стихамъ,

И кончивъ вечеромъ иное сочиненье,
 Мое ли, по ушпру не вѣрю въ восхищенъ,
 И что бы точно знашь, что я его писалъ,
 Велю, чѣмъ секретарь за мною примѣчалъ.

Дамонъ.

Вы должны бышь поэтъ единственнѣйшій
 межъ нами. . . .

Свистовъ.

Да, эти сѣдины я нажилъ надъ стихами.
 Для славы согражданъ писать не устаю;
 Но къ сожалѣнью, опъ васъ не пошаю,
 Цѣнишь достоинства не знаешь свѣшь ко-
 варный,
 И даже признаюсь — о вѣкъ неблагодарный!
 Лишь только выпустилъ стихи мои въ пе-
 чась,
 Чуть, чуть мнѣ не пришлось изъ города
 бѣжашъ:
 Съ такою злобою повѣсы и нахалы
 Насмѣшками о нихъ наполнили журналы.
 Правительствубъ шерпѣшь не должно сихъ
 листовъ!
 Не шолько не щадяшь ни званья, ни прудовъ;
 Но скаредный таковой ввели обычай въ моду,
 Чшо мнѣ, пѣвцу, въ глаза смѣются, какъ
 уроду.
 Но зависть презирашь изъ дѣшства я при-
 выкъ. —

Вы любите стихи, божественный языкъ,
И съ вами сей же часъ злыхъ кришниковъ
забуду.

Позвольте (*беретъ ужасную кипу*) припа-
щу я маленькую груду.
Здѣсь классъ лирической. . . .

Далонъ (въ сторону.)

О Боже! что со мной?

Свистовъ.

Вы удивляешесь? — а это сорть другой —
Вязанка полная сокровищъ Аполлона,
И припчей, кажется, почти до миллиона.
Вы не повѣрите какъ легокъ эшопъ родъ! —
Здѣсь все Комедіи.

Далонъ (въ сторону.)

Тиранъ и сумазбродъ!

Свистовъ.

Но это все ничто предъ эшой кипой сла-
вной —
Здѣсь всѣ: Корнель, Расинъ и самъ Воль-
шеръ забавной.
Вошь пронъ, сударь, вошь пронъ, на ко-
емъ вижу я
Во всякомъ кришикѣ несноснаго враля.

Милоновъ.

НЕСЧАСТНЫЙ ЛЮБОВНИКЪ.

Сказка.

(Подражаніе Геллерту.)

Ахъ! до чего любовь насъ не доводишь:

Кто не дурачился отъ ней?

Она и шариковъ съ ума нерѣдко сводишь
И губишь молодыхъ, чувствительныхъ
людей.

Тотъ, слышишь, отъ любви, какъ Вертеръ,
застрѣлился,

Другой зарѣзался, иной же упоился.

Вошь на примѣръ

Въ Княжну Бѣлянкину влюбился
Сулшановъ, молодой, прекрасной Офицеръ,
Богашой: шриста душъ имѣлъ у насъ въ
Рязани,
Чешыреста въ Орлѣ и восемь сотъ въ
Казани;

А вѣкъ Секретаремъ служилъ его отецъ!

Сулшановъ былъ собою молодецъ,

Воспитанъ: лихо одѣвался,

Прекрасно танцовалъ;

Однимъ Княжнѣ не показался:

Чинъ для нея былъ очень малъ —

Поручикъ — а она желала

Имѣть супругомъ Генерала.

Сыскался Генераль и съ лѣншой и звѣздой —

Беззубой, правда и съдой —

Посвапался: Княжна въ звѣзду его влюбилась
И руку дать ему охотно согласилась.

Женихъ для свадьбы нанялъ домъ,
Купилъ себѣ парикъ, и эша вѣсть, какъ
громъ
Сразила юношу. Вотъ нашъ любовникъ бѣд-
ной,

Нечесаной, небритой, блѣдной
Является къ своей невѣрной
И падаетъ къ ея ногамъ.

„Позвольте, говоритъ: открышь мнѣ сердце
вамъ.

Жизнь или смерть! . . . скажите!“
— Чшо, что вамъ надобно? — „Ахъ только
откажете
Сопернику . . . еще бракъ можно отмѣнить!“

— Прошу меня въ шомъ извинить:
Ужъ дѣло сдѣлано, ужъ поздно . . . —
„Коль такъ, жестокая!“ вскричалъ Султанъ
ногъ грозно,

И съ словомъ симъ въ глазахъ испуганной
Княжны

Онъ шпагу обнажаетъ,
Поспѣшно къ сердцу приставляетъ
И въ мигъ . . . опяшь кладетъ въ
ножны.

И.

СТАНСЫ ДРУГУ.

(въ отвѣтъ на его посланіе.)

Задумчивоспи въ часъ, пыль звукомъ нѣж-
ной лиры

Печали сердца усладилъ,
И въ ушѣшеніе, любовію Пльниры
Ошь ней забытому польсшилъ?...

*

Тыль, обществѣ городскихъ среди большаго
круга,

Воспоминашь не переспалъ
Въ смиренномъ уголкѣ сокрывшася друга—
И сердца шайну угадалъ.

*

Твоими милыми, волшебными мечтами
Я на минушу счастливъ былъ,
И Граціи швоей плѣняясь цвѣтами —
Я настоящее забылъ.

*

Я призракъ счастья увидѣлъ предъ собою,
И слышалъ сердцу вняшный вздохъ;
Она внимала мнѣ—я съ пламенной душою
Всѣ чувства выражалъ ей могъ....

*

Кудажь сокрылись вы, мечты воображенья?
Куда я вами увлеченъ?

Не въ вашуль обласць я средь шихаго заб-
веня
Былъ тайной власшью пренесень?

*

Давно стиховъ моихъ ты пребовалъ, другъ
милый:

Желанье выполнилъ швое —

Но лиры ты моей, услыша звукъ унылый,
Молчанья не вини ее!

*

Когда я былъ любимъ — въ стихахъ своихъ
рѣзвился,

Улыбки юности желалъ —

Души моей покой надолго удалился

И строить спруны переспалъ.

*

Но горестей моихъ не осуждай причины:
Для насъ любовью красенъ мiръ;
Гдѣ сердца своего не видимъ половины,
Тамъ скученъ и веселый пирь.

*

Когдажъ наспанешъ часъ съ симъ мiромъ
разлученья,

Ошплывъ къ невѣдомымъ брегамъ,

Оспавлю здѣшній край и жизнь безъ со-
жалѣнья —

Лишь вздохъ любви и дружбѣ дамъ.

А. Норевъ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ РАЗЛУК'ВЪ.

Ужь вечеръ на поляхъ — и солнце за горою
 Послѣдній, блѣдный лучъ бросаетъ на лѣса,
 И спелелся шуманъ вечерній надъ водою
 И на лугахъ легла роса.

*

Прохладный вѣперокъ, играя межъ листьями,
 Колышетъ зыбкую поверхность тихихъ водъ,
 И томная луна, капаясь подъ облаками,
 То въ нихъ померкнетъ, поблеснетъ.

*

Орашай утомленъ ужъ ниву покидаетъ
 И въ хижину идетъ къ семьѣ своей родной;
 Разсыпанны спода пасухъ съ луговъ сби-
 раетъ
 И весело идетъ домой.

*

А тамъ средь озера на лодкѣ рыболова
 Къ крутымъ брегамъ несетъ кристальная
 струя,
 Съ добычей онъ спѣшишь въ сѣнь опческаго
 крова,
 Гдѣ ждуть давно его друзья.

*

Но вопъ! . . . послѣдній блескъ . . . зарница
 догораетъ,
 Повсюду пишина, вкушаетъ все покой,

Лишь изрѣдка лай псовъ окрешность огла-
шаеть,
Въ глубокой мрачности ночной.

*

Я здѣсь на берегу — одинъ съ своей шоскою
Сижу и думаю о васъ, мои друзья!
Какъ время унесло часы иѣ за собою
Когда былъ съ вами счастливъ я!

*

Какъ съ берега сего на солнце мы смотреѣли,
Хвалили все вокругъ и любовались имъ,
Смотря какъ медленно всходило изъ за ели
Вдали по рощамъ голурымъ!

*

Какъ здѣсь, среди забавъ, подъ липою гу-
стою,
Въ сѣмейственномъ кругу насъ вечеръ за-
спаваль,
И всякой, уходя съ пріятною мечшою —
Всегда спокойно засыпаль.

*

Но съ вами разлучась, я радости не знаю,
Я осужденъ спрадашь и въ грусти дни
влачить;
О прежнихъ, милыхъ дняхъ шеперь воспо-
минаю —
Но ихъ мечшой не ворошишь!

Москва.

Z.

ПРОЩАНИЕ СЪ РОПШЕЮ *).

Прощай, о Ропша незабвенна!
 Съ побой распашься рокъ вельвъ;
 Прощай, снрана благословенна,
 Гдѣ дни спокойны я провель.

*

Гдѣ прелесшь я узналъ природы,
 Въ шебѣ зря пьму ея красощь;
 Узналъ всю цѣну гдѣ свободы,
 Живя безъ скуки и забошь;

*

Гдѣ я подѣ пѣнью дровъ вѣшвисшыхъ
 Одинъ споль часшо разсуждалъ,
 И гдѣ шеченье водъ сребрисшыхъ,
 Съ шеченьемъ нашихъ дней равнялъ.

*

Какъ ручеекъ черезъ долину
 Спокойно средъ цвѣтовъ шечешъ,
 И вдругъ — въ ужасную шремнину
 Дробься съ шумомъ онъ падешъ:

*

Такъ мы, въ дни юности прелесшны,
 Живемъ спокойно средъ забавъ,

---

*) Сочинишель болѣе чувствоваль красощы сего прелесшнаго мѣспа, нежели могъ изобразишь ихъ. Впрочемъ всѣ свои мысли занимшвоваль онъ изъ самаго мѣшоположенія. *Прим. Сов.*

Доколѣ спрасити неизвѣсны
Невинный не смущаятъ нашъ нравъ.

*

Тогда невольно мы спремимся
Въ ужасну бездну предъ собой,
Ничемъ уже не веселимся,
Навѣкъ нарушивъ свой покой.

*

Тогда, какъ быстрый покъ, мы мчимся,
Найди спараясь путь себѣ,
И къ цѣли ближе все спремимся,
Пока не скроемся въ землѣ.

*

Вопъ что въ пвоихъ мѣспахъ чудесныхъ,
О Ропша! часто я мечталъ;
Въ гусшой пѣни древесъ прелесныхъ
О чемъ здѣсь часто разсуждалъ.

*

Теперь съ тобою разлучаюсь. —
Прощайте, милья мѣспа! —
Я въ пышный городъ возвращаюсь...
Исчезла лесная мечта!

*

Гдѣ хижины пѣ мирны, скромны,
Гдѣ обитаетъ простота? —
Ихъ нѣтъ! — я дома зрю огромны,
Повсюду пышность и щета!

*

Ахъ! гдѣ сады, гдѣ водопады? —
 Спада гдѣ пучны на лугахъ? —
 Я вижу каменны громады —
 И злшо блещешь лишь въ глазахъ.

*

Но ахъ! почто себя смущаю? —
 Еще въ твоихъ предѣлахъ я;
 Еще я на тебя взираю;
 Еще прельщаешь ты меня.

*

Сегодня здѣсь еще внимаю
 Журчанью пихаго ручья;
 Сего дня здѣсь еще мечтаю! —
 А завтра? — здѣсь не буду я! . . .

*

Прощайтежь, скромны кусточки!
 Прощай тѣнисный, милый садъ!
 Прощайте, милые цвѣпочки!
 Прощай, шумящій водопадъ!

Ропша.

Федоръ Бартоломеевъ.

~~~~~

НАДПИСИ.

1. КЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ Воспитательному Дому.

Несчастливымъ сиротамъ безъ племени и
 рода,
 Кошорыхъ въ слѣпошѣ отвергнула природа,
 ЕКАТЕРИНА здѣсь и жизнь и свѣтъ дала
 И въ благости своей природу превзошла.

2. Къ бюсту И. И. Дмитріева.

Храню я образъ твой, любимецъ Музы и
 Славы,
 Чшобъ бышь увѣреннымъ безсмертія въ
 судьбѣ;
 Опечесшво подъ нимъ, зрю, пишеть о
 тебѣ:
 „Краса моихъ пѣвцовъ и перлъ моей дер-
 жавы.“

Милоновъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

„Вотъ - на, возьми опредѣленье
 Я ни за что его не подпишу,
 А ужь тебя, браться, попрошу
 Мнѣ написать—ну, знаешь—голосъ, мнѣнье.“
 — Чтожь въ этомъ мнѣнїи, сударь,
 Прикажете сказать?—„Изъ дѣла это видно!
 Какъ спрашивать тебѣ не стыдно?
 Самъ долженъ знать: ты Секретарь!“

И.

2.

Климъ съ нами распрощался:
 Хорошъ покойникъ былъ!
 Онъ подъ орломъ весь вѣкъ служилъ
 И подъ орломъ скончался.

Москва.

3.

Z

„Женись на мнѣ, къ тебѣ я спрасхию пы-
 лаю!
 Жестокой, сжался! ахъ, смощри я уми-
 раю!“
 — Забавно! спану я перпѣшь двойной уронъ
 Ошъ свадьбы и ошъ похоронъ.—

Мещовскѣ.

Н. Кн.

II. АНАКРЕОНЪ.

(Изъ Пюго ле Брюня.)

Въ то время, когда въ Греціи процвѣтали паланшы и искусства, жилъ въ Теосѣ молодой Аканшъ. Сердце, еще неиспытавшее любви, но гошовой покорись ей, начинало уже превозмощъ двадцатилѣтняго юношу. Окруженный красошами, воспѣшыми и прославленными сладкозвучною лирою Анакреона, Аканшъ искалъ побѣдительницы съ благородною гордосшію побѣдителя. Бероя, Теона, Алазиса, раздѣлявшія славу Анакреона и шѣмъ болѣе плѣнительныя, осшановили на себѣ взоры Аканша. Онъ находилъ необыкновенную прелестъ въ ихъ бесѣдѣ, очаровательную непринужденность въ ихъ обращеніи; заманчивыя улыбки и сладосшныя, проникающія въ душу слова ихъ, казались ему любовію, но въ самомъ дѣлѣ эшо было только желаніе нравиться. И какъ не льсшишь ся плѣнишь прекраснѣйшаго изъ Грековъ! —

Аканшъ переходилъ отъ одной красавицы къ другой, удивлялся каждой, но

сердце его оспавалось свободно. Онъ самъ не могъ постигнуть своего равнодушія. Можно ли не плѣниться красотою, воспѣтыми Анакреономъ?

Томимый, снѣдаемый сокровеннымъ огнемъ, онъ копораго изнываешь, но вмѣстѣ сладостно шрепещешь сердце, Аканшъ искалъ мѣстъ опдаленныхъ онъ городского шума, чшобы пишашъ на свободу свою задумчивость и предавашся мечшамъ, которыя въ уединеніи всего опаснѣе для любви, ненашедшей еще себѣ приюта. Блуждая по полямъ, онъ приближается къ берегамъ источника, увѣчанымъ орѣшникомъ и ильмовыми кустами. Пламенѣя внутреннимъ огнемъ, онъ думаетъ найши опраду въ чистыхъ, прозрачныхъ волнахъ, сбрасываетъ свою шюнику и являетъ въ видѣ прелеспнаго Адониса.

Зефиры колеблютъ воздухъ и проникая вѣшвышныя кустарники, вливаютъ сладостныя звуки въ слухъ Аканша. Онъ оспанавливаешь, прислушиваешь — плѣнительный голосъ приводитъ въ движеніе его сердце — умиленіе блискаетъ въ его взорахъ. „Это голосъ самой Венеры! говоришь онъ: одной

только богинь красоты и любви приписывается воображеніе такой очаровательный органъ.“

Поспѣшно накинувъ свою одежду, онъ раздѣляется легонько гибкія вѣшви; чѣмъ болѣе подаешь впередъ, тѣмъ сильнѣе обворожительное пѣніе волнуешь грудь его; стопы его медленны — онъ боится малѣйшимъ шорохомъ помѣшать слуху, услаждаемому живѣйшимъ удовольствіемъ, самое дыханіе его какъ будто замерло—но сердце спало бышь-ся несравненно сильнѣе прежняго.

Пѣніе спановишся болѣе вяпнымъ; уже онъ вслушивается въ слова, уже мѣлкаешь что-то въ глазахъ его — онъ увлекается далѣе. Самая оспорожность его измѣняетъ ему: вѣшвь, нагнушая его рукою, вырывается, прямится, ударяешь о споронія вѣшви, пугаешь пернатыхъ обитателей роши. Они вспорхнули, испуская жалобные крики. Гнѣздо, надъ которымъ упошребили они только шрудовъ и времени, по гнѣздо, гдѣ хранили они плодъ и надежду любви своей, упало къ ногамъ Аканша. Сіе невольное смяшеніе обратило вниманіе Си-

дали. Она видишь Аканша. Аканшъ въ воспоргѣ спремипся къ ней, спремипся упасшь къ ногамъ ея. Сидалія хочеть бѣжашь—и оспиаеися неподвижна; изумленіе оковало Аканша. Они взглядывающъ другъ на друга и сей взглядъ рѣшаешъ судьбу ихъ.

Сидалія, на пяпнадацапой веснѣ своей жизни, блиспаешъ божеспвенными красопами. Казалось сами Граціи образовали спанъ, чершы лица ея; онѣ пригоповили для ней зыблющуюся шюнику, волнисшое покрывало; Венера дала ей свой поясъ; сама невинность украсила ланишы ея румянцемъ спыдли-воспи.

Мапъ ея была въ нѣсколькихъ шагахъ. Она укывала Сидалію опъ свѣпскаго шума, полагая что сердце ея можешъ еще довольспвовашься однимъ дружеспвомъ и что нѣкогда ея обяпія проспрусъ съ покорноспію къ чело-вѣку, кошорому она понравипся и кошораго любить назначено ей судьбою. Болѣ всего она удаляла ее опъ взор-овъ и пѣснопѣній Анакреона, думая, что женщина, приобрѣшая славу, уни-

жаешь истинное свое достоинство.

Базилея пришла съ своею дочерью въ поле собирать цвѣты для вѣнковъ. Ничто не можешь придать красы Сидалии, но свѣжіе полевые цвѣты послушавъ на минушу символомъ ея дѣвственныхъ прелестей.

Нѣтъ, уже одно дружество не довольствуешь сердца Сидалии. Она видѣла Аканша и въ груди ея вспыхнуло что непоспимое, безпокойное желаніе, которое производить какую-то робость, онемѣніе въ чувствахъ. Самохладнокровіе застываетъ, кажешся, мѣсто прежней живости, но игривый и яркой румянецъ на ланищахъ обнаруживаешь волненіе возраждающейся любви.

Неопытный Аканшъ вообразилъ, что онъ не нравится; онъ подходитъ къ Базилеѣ. Смятенный предъ красотою Сидалии, онъ ободряется, видя предъ собою мать ея; оживленное воображеніе даетъ ему новую силу въ идеяхъ, любовь одушевляетъ его голосъ. „Я никогда еще не любилъ, говоритъ онъ, но теперь люблю дочь свою и моя любовь

Превышаешь все на свѣтѣ, потому что только съ ея красою можешь сравниться. “

Базилея вспоминаешь юность свою и тѣ брачныя утѣхи, которыми она наслаждалась съ Комиромъ. Акантъ прекрасенъ, богашъ, свободенъ; онъ общается съ Сидалию счастливою; какая же мать не желаетъ обезпечить себя въ благоденствіи своей дочери! Она обращаетъ испытующій взоръ на юную, невинную дѣвицу и не получаетъ ошѣща; но страшные глаза Сидалии поднимаются; она взглядываетъ на Аканта, умильно ему улыбается:

Акантъ приводитъ ихъ въ городъ. Онъ начинаетъ готовиться къ пиршеству. Гордясь заранѣ названіемъ супруга Сидалии, счастливый уже одною надеждою получилъ его, онъ предаётся живѣйшимъ воспоргамъ, желаетъ, что бы всякой торжественно одобрялъ его выборъ, завидовалъ его участи. Наконецъ Базилея позволяетъ ему ввести въ свѣтъ свою любезную.

Женщины никогда не прощаютъ той, которая похишила у нихъ любовника.

Бероя, Теона, Алазиса спараюшя най-ти недосшашки въ Сидалии и огорчась неудачею, хопяшъ вредить ей.

Онѣ воспѣваюшъ предъ нею временную любовь со всѣми непостоянными ея ушѣхами. Сердце Сидалии исполнено иными чувсшвами. Она поешъ въ свою очередь ту любовь, кошорая ее воспаменяешъ и кошорой покорилась она навѣки. Бероя, Теона, Алазиса смѣюшя, шупяшъ надъ ней; онѣ превозносяшъ непостоянство, выхваляюшъ его забавы. „Ахъ! опвѣчаетъ Сидалия, любя однажды, можно ли разлюбить?“

Конечно, говоритъ Бероя, швое равнодушіе миновалось, любовь швоя пройдетъ шакже со временемъ и гораздо прежде еще пошухнешъ спрасть въ Аканшѣ; чшожъ шебѣ ошпанешся? Скучная, безушѣшная жизнь, бесполезныя прелести, кошорыя помрачатся шоскою. Наши сердца досшавляюшъ намъ минувшее счастье, но слава шберегаешъ его на всю жизнь и даже перенесешъ за предѣлы, назначенные намъ природою. Всякой ищешъ нашей бесѣды, спараешся увеселяшъ насъ пиршесшвами; пре-

лестнѣйшіе Теосскіе юноши ожидають одной улыбки — награды за ихъ любовь. Мы состарѣмся, слушая восхищительное пѣснопѣніе, внушенное нами Анакреону и перейдемъ въ вѣчность съ надеждою, что стихи его достигнутъ позднѣйшаго попомства.

Ахъ! опивѣчала Сидалія, къ чему мнѣ прославляясь въ пѣсняхъ? Чшо мнѣ до попомства? Любовь Аканша — моя слава, моя любовь — мнѣ счастье! —

Вдругъ раздается плѣнительная мелодія; звуки, до того неизвѣстные Сидалии, обворожаютъ ея слухъ и чувства. „Эшо Анакреонъ!“ восклицаютъ молдыя его любимицы и быспрѣ ласточки, едва касаясь земли, летящъ на встрѣчу поэту Теосскому, чтобы слышать ошъ него новыя похвалы своимъ прелестямъ.

Сидалія оспаешся, смотришь. Анакреонъ приближается, покрышый пурпуромъ и блещущій златомъ; его бѣлющіеся власы сокрышы подъ вѣнками изъ розъ и миршовъ; драгоцѣнная лира въ его рукахъ. Самое прелестное юношество толпишся по слѣдамъ его

и покрываешь помосщы. Всякой спараясь ему нравишься, ищешь его взира, ласковой улыбки, хочешь получишь ошь него вѣмокъ безсмертія.

Наконецъ онъ подходитъ къ Сидалии и съ перваго взгляда ошличаетъ ее передъ всѣми. Взоры его воспламеняющся новымъ огнемъ, сердце шрепещетъ новою спрасшію, лира говоритъ подъ перстами; онъ воспѣваетъ Сидалию и кромѣ ее уже нѣтъ предмета для его пѣснопѣній.

Сидалия женщина, какъ и другія. Она шрепещетъ ошь удовольствія, видя у ногъ своихъ того, кому Цари плащяшь дань признащельности, кого они спараяются привлечь къ себѣ возможнѣйшими ласками и гордящся имѣшь въ своей бесѣдѣ. Предметъ удивленія всей Греціи, казалось, сущесшвуешь уже шолько для Сидалии. Анакреонъ провозгласилъ ее владычицею своего сердца; она будешь лучшимъ украшеніемъ его свишы.

Онъ воспѣваетъ предъ нею любовь съ шакою сладостію, кошорой ничшо дрощивишься не можешь. Сидалия не

подозрѣваешь, что чувства его движущаясь однимъ только сладоспращіемъ. Обольщенная суешность не даетъ ей размыслишь о собщвенныхъ своихъ чувствахъ. Анакреонъ подаетъ ей руку; она опускаетъ на нее свою. Аканшъ забышь.

Аканшъ узналъ все. Въ опчаяніи идетъ къ Базилеѣ, оплакиваетъ непостоянство Сидалии и свое несчастіе, рѣшается не пережить его. „Ты самъ причиною, говоришь ему Базилея, но успокойся; Анакреонъ льститъ щеславію, плѣняетъ воображеніе, но онъ уже не опасенъ для сердца.“

Въ самомъ дѣлѣ Сидалия, опомнясь отъ перваго упоенія чувствъ своихъ, усматриваетъ морщины подъ розами и сѣдые волосы подъ миршами. Спихи Анакреона удивительны, но они. . . . . только спихи и ничего болѣе! Образъ Аканша, блистающей юностию и красою, являющаго снова предъ глазами Сидалии. „Ахъ! говоришь она: оставимъ суешную игру воображенія; ей нѣтъ шамъ мѣста, гдѣ обитаетъ живое чувство любви; спаросшь можетъ бышь

любезна, но любовь бѣжишь отъ нея, а любовь сославляеиъ все мое счастье. Пусть Анакреонъ останется моимъ другомъ, но Аканшъ раздѣлишь со мною благополучіе жизни. “

Бероя, Теона, Алазиса напрасно стараются удержатъ ее: она оставяеиъ Анакреона и бѣжишь въ жилище своей матери, гдѣ Базилея, поскую вмѣстѣ съ Аканшомъ, старалась его ушѣшитъ.

„Простише мнѣ, говоритъ Сидалія, минувное заблужденіе: оно будетъ опнынѣ хранилищемъ моей жизни. Я познала славу и ея обворожительную сущность; она меня обольстила — признаюсь; но я возвращаюсь теперь въ объятія Аканша и никогда, никогда его не оставлю. “

Аканшъ возродился для счастья. Сидалія, умоляя его со слезами о прощеньи, пошчасъ оное получила. Разкаяиъся чистосердечно предъ шѣмъ, кто насъ любилъ, не значишь ли уже загладишь вину свою? И можно ли назваиъ виною первый шагъ неопытности?

Базилея въ храмѣ Венеры благосло-

вила союзъ ихъ. „Мой Аканшъ, говорила на другой день Сидалія, не долженъ заниматься стихами — никогда! Пусть это преимущество достаеяся въ удѣльнѣмъ, которые не имѣють другихъ.“

Вспрѣчая Анакреона, который старался привлечь ее своими пѣснями, она говорила ему: „ты льстишь моему слуху, но Аканшъ плѣняетъ мое сердце.“

Какъ ни любезенъ старикъ — но отъ любви долженъ отказаться*).

В.

---

*) А старухи? — Прил. Изд.

III. ОТЕЧЕСКОЕ НАКАЗАНИЕ.

Есть средства къ исправленію дурныхъ нравовъ, равно какъ и къ исцѣленію шѣлесныхъ немощей; только трудно сыскашь ихъ и употребишь къ спашу.

У одного шешидесятилѣшняго старика былъ сынъ расшочитель, кошорый не умѣлъ даже скрышь ошъ виновника дней своихъ желанія воспользовашься, какъ можно скорѣе, наслѣдствомъ. — Сіе отцеубійственное желаніе огорчало добраго старика. — Для чего, говорилъ онъ самъ себѣ, существованіе мое шягосшно тому, кошорый обязанъ мнѣ своею жизнию, и кошорому дни мои должны бышь драгоцѣнны? Щадилъ ли я для него своихъ попеченій? Ошказывалъ ли ему въ чемъ нибудь несправедливо? — Онъ промолалъ въ глазахъ моихъ наслѣдство матери и приданое жены своей; мое имѣніе, кошората онъ жаждешъ, сдѣлаешя жершвою его займодавецевъ. — Единшвенная его дочь, кошорая должна бышь предметомъ любви его, погибнетъ въ бѣдношши, ешшли я не поспѣшу предохра-

нѣшь ее отъ сего несчастія. Постараюсь испребишь все, что смерть моя имѣеть прелестнаго для сего жестокосердаго сына; сдѣлаю для него драгоценною жизнь, которой окончанія споль нешерцѣливо онъ ожидаетъ и заставляю его невольно содрогнувшись, когда увидитъ приближеніе моей кончины. Постараюсь; еспли возможно; очистишь сердце его отъ пресшупной мысли. —

Что бы исполнить сіе намѣреніе, отецъ продаетъ тотчасъ землю, единственную свою собственностъ, которая приносила 10,000 фр. дохода, съ такимъ условіемъ, что бы покущикъ заплашилъ ему двадцать тысячъ ефимковъ наличными деньгами; и позволилъ пользоваться землею по смерти. Когда торгъ былъ оконченъ, онъ написалъ къ своему сыну: „Я всегда останусь твоимъ отцемъ; но ты уже болѣе по мнѣ не наследникъ. Я отдалъ въ ростъ 60,000 фр. для приданаго твоей дочери. Пока буду живъ, спану производишь тебѣ 3000 фр. пенсіи на необходимыя твои нѣжды. День смерти моей будешь

для себя настоящимъ днемъ печали: я возьму съ собой въ могилу сей доходъ, который поведеніе швое сдѣлаало для тебя столько нужнымъ; ты будешь оплакивать пошерю отца; не природа, а корысть заставитъ тебя проливать слезы. Ежели будешь такъ счастливъ, что найдешь въ сердцѣ дочери своей любовь, кошорой я не могъ найти въ швоемъ сердцѣ, то она доставитъ тебѣ при спаросши швоей хлѣбъ, въ кошоромъ ты отказывала мнѣ въ моихъ преклонныхъ лѣшахъ. Продолженіе моей жизни до меня болѣе не касается: это ужъ швое дѣло. Ты долженъ чувствовашь, что для того, кто ожидалъ всего счастія отъ швоей благодарности, ничего не значашь шѣ годы, кошорые еще прожитъ ему оспалось. — Есшлы бы природа даровала ему сына такого, какаго онъ имѣшъ желалъ, съ какимъ удовольствіемъ обратилъ бы онъ наследство въ его пользу! Какъ бы опасался малѣйшей разспройки въ имуществѣ! Оно не было бы его имуществомъ, а все принадлежало бы сыну его.... Но у меня болѣе нѣшъ сына, ибо я не мо-

гу назвашь симь именемь шого, кошорый давно уже нехочешь имѣшь ошца.“ --

Письмо сіе поразило неблагодарнаго; нѣскольکو дней прешеривчалъ онъ мучительное угрызеніе совѣспи. Вышедъ вдругъ изъ глубокой задумчивоспи, онъ ошвѣчалъ ошцу своему шакимъ образомъ: „Правосудіе оправдываешь вашъ поступокъ. Вы лишили наслѣдства сына преступнаго. Ему остаешся еще испытать потерю гораздо важнѣйшую: потерю любви ващей. Не лишайше меня единственнаго блага, кошорое мнѣ драгоцѣнно. Предметомъ благодѣяній вашихъ пустьъ будетъ одна моя дочь. Если бы вы позволили мнѣ въ присущствіи ващемъ заградить вину мою, не какъ сыну, но какъ самому почтительному рабу, шшло сіе было бы для меня драгоцѣннѣйшимъ наслѣдствомъ.“ — Я согласенъ на швою просьбу, ошвѣчалъ ему ошець; но шолько съ шакимъ условіемъ, что бы дочь швоя была вмѣстѣ съ шобою; по крайней мѣрѣ я буду имѣшь передъ глазами существо, достойное моей привязанности. — Изгнанный сынъ не замедлилъ явиться. Онъ

былъ принять съ холодною важностью: вся ошеческая нѣжность излилась на невинное швореніе, сопровождавшее его. Каждый день виновный оказывалъ болѣе усердія и почтенія къ старикку, который смотрѣлъ на него печально и молчаливо; принялъ на себя всѣ домашнія заботы; отдавалъ отцу такой вѣрный во всемъ отчещъ, съ такою бережливостію велъ свои собшвенные расходы, показывалъ такое стараніе о воспитаніи дочери, что старикъ не могъ долѣе скрывать отъ него любви, которую онъ приобрѣлъ оцашъ своими поступками.

Едва прошло два года въ семь сладосшномъ примиреніи, какъ ошечь сказалъ своему сыну: „Другъ мой, я жалѣю, что продалъ землю; но я ошдалъ въ ростъ приданое швоей дочери; проценты отъ него принадлежатъ тебѣ. Къ шомужь присовокупляю 3000 фр. назначенные тебѣ въ пенсію, отъ которыхъ ты отказался. Пожитки мои всѣ еще цѣлы. И такъ смерть моя будетъ для тебя не совсемъ бесполезна.“ — О достойный родищель! вскричалъ сынъ,

хранише все, владѣйше всемъ, и не раздирайше болѣе сердце сына, уже сильно наказаннаго угрызеніемъ совѣспи. — Спарикъ удалился, чшо бы не ошвѣчалъ и скрылъ свои слезы.

По прошествіи еще одного года, отецъ обращается къ сыну: „Другъ мой, почти при года, какъ я содержу себя, пора уже этому кончиться.“ — Развѣ, прерываешь его сынъ дрожащимъ голосомъ, наше присупствіе вамъ въ шягосць? Какою новою виною заслужили мы это несчастье? — „Ты не понимаешь меня — ошвѣчаешь отецъ — я не хочу, чшобъ вы жили у меня, пощому чшо хочу жить у васъ. Да, эшопъ замокъ вашъ. Послушай: я не обмануль себя, въ самомъ дѣлѣ продалъ землю, шолько скрылъ ошъ себя, что въ силу одной спашьи договора съ покущикомъ; я въ правѣ былъ всшунить оцашъ во владѣніе, возвративъ полученные мною 60,000 фр. съ процентами. Эша сумма возвращена уже ему мною и съ нынѣшняго дня замокъ себѣ принадлежишь; я предоспавляю себѣ шолько одно право жишь и умереть въ немъ.“ — О, най-

лучшій изъ опцевъ! вскричалъ сынъ; да возмогу я благословляшь тебя въ немъ до послѣдней минушы моей жизни! — „Сынъ мой, сказалъ шарикъ съ нѣжносною, ты не уморилъ меня отъ горести; не заспавъ же шеперь умерешь отъ радости.“ — При сихъ словахъ они упали въ объятія другъ къ другу, заплакали и долго, долго не могли промолвишь ни одного слова.

Съ Франц. Н . . . й

IV. О СВОБОДѢ КНИГОПЕЧАТАНІЯ У КИ- ТАЙЦЕВЪ *).

Кто бы могъ подумашь, что въ одномъ изъ самыхъ деспотическихъ Государствъ, а именно: въ Китаѣ, существуетъ почто также, какъ и въ Англіи, свобода книгопечатанія? Тамъ наказываютъ только злоупотребленіе онаго; однако же ничего не дѣлаютъ для предупрежденія эшаго злоупотребленія, что конечно въ тысячу разъ хуже ибо Китайскіе законы, которые впрочемъ въ опредѣленіяхъ своихъ входятъ въ мѣлчайшія подробности, касательно сего пункта столь же неопредѣлительны, какъ и у многихъ Европейскихъ народовъ. Приведемъ въ примѣръ слѣдующее:

---

*) Изъ литературныхъ листковъ Г. Коцебу, который заимствовалъ сію статью изъ Англическаго Журнала: Quarterly Review о вновь вышедшихъ: Китайской Грамматикѣ Маригала и Китайскаго Словаря Морризона.

Законами постановлено: „кто напечатаетъ книгу въ намѣреніи развратитьъ народъ; кто въ сочиненіяхъ своихъ возбуждаетъ къ мяшежу: пошъ долженъ лишиться головы.“ — Хорошо; прошивъ этого нельзя сказать ничего; но посмотримъ на *примѣненіе* сего закона.

Въ 1777 году, Пекинскія газеты объявили, что одинъ писатель найденъ виновнымъ въ *оскорбленіи Величества*. Этотъ человекъ жилъ весьма уединенно въ *Кіангъ-си* и занимался учеными трудами. Его позвали къ суду. Принцы крови, Министры и Мандарины первой степени были его судьями. Первый пунктъ обвиненія состоялъ въ томъ, что онъ осмѣлился не только сдѣлать извлеченіе изъ словаря, изданнаго *Кангъ-Хи*, но даже и противорѣчить нѣкоторымъ мѣстамъ сего почтеннаго сочиненія. Вторая вина его была та, что онъ имѣлъ дерзновеніе въ предисловіи къ *Конфуцію*, предковъ царствующаго дома и самаго Императора называлъ обыкновенными ихъ именами, безъ всякихъ шишловъ. Третья, что онъ безстыд-

ство свое простирает такъ далеко, что осмѣлился вывести происхождение свое отъ *Гоангъ-ти*. — На первое изъ сихъ обвиненій опровергивалъ онъ, что большой словарь *Кангъ-Хи* слишкомъ огроменъ, неудобенъ и дорогъ, и что для сего самаго рѣшился онъ сдѣлать удобное и дешевое изъ него извлеченіе. На второе, что онъ считалъ излишнимъ въ сочиненіи сего рода употреблять пространныя и всѣмъ извѣстныя шутки Императоровъ; но усмотрѣвъ скорѣ послѣ того свою ошибку, хотѣлъ исправить оную при второмъ изданіи. На третье, что онъ, по примѣру многихъ писателей, сдѣлался тщеславнымъ безумцемъ; но никакъ не воображалъ, что бы это безуміе сдѣлало какой либо вредъ и вмѣнено ему было въ пресупленіе. — Несмотря на все сіе произнесенъ былъ надъ нимъ слѣдующій приговоръ: *его самого изрубить въ мѣлкія части; имѣніе его конфисковать; всѣхъ его родныхъ, старше 16 лѣтъ, умертвить; женъ его, наложницъ и дѣтей, моложе 16 лѣтъ, отдать какому нибудь вельможѣ Имперіи въ вѣг-*

ную неволю. — Царствовавший въ то время Императоръ Кіенъ-Лонгъ, бывшій самъ писателемъ спихотворцемъ и покровителемъ ученыхъ, подтверждалъ сей приговоръ такъ:

„Хочу бышь милосердь. Его не должно изрубить въ мѣлкія части, но просто отрубить ему голову. Роднымъ его прощеніе. Дѣшей оставишь до осени, когда наступишь время большой казни. Впрочемъ приговоръ оспашся въ своей силѣ. Такова моя воля; да чшущь ее всѣ!“ — Не лучше ли не имѣть никакой свободы книгопечатанія, нежели такую? —

Еще нѣсколько примѣровъ. — Одинъ добрый гражданинъ совѣщавалъ письменно Императору выбрать по себѣ наследника. — Какъ? сказали ему: ты дерзнулъ думать о смерти Императора? — и отрубили дерзкому голову.

Другой, мечшатель, видѣлъ во снѣ прадѣда Императора и слышалъ изъ устъ его нѣкоторыя предвѣщанія. Онъ также лишился головы, и все сіе случилось въ то время, когда Императоръ Указомъ своимъ изъявилъ желаніе ободришь ученыхъ.

Въ 1774 году *Кіемъ-Лонгъ* велѣлъ собрать великое множество ученыхъ на пошъ конецъ, что бы они занялись пересмотромъ всѣхъ *Кишайскихъ* классическихкихъ книгъ, и для новаго изданія ихъ, исправили въ оныхъ всѣ ошибки, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія. Такимъ образомъ въ печеніе пяти лѣтъ были вновь напечатаны 168.000 часшей, а все собраніе, какъ думали, будетъ проспираться до 600.000. Одно изъ сихъ швореній привело пересмотрщиковъ въ величайшее замѣшательство. Оно имѣло заглавіемъ: *девяносто девять средствъ совершенно искоренить Манжуръ-Татаръ*. А какъ царствующій въ то время домъ происходилъ отъ *Манжуръ-Татаръ*, то книга сія и была представлена Императору, который весьма благоразумно повелѣлъ: разсмотрѣвъ ее съ точки зрѣнія того времени, въ которое она писана. Это было исполнено. Въ Пекинскихъ газетахъ обнародовали 14 или 15 изъ вышеупомянутыхъ средствъ, разумѣенся самыхъ нелѣпѣйшихъ, и присоветовали къ нимъ написанныя съ величайшею

важностію опроверженія; послѣ чего Его Величество приказалъ книгу сію изъ числа классическихъ исключить и всѣ экземпляры оной сжечь.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что Цензура, сколь бы она ни была строга и прихотлива, по крайней мѣрѣ предохраняетъ писателей отъ несчастій. И такъ напрасно они вопіюшъ противъ нея: ибо, по истиннѣ, безъ Цензуры, подвергались бы очень часто опасности бышъ — хопя и не плѣсно — изрубленными въ мѣлкія часши.

Съ Нѣмец. Ж.

V. Р Ъ Ч Ъ

О истинной и ложной любви къ
Отечеству *).

Въ нашъ вѣкъ, просвѣщенные слуша-
шатели! въ благословенное и славное
нынѣшнее царствованіе, когда съ од-
ной стороны Хрисціанскій союзъ мо-
гущественнѣйшихъ Государей Европы
объщяетъ человѣчеству продолжитель-
ный миръ, съ другой согласное дѣй-
ствіе всѣхъ наукъ для взаимнаго себя
усовершенія, чудное соревнованіе ихъ
между собою, дающъ ему надежды, ка-
ковыхъ оно прежде имѣшь не смѣло;

---

*) Была произнесена 21 Августа сего го-
да въ Харьковѣ, въ публичномъ собраніи
Филопехническаго Общества, Правителемъ
его дѣль и другихъ ученыхъ Обществъ чле-
номъ, *В. Н. Каразинъ*. Доспойно примѣ-
чанія, что въ семь собраніи находились
простые земледѣльцы изъ подгородныхъ сло-
бодъ. И какъ явленіе это есть вѣроятно
еще первое въ Россіи, по имена ихъ вне-
сены въ протоколъ Общества.

когда общественная польза провозглашается цѣлю жизни каждаго гражданина, въ сей вѣкъ однимъ словомъ, для лѣтописей земнаго шара еще *новый*, время опредѣлишь понятіе о любви къ *Отечеству*! Высокое сіе чувствованіе, соприисущное всѣмъ заведеніямъ для общаго добра, участвовало и въ швоемъ составленіи, достопочтенное Общество! Оно по справедливости можетъ содѣлаться предметомъ, пристойнымъ къ заключенію настоящаго его собранія.

Изслѣдовать причины любви къ Отечеству, показать ея поспешенное развитіе въ сердцахъ народовъ, обнаружить признаки опличающіе ее отъ ложнаго патриотизма, утвердить въ разумѣ почтенныхъ моихъ слушателей сію священную любовь на любви къ порядку, на Религіи, на мери всѣхъ высокихъ чувствованій восхищающихъ душу, не на мечтахъ вольности и равенства! будетъ кругомъ слова сего.

Изыдите отсель упоенные оправданиемъ осьмагонадесять вѣка: лжеполишкою, основывающею миръ и счастье

народовъ на зыбкой безднѣ *противу-
дѣйствующиѣхъ другъ другу силъ*, лже-
философіею, обучающею, что *власть
есть установленіе теловѣтское*. Вы не
услышали ничего льспящаго вашимъ
предразсудкамъ.

А ты, чувшво, копорымъ я не мо-
гу щеславиться, поелику не я создалъ
тебя въ себѣ, ниже приобрѣлъ усиліями
или какими либо жершвами; чувшво,
вдохнутое въ меня на лонѣ спорогаго
родишеля, воина, копорый посѣдѣлъ въ
бишвахъ и порученіяхъ державной вла-
спи по дѣламъ Опечества, опаснѣй-
шихъ нежели бишвы самыя; чувшво,
безо всякой моей заслуги образованное
во мнѣ необыкновеннымъ Наспавни-
комъ, содѣлавшееся *безъ воли моей* при-
вычкою непреодолимою для хладнаго
благоразумія; чувшво, копорому я одол-
женъ блаженнѣйшими и несчастнѣйши-
ми минушами моей жизни, копорому
я нерѣдко жершвовалъ ея благоуспрой-
сшвомъ, копорому пожершвую можешъ
быть благоспояніемъ моего сѣмейства;
прійди, наполни еще разъ мое сердце
твоими внушеніями: да возмогу до-

стойно вѣщашь о тебѣ!..

I. Привязанность къ своей отчизнѣ не есть добродѣтель. Это чувство, и самое естественное: одно изъ ближайшихъ къ нашей природѣ. Мы любимъ страну, въ которой родились и живемъ, подобно, какъ младенецъ любитъ питающіе его сосцы и объятія, въ которыхъ онъ покоится. Самые дикіе народы имѣютъ сію привязанность, чувствуя сіе предпочтеніе родимаго края предъ всѣми прочими, какъ бы послѣднія ни превосходили его дарами природы, или другими пріятностями жизни. Въ семнадцатомъ вѣкѣ были привезены въ Данію ко двору Гренландцы. Старались ласкать ихъ всѣми образами, осыпали благодареніями; но дворскій блескъ и милости не производили надъ ними никакого продолжительнаго впечатлѣнія. Они безпрестанно посковали по тѣмъ льдистымъ берегамъ, на которыхъ десять мѣсяцевъ сряду господствуетъ жестокая зима. Большая часть умерла съ печали въ короткое время. Нѣкоторые изъ сихъ несчастныхъ утонули въ морѣ, желая убѣ-

жашь въ свое опечештво *). Опагишня-нинь Пушавери равнодушно взирають на Парижь и все его великолѣпіе: но увидѣвъ шамь въ бопаническомь саду бру-сонцею **), онь съ воспоргомь обняль сіе опечештвенное дерево и обливаясь слезами, возопиль къ нему какъ къ ближайшему родшвеннику. Безсловесныя даже привязаны къ мѣстамъ своего рож-денія. Возращеніе пшиць въ лѣса и подь кровы, гдѣ онѣ въ предшедшее лѣ-шо на свѣтъ произошли, сіе доказы-ваешь. Никогда ешештвоиспытателямь не удавалось вывешти породу свойшвен-ныхъ Африкѣ живошныхъ въ Европѣ, доколѣ не испытали содержащъ ихъ среди распѣній свойшвенныхъ ихъ климашу. Тогда, говоришь Сенш-Піеръ, ко удивленію, Мадагаскарскіе макисы и попугаи Гвіанскіе произвели себѣ по-

---

*) Etudes de la nature par St Pierre. edit. de Basle. Tome III. p. 78.

**) *Broussonetia papirifera* Willdenovi. Анек-дотъ сей разсказываетъ Демиль.

добныхъ. Безъ сомнѣнія они вообразили себя переселенными въ опечесшвенные лѣса; и погасшее чувство любви, живошворящей природу, тогда только въ нихъ опять возникло *).

Изъ сего открываеиія, сколь несправедливо республиканцы приписываютъ чувство любви къ Опечесшву исключительно такъ называемымъ ими *свободнымъ* землямъ и привязанности къ ихъ законамъ. Чувство сіе, взятое въ его прошлѣ, не естъ слѣдствіе умшшвованія политическаго, а привычки... и можешъ быть еще *предустановленнаго Творцемъ соотношенія живыхъ существъ съ окружающею ихъ природою.*

Но, подобно какъ еспешшвенное и самимъ низкимъ живошнымъ свойшвенное чувство самоохраненія, бывъ образовано въ челошкѣ его разумомъ, обращается въ мужество; какъ физическая лѣность и упрямство дикаго, въ просвѣщенныхъ челошческихъ обще-

---

*) Etudes de la nature. Tomé V. p. 180.

спвахъ поспешенно образуется въ постоянство характера, въ твердость народную: подобно и привязанность къ мѣсту рожденія Гренландца и Ошагитянина, въ Аѳинскомъ Кодрѣ, въ Римлянахъ Курціи и Регулѣ, являетъ міру разительнѣйшіе примѣры изящнѣйшей гражданской добродѣтели. Кто не возвысится духомъ, кто не ощутишь въ себѣ достоинства человѣческой природы при одномъ воспоминаніи сихъ великихъ имей? Чье воображеніе можешь оспашься холоднымъ, представляя Кодра, снимающаго съ себя діадиму, дабы тайно умереть за народъ свой, или Курція и Апшилія жертвующихъ собою очевидной, неизбежной смерти для пользы своихъ согражданъ? Сколь ни сомнительны повѣствованія о двухъ первыхъ, мы закрываемъ очи, душа наша *желаетъ* въришь, ибо желаетъ наслаждаться своимъ восхищеніемъ.

По мѣрѣ усовершенія человѣчества, сія добродѣтель должна принять еще благороднѣйшій видъ! Мы по справедливости удивляемся древнимъ. Они суть образцы наши въ изящномъ. Они, какъ

старѣйшія чада общежитіемъ образованной природы, суть, шакъ сказашь, изобрѣшашели шой возвышенности въ чувствованіяхъ, шѣхъ красотъ вишійства, первыя изображающихъ, которыя насъ плѣняють въ ихъ швореніяхъ. Греки и Римляне ошпанушся безсмертными предметами уваженія, доколѣ разумъ человѣческой будешь имѣшть нужду въ посшепенномъ насшавленіи, доколѣ онъ будешь заниматься каршиною своего посшепеннаго возхожденія. И изъ благодарности должны мы почишашь своихъ учешелей. Но... не всѣ ихъ доблести должны бышть для насъ доблестями. Подрашашь имъ слѣпо было бы возвращашься вспяшъ. Родъ человѣческой во многомъ возмужаль съ ихъ времени. Успѣхамъ его споль же несвойшвенно было ошпанавливашься, какъ шеченію великой рѣки; скажу болѣе, какъ движенію шѣль небесныхъ! Высокія начала Христіаншва расшространили чрезвычайный свѣшъ на всѣ часши Философіи, особливо на Нравоученіе. Провидѣніе употребило и другія средства, развивавшіесе одно изъ другаго въ продол-

женіе вѣковъ. Любовь древнихъ къ своему опечеству была вражда къ остальнымъ обитателямъ земнаго шара. Греки времянь Перикловыхъ, самые просвѣщенные изъ Грековъ, Римляне Августовы и Траяновы называли *варварами* всѣхъ прочихъ людей! Ненависть или презрѣніе были единія чувства, копоры они къ нимъ питали. Цицеронъ, мудрѣйшій, правдивѣйшій, человѣколюбивѣйшій изъ Римлянъ своего времени, въ книгѣ *о должностяхъ*, отдавая справедливость Арапу, не обвиняясь восклицаетъ: *o virum magnum, dignum, qui in nostra Republica natus esset* *)! „О мужъ великій, достойный родиться въ нашей Республикѣ!“ .. Увы! И Цицеронъ даже не предполагалъ, чтобъ можно быль *человѣкомъ*, не родясь Римляниномъ!

Наша любовь къ Опечеству, просвѣщенные слушатели, въ томъ смыслѣ, какъ мы, въ девятомънадесять вѣкѣ, понимать ее должны, не естъ *исключо-*

---

*) De officiis. II. 81. 82.

гительная привязанность къ сшранѣ рожденія, къ единоплеменникамъ. Она совершенно согласуется съ любовію къ роду человѣческому, подобно, какъ привязанность члена сѣмейства можетъ и должна быть совмѣстна съ преданностію къ обществу, котораго сѣмейство сіе есть часть. Божественный Нравоучитель, повелѣвшій намъ любить самыхъ враговъ нашихъ, безъ сомнѣнія предполагалъ въ полишическомъ мірѣ тѣснѣйшее братство... Особливо въ наши времена, когда большая часть народовъ соединены между собою сходствомъ вѣроисповѣданій, дворскими и торговыми сношеніями, кровными союзами Государей, науками, нуждами общежитія, потребностію во взаимномъ одобреніи и уваженіи, самымъ любопытствомъ.

Теперь не существуешь на земли ни одного значительнаго народа, кошорой бы не было одолженъ другому сообщеніемъ или важныхъ познаній, или Религіи, или обычаевъ умягчающихъ нравы и сославляющихъ пріяшность жизни. Самыя произведенія природы

другъ ошъ друга мы заимствововали. Подобно, какъ предложенныя вамъ колосныя расшѣнія *) могутъ быть у насъ водворены, такъ безъ сомнѣнія въ древности заимствовованы извѣстныя намъ роды пшеницы изъ Италіи или изъ Азіи. Одна и нынѣ именемъ своимъ доказываетъ Азіатское свое происхожденіе **). Азія же надѣлила насъ гречею. Наше просо происходитъ изъ Индіи. Ленъ, кошорый одѣваетъ насъ во снѣ и болѣе различныхъ видахъ, изъ Египта. Но рожь и конопля вѣроятно мы изъ Сѣвѣро-востока сообщили Европѣ. Роскошныя плоды, плѣняющіе наши очи и обоняніе еще прежде, нежели вкусъ, не въ

---

*) Въ семъ собраніи между прочимъ были представлены болѣе двадцати родовъ разныхъ чужестранныхъ колосныхъ или хлѣбныхъ расшѣній, выращенныхъ Правителемъ дѣлъ въ его помѣсть изъ сѣменъ, присланныхъ извѣстнымъ Горенковскимъ Бошаникомъ Г. Фишеромъ.

***) Такъ называемая въ Украинѣ *татарка* или *арнаутка*.

нашемъ климатѣ родились, хопя они теперь сославляють избытокъ Украйны. Римляне, сосредоточивъ ихъ у себя изъ разныхъ мѣстъ своего обширнаго владычества, передали ихъ Франціи, Франція Германіи, Германія Польшѣ и наконецъ онѣ содѣлались и нашимъ *природнымъ* произведеніемъ. Вѣроятно нѣкоторые изъ оныхъ доставили намъ и Греки вмѣстѣ съ начатками просвѣщенія; другіе перенесены непосредственно изъ Азіи. Не упоминаю о предметахъ роскоши или науки, дорого воспитываемыхъ. Огородныя наши растѣнія, безъ коихъ не можеть обойтись послѣдній нашъ поселянинъ, шакже безъ сомнѣнія изъ за предѣловъ Россіи въ нее переселены. Въ числѣ ихъ земляное яблоко въ самыя недавнія времена. Всѣмъ намъ памятно еще, что Сѣвероамериканскій сей овощъ принадлежишь къ числу многочисленныхъ намъ благодарній ЕКАТЕРИНЫ Великой. Говорить ли о породахъ полезнѣйшихъ животныхъ, сославляющихъ теперь богатство наше? о произведеніяхъ переработанныхъ, кои доставляеть намъ торговля; и говоря о шор-

говлѣ, сближающей родъ человѣческій, прославлять ли ея благошворенія? . . . Поприще нашихъ сношеній содѣлалось почти безпредѣльно. Сколь шѣсенъ былъ міръ Аѳинянина прошиву *Римской* вселенной! И что значить самая сія вселенная, простиравшаяся на $\frac{3}{4}$ сшепеня долгошы и сполько же широмы, прошиву нынѣшней? . . . Еще въ XVII вѣкѣ подь именемъ всего просвѣщеннаго свѣпа разумѣли не болѣе, какъ половину Европы. Теперь, сіе выраженіе представляеть разуму не шолько всю сію частъ свѣпа ошъ Волги до устья Тага, но и частъ Индіи, и сѣверную, и почти уже южную Америку. Въ Бенгалахъ еспь Академіи и ученыя общесшва, подобно какъ въ Филадельфіи и въ Рио-Янеиро. Уже Камчатка можеть похвалишья мужами просвѣщенными, не пушешествующими шолько, но обишающими въ ней, сообщающими намъ свѣденія о ея естесшвенныхъ богашсшвахъ *), Камчатка можеть похвалишья начальникомъ, которому вѣроятно провидѣніе Предосшавило учре-

---

*) См. Московскихъ Вѣдомостей No 58-60.

дить сообщеніе исполинской Имперіи нашей съ востокомъ Азіи, неприступною Японією, ароматическими островами Сонда и чудесною по ея произведеніямъ *пятою* свѣша часпію *). Россіяне возвратились изъ чепвертаго уже своего пушешествія вокругъ земнаго шара. Я мысленно вижу великаго, благодѣшельнаго спарца, копорый недавно еще взвѣшиваль силы Европейскихъ державъ, вижу его, заключающаго въ объашія свои смѣлаго юношу, присоединившаго на вѣки свое имя къ именамъ Магеллана, Кука, Крузеншперна. Полезное изобрѣшеніе опдаленной обласпи Сѣвероамериканской, менѣе нежели чрезъ годъ, приводится въ исполненіе на противуположенной половинѣ земнаго шара, при усшь Невы **). Для насъ въ Харьковѣ,

---

*) Г. Флопа Капитанъ *Петрѣ Ивановичѣ Рикордѣ*, освободившій изъ Японскаго плѣну бывшаго своего начальника Г. *Головина*. Сіе примѣчаніе помѣщено для тѣхъ, кои по крайней мѣрѣ изъ журналовъ, не знаютъ сего опличнаго мореходца, просвѣщеннаго челоука и рѣдкаго папріота.

***) Сочинишель разумѣеть здѣсь о *пароходѣ*.

среди ужасной оной Грекамъ Скиѣи обитающихъ, растешь сахарный проспникъ на Аншильскихъ оспровахъ и корица на оспровѣ Цейлонѣ. Мы, пакъ сказашь, *необходимо* занимаемся участію сихъ опдаленныхъ мѣспъ; въ шоже время узнаемъ, что экспедиція, опправленная къ сѣверному полюсу, благополучно дошла уже за десять степеней до онаго; и вмѣстѣ сообщаемъ другъ другу подробное извѣспіе о Голькамскомъ собраніи, подобномъ нашему въ сей день, извѣспіе дошедшее къ намъ изъ Лондона *грезѣ Берлинѣ и Петербурѣ* *). Между шѣмъ въ Бразиліи чипаюшъ съ любопытствомъ о происшествіяхъ, совершающихся въ нашемъ Опечеспвѣ. Опъ меня, частнаго чедовѣка, зависишъ, чшобъ сіе слово доспигло до береговъ Амазонской рѣки, Миссисипи, Гамбіи, Нила и Ганга, бывъ разумѣемо шамъ, какъ на брегахъ Иршыша и Ангары. Общеупотребительность нѣкошорыхъ

---

*) См. Сѣверной Почшы No 61 и Berlin. Nachrichten.

Европейскихъ языковъ во всѣхъ сихъ мѣстахъ, правильный ходъ почтъ и непрерывность морскихъ сообщеній даюшъ къ тому несомнительныя средства. Представляющъ-ли что подобное прежніе вѣки?.. Не только людскость, свойственная нашей части свѣта, крошкіе ея обычаи, ея благошворная Религія, самыя Вѣщеносцы ея переселились въ страны, которыя совсемъ не существовали для древнихъ, кошорыя въ началѣ XVI столѣтія еще едва были извѣсны *). Владѣтели прошивуположеннаго намъ полушарія начинающъ сопрягашься со дщерями Монарховъ Европейскихъ. Сии Монархи, открыто, при торжественныхъ плескахъ своихъ подданныхъ; даюшъ себѣ взаимно имена *друзей*. *Во семъ качествѣ* посѣщающъ они другъ друга и *отъ лица къ лицу* рѣшашъ судьбу важной части

---

*) Въ 1500 году Португалець Кабраль открылъ берега Бразиліи. Но значительныя заселенія въ ней сдѣлались не прежде половины XVII вѣка.

Европы. Евангеліе проповѣдуешся велегласно въ бамбуевыхъ храмахъ оспрововъ Тихаго моря, ш. е. на сто восемдесять шепеней долгошы ошъ происхожденія своего, и почти аншиподамъ Іерусалимскимъ!.. Вѣкъ счасливый, объщающій всеобщій брашскій союзъ рода человѣческаго! Скоро свободный Негръ, приплывъ изъ Гинеи на собшвенномъ суднѣ въ Одессу и образованный житель Сандвичевыхъ оспрововъ, возвращающійся изъ Нью—Іорскаго Университеша въ свое отечество чрезъ Россію, могутъ простерть дружескія объштія полуденному Россіянину, и съ нимъ бесѣдовашъ о уснѣхахъ наукъ *на сеибъ самоибъ лѣствѣ*, копорое менѣе нежели за двѣспи лѣствѣ до насъ, служило обипалицемъ дикимъ сернамъ и временнымъ прослѣдомъ для Крымскихъ варваровъ, опуспошавшихъ внушреннюю Россію. Слушашели! эшо не мечшы!.. *) Прославимъ Провидѣніе, являющее намъ въ

---

*) Чшо бы согласишся въ возможности сего, споишъ шолько вспомнишъ о прибытіи въ прошедшемъ году одного свободаго А-

сихъ событіяхъ, въ семь сближеніи народовъ, свои чудеса, какъ и во всемъ прочемъ, и будемъ достойны своего времени!

II. Не трудно опредѣлишь истинную къ Ошечеству любовь, показавъ различіе ея, какъ ошъ лживаго, шакъ и ошъ заблужденнаго патріотизма. „Ошъ плодъ ихъ познаеше ихъ.“ *) Во всѣхъ странахъ, какъ и въ Ошечествѣ нашемъ, находяшся еще люди, наполненные непріязни къ иностранцамъ, презирающіе и опорочивающіе ихъ обычаи, обряды, законы, чуждающіеся всякаго сходства съ ними, и по сему ненавидящіе полезнѣйшія уснановленія, шоколику сіи ошъ нихъ заимствованы.

фриканскаго мореходца въ Европу и о печеніи нынѣшняго владѣтеля Сандвичевыхъ острововъ образовавъ жителей оныхъ. Нѣкоторыя и шеперь воспишывающся въ Сѣверной Америкѣ. Множество обыкновенныхъ *теперь* событій, на пр. пребываніе Россійскаго Резидента въ упомянушой шеперь странѣ и въ Бразиліи, за *полѣвка* только были еще невѣроятны.

*) Маше. Гл. VII.

Они въздыхають о временахъ прошедшихъ, въ нихъ шолько ищуть и находяшь добродѣтели; превозносяшь похвалами предковъ, неимѣвшихъ съ чужеземцами сношеній. Они желали бы возвратишь первобытную грубость нравовъ, суровость правленія, дикость самой природы, если возможно, что бы удовлетворишь свое отвращеніе... Но сіе отвращеніе ошъ всего чужеземнаго не ешь любовь къ Опечеству!.. Во всѣхъ странахъ, какъ и у насъ, находящя преслѣдовашели иностранцовъ, призванныхъ Правительствомъ для наспавленія нашего и пользы Государственной, или нашедшихъ у насъ убѣжище. Они желали бы изгнать ихъ далеко за свои предѣлы. Они почитають ихъ бесполезными бременами общества, или обвиняють въ распространеніи опасныхъ примѣровъ и вредныхъ началъ, потому шолько, что сіи несчастные сущъ чада иной земли. Въмѣсто преклоненія своего народа къ соболѣзнованію, къ гощепримству, они заражаютъ его своими чувствованіями, вооружають его на сихъ пришельцовъ безъ всякаго

разбора, безъ всякаго соображенія послѣдствій. вмѣсто того, что бы искашь сопрягти сихъ новыхъ гражданъ съ собою уваженіемъ, снисхожденіемъ, объясненіемъ взаимныхъ недоразумѣній, они отвращающъ ихъ отъ себя, пороча собственное свое Опечество и благодѣтельные намѣренія своего Правительсва дѣлая безуспѣшными. Сіе гоненіе иноснранныхъ не есть любовь къ Опечеству!.. Къ спыду просвѣщенной Европы, не въ одномъ царствѣ находимъ мы хулителей царсвѣ другихъ, полагающихъ въ шомъ свою славу, увеличивающихъ худое, сродное какъ и вездѣ чловѣческому несовершенсву, унижающихъ цѣну хорошаго и похвальнаго, приписывающихъ *народнымъ* порокамъ или *народному* злодѣйству то, что должно справедливѣе приписывать обыкновенному легкомыслію народа или обснояшел свамъ, въ кошорыя онъ спеченіемъ случаевъ приведенъ; преступленія одного или нѣсколькихъ лицъ или же и дѣла Правительсва приписывающихъ сему народу, кошорый какъ и повсюду, есть безразсудная шолпа дѣ-

пей, ешь жалкое орудіе для сильнѣйшаго или кипрѣйшаго. Такимъ-шо образомъ имена: *Французѣ* у однихъ, *Турокѣ* у другихъ, *Руской* у шрешьихъ, сколь безвинно, сполько и безумно спановяшся порицаніемъ. Укоризны воздаюшся за укоризны. Народы, какъ бы умышленно содержашся въ непримиримой неприязни: а всѣ они супъ чада *Единаго* Бога!.. Нѣшъ, слушашели! сіе Государственное злословіе не ешь любовь къ Опечешву!.. Въ спранахъ, заимспвовавшихъ посшепенно и позднѣе ошъ другихъ просвѣщеніе, шребующихъ необходимо поддержанія его извнѣ, скудныхъ еще въ природныхъ насшавникахъ, нѣкошорые желали бы совсемъ обойшисъ безъ чужеземцовъ. Они предпочишаюшъ лучше оспавишъ у себя науки во младенчешствѣ на цѣлое поколѣніе еще, нежели вызвашъ учишелей досшойныхъ изъ мѣспъ, которые шаковыми изобилуюшъ. Они не предспавляюшъ себѣ, что учебныя заведенія, едва возникшія, не могушъ приносишъ плодовъ зрѣлыхъ; что насшавники образушся великимъ временемъ и ошъ великаго

лишь избытка наставляемыхъ; что видѣшь и слышаешь преподаваемое въ училищахъ родимаго края недоспапочно для того совершенства, которое должно предполагаться въ образователѣ другихъ. И земледѣлецъ, не только избираешь самое зрѣлѣйшее и лучшее зерно для произведенія плода; но часшо предпочипаешь оное заимспиваешь въ краю *инолѣ*. Таковъ общій законъ Природы! Увы! мнимые сіи папріоты осуждають на посредспвенность пысячи юношей, пылающихъ къ пріобрѣпенію познаній, надежду своего опечесства! *Такое*, и *въ себѣ* предпочпеніе природныхъ чужеспранцамъ, не есть просвѣщенная любовь къ Опечесству!.. И восклицанія писателей въ похвалу своего опечесства, безпрерывное превозношеніе его въ книгахъ и періодическихъ сочиненіяхъ, прошивуположеніе достоинствъ своего народа свойспивамъ чуждыхъ, приписаніе его добродѣтелямъ того, что справедливѣе принадлежить перспу Провидѣнія или мудрости и швердосши Правительства, умолчаніе его несовершенствъ, *которые ему въ исправ-*

леніе его напоминать должно, умолчаніе неудачъ, увеличиваніе усѣховъ, все сіе не есть просвѣщенная любовь къ Отечеству!.. И порицаніе мѣръ Правительствва, преднародное сужденіе о его погрѣшностяхъ, дерзкое испишаніе его тайнъ, сей такъ называемый въ нѣкопрыхъ образахъ Правленія духъ оппозиціи, поелику онъ прошивень *самому существу* порядка и согласія въ народныхъ сѣмействахъ, не есть любовь къ Отечеству!.. Съ другой стороны, слушатели, назовемъ ли мы любовью къ Отечеству сіе легкомысленное стремленіе къ новостямъ, сіе безвременное желаніе ввести у насъ обычаи, нравы, законы чужихъ земель, по одному предположенію, что они послужатъ къ счастью нашего народа? Благоразуміе во всемъ наблюдаетъ средину. Оно не отвергаетъ чуждаго, но предпочитаетъ испишанное свое. Не охотно измѣняетъ установленія, освященные временемъ: напрошивъ того прилѣжнымъ взоромъ ищетъ и открываетъ въ нихъ самихъ средствва къ ихъ усовершенію. Оно знаетъ, что нерѣдко ка-

мень, о немъ же небрегоша зиждущи, можеть бысть во главу угла.

О сколь лестно было бы для опечесшвеннаго нашего самолюбія, еслибъ Россіяне показавъ безчисленные примѣры любви къ Опечесшву на полѣ брани за него, и на гражданскомъ, неменьше славномъ поприщѣ, представили міру высочайшій идеаль сего благороднаго чувспвованія во всѣхъ своихъ дѣянїяхъ! Оно, подобно прочимъ добродѣтелямъ, возвышаешся скромношю. Чудное дѣло по истинѣ: шщеславїе, гордоспъ и другія чувспва, нешерпимыя въ часпныхъ людяхъ опъ лица къ лицу; не уже ли могушь бысть прїяшны между народами? Сограждане! переспанемъ оскорбляшь братїй своихъ и наспавниковъ! Опдадимъ справедливоспъ ихъ *доброму*, дабы они нашему *лучшему* оную опдали. Возлюбимъ и почшимъ Европу, кошорая въ Великомъ Царѣ нашемъ обожаешъ своего благошворшеля: Униженїемъ для себя поставляшь первенство въ познанїяхъ, еспъ завидовашъ шому, кшо живешъ опъ насъ на восшокъ, что у него ранѣе было ушро.

Нашъ ПЕТРЪ призналъ, что науки об-
пекающъ земный шаръ, подобно свѣшу
солнечному!.. По поводу великаго, те-
перь произнесеннаго имени, озримся,
слушашели! въ рядъ минувшихъ временъ.
Мудрые наши Самодержцы отъ Влади-
мировъ и Иоанновъ Великихъ до безпри-
мѣрнаго сего ПЕТРА, и до АЛЕКСАНДРА
единственнаго, всѣ привлекали ино-
спранцовъ въ Россію. Наши лѣтописи
не всегда намъ объясняютъ образъ уча-
ствія сихъ почтенныхъ пришельцовъ въ
дѣлахъ Правительсва; даже и имена
многихъ изъ нихъ остались безызвѣст-
ными. Тѣмъ не менѣе, судя по Корсу-
нянинѣ Анастасіи, Болонцѣ Аристоле-
лѣ, Женевцѣ Лефоршѣ и другихъ, мы
можемъ быть удостовѣрены, что *или*
обязаны мы нашими лучшими успѣхами
въ дѣлахъ войны и мира. Но что я го-
ворю?.. Весьма многіе изъ нашихъ вель-
можескихъ родовъ, изъ особъ имени-
тыхъ заслугами Отечеству и Престо-
лу, наши Романовы, Морозовы, Орди-
ны-Нащокины, Шеремешевы, Бушур-
лины, Воронцовы, Суворовы, Кутузовы,
не происходятъ ли отъ чужеземцовъ,

поселившихся въ Россіи? *) Большая часть сего обширнаго Царства, вмѣщающаго въ себѣ многія другія, не населена ли пришельцами, или не состоишь ли изъ народовъ, принявшихъ въ послѣдствіи славное имя Россіянъ? Слушатели просвѣщенные! въ девятомъ-надесяти ли вѣкѣ надлежишь лишить народныя вражды? Оставимъ ихъ для вѣковъ и племень варварскихъ. Заплашимъ порицателямъ нашимъ, путешественникамъ, исполненнымъ легкомыслия или зависти и злобы, лживымъ Географамъ и Испорикамъ, обезображивающимъ наше Отечество, заплашимъ уваженіемъ родимыхъ ихъ земель. Вражды невѣжества и воздаяніе мщенія безконечны, если не прекратишь ихъ слово мира сіе: *добро творите ненавидящимъ васъ!*..

Любовь наша къ Отечеству да начнется любовію къ истинѣ и добродѣтели, безъ копорой она есть щещ-

---

*) См. Родословную книгу Князей и дворянъ напеч. въ Москвѣ 1787.

ный звукъ во ушахъ нашихъ. Дурной гражданинъ своего края, дурной отецъ своего семейства, не можешь быть добрымъ сыномъ Опечесства. Съ другой стороны, не любя всемъ сердцемъ Опечесства нашего, не можемъ мы любить челоуковъ другихъ странъ, челоуковъ вообще. Мнимыя къ нимъ нѣжностіи Космополишовъ, сіе пышно - выражаемое желаніе всеобщей свободы и равенства, суть мечны воображенія, или безбожный обманъ эгоизма, укрывающій злодѣйство.

Любовь къ Опечесству, слушатели! есть искра оной несравненной любви, сопрягающей Творца съ тысящами и тысящами Его твореній. Исходя изъ чистаго сердца Хрисціанина, она объемлетъ прежде семейство его, окружающихъ его домочадцевъ, мѣсто его рожденія и жительства, всѣхъ людей болѣе или менѣе оу него зависящихъ, край, котораго онъ есть гражданиномъ; наконецъ, поспешенно расширяя свой кругъ, и все Опечесство! Но сей небесный огонь не вмѣщается и въ поликомъ пространствѣ: онъ разливается

и объёмлешь весь родъ человѣческій. Онъ воспарилъ бы и внѣ предѣловъ земнаго шара, въ міры другіе, къ прочимъ чадамъ погоже Бога; но ещесство смершнаго ограничено!..

Любовь къ Ошечесшву дѣйспвуешь не проповѣдуя о себѣ. Она не поставляешь себѣ цѣлю награды или славы, умирающей *завтра*; однако имѣешь ихъ въ виду, какъ по слабосши человѣческой Природы, шакъ и изъ уваженія общешвеннаго блага, кошорое сіи награды производяшь, умножая поревнованіе. Она не ошпанавливаешь ошъ препяшшвій, не слабѣешь ошъ невниманія Правительшсшва или согражданъ. Съ равнодушіемъ взираешь на плоды шрудовъ своихъ, преданные рукамъ чуждымъ, и опшвергаема бывъ, не прешашешь принимаешь въ нихъ прежнее живѣйшее учасшіе. Она глубоко чшпшь власшь, но ей не раболѣспвуешь; ишполняешь въ шпрогой шочносши ея велѣнія; но не ищешь угождашь. Съ другой, не осуждаешь дѣль ея на шпогнахъ градскихъ, а подъ печашію шайны, *говоритъ*, гдѣ мнишся ей, что долтъ и

благо Опечесшва того перебують: вѣщаешъ сильнымъ истину съ тѣмъ же духомъ, съ какимъ въ другихъ случаяхъ льешъ кровь за Опечесшво. Симъ образомъ, безвѣстно для современниковъ, безвѣстно для потомства, лишивъ сама себя всѣхъ человѣческихъ средствъ къ удовлетворенію, она нерѣдко приноситъ величайшія жершвы. Наконецъ, увидѣвъ себя безъ пристанища здѣсь на землѣ, она спремится къ Престолу Вѣчности, *единственному* своему источнику, и памъ обрѣшаешъ свое воздаяніе.

VI. СТАТИСТИЧЕСКОЕ, ИСТОРИЧЕСКОЕ И ВОЕННОЕ ОПИСАНІЕ ПРОВИНЦІИ БОКО ДИ КАГАРО.

(Окончаніе.)

Произведенія.

Высокія , безплодныя горы , окружающія заливъ , свидѣтельствуютъ скудость страны сей. Только у побережія видны сады и огороды , которые украшая дикость мѣста , не доставляютъ однако нужнаго продовольствія. Далѣе , между горъ , долины къ земледѣлію удобны ; но безпрестанныя войны жипелей съ Черногорцами и недостатокъ рукъ препятствуютъ обработыванію сихъ мѣстъ. Малыя поля обдѣлываются киркою и едва на три мѣсяца даютъ хлѣба ; недостатокъ онаго замѣняетъ каршофель. По берегамъ виноградъ , масличныя , фиговыя , частію же померанцовыя и лимонныя деревья распушъ , какъ въ Италіи , на открытомъ воздухѣ. Каменныя скалы , увеличивая жаръ , способствуютъ созрѣванію , и потому климатъ сходствуетъ съ Африканскимъ : послѣ помилельнаго зноя , зимою идутъ дожди иногда шесть недѣль сряду. По неимѣнію луговъ скотоводства со всею нѣшъ. Пчеловодство могло бы при-

несъ большія выгоды, если бы доставая медь, не испребляли пчель. Шелкъ, въ маломъ количествѣ обрабатываемый женщи-нами, имѣеть особенную доброту. Толстыя сукна, полошно и песпрые тики дѣлаются для домашняго только обихода. Скудость земныхъ произведеній замѣняется изобиліемъ рыбы, и Бокезцы весьма искусно бьютъ ее оспрогою.—У прибрежныхъ жилищей, особенно у Каполиковъ, дома покойны, чисты и хорошей наружности; далѣе же, внупри горъ, крыши плипою и имѣютъ посреди очагъ безъ шрубы. По неудобности дорогъ нѣтъ телегъ и шяжести перевозятъ на вьючныхъ ослахъ.

Торговля.

Бокезцы производятъ значительную торговлю въ Адриатикѣ, Левантѣ и Черномъ морѣ. О приращеніи ихъ благосостоянія можно заключать по числу судовъ, которое въ послѣдніе годы знатно увеличилось. Въ 1798 году они имѣли 264 судна, въ 1806мъ 381, а въ 1807 до 500. Исключая малыхъ, всѣ они вооружены пушками отъ 6 до 28. На сихъ судахъ употребляется до 7000 человекъ весьма хорошихъ матрозовъ. Шкипера не знаютъ науки мореплаванія и управляютъ судами по одной привычкѣ и

знанію мѣстѣ. Бокезцы соперники Рагузивцамъ: подобно имъ перевозятъ они чужія произведенія и симъ промыслѣмъ содержатъ свои сѣмейства, копорыя, по бесплодію земли, должны бы влацишь самую несчастную жизнь. Безъ торговли они существовать не могутъ. Собственныхъ произведеній вывозится: 4000 баралей деревяннаго масла, 12.500 пудъ винныхъ ягодъ, сполько же восковыхъ свѣчей, 125 пудовъ шелку и 375 п. меду. Изъ Черногоріи и Герцоговины пригоняется ежегодно около 110.000 барановъ и козъ и 15.000 быковъ и свиней, мясо копорыхъ подъ именемъ: *кастрадино коптеной и соленой* отправляется изъ *Катаро* въ *Венецію* и *Тріестъ*. Бараны и воловы шкуры отпускаются необдѣланныя. Изъ Черногоріи получается 15.000 пудовъ сыру, сполько же чрезъ *Ризано* изъ Герцоговины, который вмѣстѣ со 150 пуд. Морейскаго развозится въ *Италію* и *Левантъ*. — Бокезцы не уступяшь дѣятельнымъ нашимъ промышленникамъ въ смѣпливости и проворствѣ,

Вѣра.

При владычествѣ Венеціанъ и Австрійцевъ Греческая вѣра была въ крайнемъ успѣшеніи. Нетерпимость Римскихъ Каполиковъ простиралась до того, что не шоль-

ко не позволяли жителямъ Греческаго исповѣданія ошправлять свободно богослуженіе, но даже запрещали ввозъ изъ Россіи церковныхъ книгъ. Хотя въ послѣдніе годы и печатались сіи книги въ *Вѣнѣ* и *Будѣ*; но Славяне не могли имѣть къ нимъ никакого довѣрія и доспавали себѣ шайнымъ образомъ Библии, Молишвенники и п. п. Кіевской и Московской печати. Гоненіе, приличное суевѣрію XI и XII столѣтія принудило весьма немногихъ Славянъ перемѣнить вѣру и укоренило взаимную ненависть между Каполиками и Греками. Кровопролитія между ими бывшія не оправдываютъ полипики нашего просвѣщеннаго вѣка, особенно потому, что жителей Греческаго исповѣданія гораздо больше, нежели Каполиковъ: сіи послѣдніе едва ли составляютъ четвертую часть населенія. Послѣ сего должно ли удивляться изступленному воспоргу бѣдныхъ Славянъ, когда, при занятіи Провинціи Россіянами, Греческая вѣра сдѣлалась главною; когда они свободно могли ошправлять свои шоржесшва, могли получать священныя книги, споль у нихъ рѣдкія; когда они сліялись въ одинъ народъ съ Черногорцами, съ копорыми до сихъ поръ вели непрерывную, гибельную войну — и наконецъ когда увидѣли предѣль своимъ бѣдствіямъ и начало

своего благоденствія. — При появленіи Рускихъ наступилъ для Бокезцевъ золотой вѣкъ; освобожденіе отъ всѣхъ повинностей, миръ съ Черногорцами и торговля съ Герцоговиною и другими Турецкими областями обѣщали имъ многія выгоды. Кротость и истинно Христіанское вѣроперпѣніе Россійскаго МОНАРХА, позволивъ свободное богослуженіе Каполикамаъ, зашворили уста гордому духовенству, котораго честолюбіе было причиною всѣхъ золъ. Сія мѣра заставила умолкнуть вражду, раздѣлявшую въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ народъ одного происхожденія. — Церкви, монастыри и духовенство содержатся прихожанами. Каждое сѣмейство въ назначенное время доставляетъ хлѣбъ, масло, вино, свѣчи и все нужное. По сему здѣшніе священники, обезпеченные въ своемъ продовольствіи, служатъ молебны, крестятъ дѣтей, вѣнчаютъ свадьбы и исправляютъ прочія шребы безъ всякой мзды. Такимъ образомъ лишены будучи всякаго повода къ корыстолюбію, они сохраняютъ важность своего сана и живутъ въ истинномъ духѣ Христіанъ.

Нравы, обитан и одежда.

Отъ обращенія съ иностранцами Бокезцы Каполическаго исповѣданія ведутъ

не сподь спрогій образъ жизни, какъ прочіе ихъ соотечественники Греческой вѣры, которые во всемъ почпи сходны съ Черногорцами (*). На чужой споронѣ Бокезцы поскуютьъ, подобно Швейцарамъ по своей родинѣ. Публичныя увеселенія имъ неизвѣсны; временемъ полько приѣзжаютъ въ *Катаро* труппы спранствующихъ акперовъ. Иногда приглашаютъ они къ себѣ гостей; но какъ женщины не допускаются въ такія общества, шо собранія сіи бываютъ довольно скучны. Изобрѣшеніе ревнивыхъ мужей — покрывала, которыя женщины носятъ внѣ дома, мало по малу перемѣнялись изъ непроницаемыхъ шелковыхъ въ кисейныя, изъ кисейныхъ въ флеровыя, и наконецъ носили ихъ полько для виду, опуская при встрѣчѣ съ своими. Женщины вышняго соспоянія спашны и пригожи: креспьянки здоровы, но не могутъ похвастать врасопою. Характеръ Бокезцевъ, какъ и всѣхъ торговыхъ народовъ, весьма важенъ. Госпепрімны съ расчешливостію, однакожь и не совсемъ скупы. Музыка и пляска прочно такія же, какъ и у Черногорцевъ. Послѣднее увеселеніе не согласуется съ чрез-

---

(*) См. любопытную статью Г Бровевскаго о Черногорцахъ въ Журналѣ: *Сынъ Отечества* нынѣшняго года.

вычайною ревнивостію Бокезцевъ и грубостію ихъ въ обращеніи съ женщинами, которыхъ они почишаютъ своими невольницами. Въ военной тактикѣ сходствують съ Черногорцами и хотя не могутъ сравняться съ ними въ искусствѣ спрѣлять, однако же Бокезцы, особенно Греческаго исповѣданія, столь же храбры, какъ и они, сражающіяся съ большимъ порядкомъ и знаютъ лучше подчиненность. — Въ пищу наиболѣе употребляется у нихъ *полента* (кукурузная каша), рыба и мясо. — Поселившіеся здѣсь Италіянцы носятъ Французскую одежду. Приморцы одѣваются опличено отъ всѣхъ Иллирическихъ Славянъ. Широкія Греческія шаровары опускаются до половины икры; фуфайка съ душими серебряными пуговицами, выложенная позументомъ или снурками; сандаліи въ походѣ, полусапоги дома и круглая шляца; подъ нею Каполики носятъ черную бархатную, а Греки красную шапочку. Фуфайки ихъ украшаются мѣдными и серебряными бляхами (по Славянски *токе*), которые вмѣсто лапъ носятъ также на груди и на ногахъ. Жишели *Зупы* одѣваются какъ Черногорцы. Къ симъ двумъ нарядамъ принадлежатъ прехгранный кинжалъ *Анжаръ*, серпообразный *Ятаганъ*, пара пистолей, длинное ружье и древній Славянскій мечъ, или Турецкая сабля на серебряныхъ цѣ-

пяхъ и пашронныя сумки на манеръ Албацскихъ. Самый бѣдный имѣетъ оружіе, украшенное насѣчкою, перламупромъ и камнями въ Азіашскомъ вкусѣ; богатые же сверхъ того имѣютъ малиновыя или черныя бархашныя фуфайки, обложенныя позуменшомъ, и весь приборъ, какъ то пуговицы и бляхи на ногахъ серебряныя. Одежда женщинъ единообразна; короткое бѣлое платье съ широкими рукавами подпоясывается широкимъ поясомъ, кошорый какъ рукава и низъ платья вышивается прекраснымъ узоромъ; на ногахъ сандаліи, подвязанныя цвѣтными лѣнтами; на головѣ повязка изъ плашка и Турецкій тюникъ безъ рукавовъ. Нарядъ дѣвушекъ весьма сходенъ съ національнымъ нашимъ костюмомъ. Монетное или коралловое ожерелье составляетъ лучшее ихъ украшеніе. Синій и красный цвѣтъ болѣе прочихъ употребляются. — Всѣ сіи наряды дѣлаются дома; кромѣ лѣнтъ и плашковъ нѣтъ ничего привознаго. Бокезцы весьма искусны въ вышиваніи, особенно въ крашеніи суконъ и полошнѣ. — Болѣзни, происходящія отъ роскошной жизни, неизвѣстны даже и по имени Бокезцамъ: они шакъ здоровы, что въ *Катаро* находится одна только аптека и одинъ Докшоръ. Другой лекаръ, жившій въ *Кастель - Ново*, выѣхаль отпуда, опасаясь, какъ видно, умереть съ голоду.

Науки, языкъ и ремесла.

Здѣшнее Греческое духовенство ведетъ самую строгую жизнь и довольно просвѣщено: большая часть изъ духовныхъ говоритъ по Италіянски и занимается словесностію. Имѣя великое вліячіе на простой народъ, они прекращаютъ всѣ его распри и приводятъ въ исполненіе повелѣнія правительствъ. При каждой церкви есть школа, гдѣ мальчики обучаются закону и Славянской грамматкѣ. Всякой праздникъ, во время службы, дѣши сіи спановаясь по два въ рядъ, по обѣ стороны предъ царскими дверями; четверо въ бѣлыхъ одеждахъ прислуживаютъ въ алтарѣ, а двое стоятъ у крылосовъ и чинаютъ очень громко. По окончаніи обѣдни, Священникъ испытываетъ дѣшей въ Капихизисѣ, потомъ объявивъ имъ какой завтра праздникъ, или въ которомъ часу собираваться имъ въ классъ, благословляетъ ихъ и отпускаетъ по домамъ. Впрочемъ большая часть Бокезцевъ, особенно пѣхъ, которые живутъ не при морѣ, а далѣе въ горахъ, по недостатку священниковъ, лишены и сего воспитанія. Богатые изъ Каполиковъ посылаютъ дѣшей своихъ въ Италіянскіе Университеты. Нѣкоторыя изъ дворянъ занимаютъ должность Адвокатовъ

и не учась правамъ, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ, по одному только навыку умѣютъ запусывать дѣла и наживаться. Бокезцы говорятъ Славянскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ Италіянскими словами. Кашолики пишутъ Италіянскими буквами; Греки же, изъ которыхъ немногіе умѣютъ грамоту, употребляютъ въ письмѣ церковныя буквы. Приморцы и городскіе жители говорятъ по Италіянски Венеціанскимъ нарѣчіемъ. — Кромѣ слѣсарнаго мастерства, дѣланія ружей и одной красильной фабрики, находящейся въ *Катаро*, мыла и дурныхъ спрунь, обрабатываемыхъ въ *Перасто*, нѣтъ никакихъ мануфактуръ. Самые лучшіе здѣсь ремесленники — женщины.

Дворянство.

Въ прежнія времена, когда спрана сія была Республикою, начальники округовъ, избираемые народомъ, пока занимали общеспвенныя мѣста, назывались *Князьями*; послѣ того, при Венеціанскомъ правленіи, переименованы въ *Графовъ* по же на время, и какъ при утвержденіи ихъ въ это званіе, или должность, плашили они по 25 шадеровъ, по и, почли себя въ правѣ присюишь пишутъ сей и дѣшамъ своимъ. Такимъ же шочно образомъ и занимавшіе ниж-

нія гражданскія должности называли себя дворянами; но ни шѣ, ни другіе не признавались въ Венеціи таковыми. Насполяціе дворяне имѣюшъ у себя дипломы, и шѣ изъ нихъ, въ коихъ нѣшъ сіяшельныхъ титуловъ, почишаюся самыми древнѣйшими, ибо Графское достоинство дано Бокезцамъ Венеціянами уже въ новѣйшія времена. Фамиліи *Медынь*, Графы *Ивелити* и Графы *Воиновити* самое почетное дворянство. Впрочемъ дворянство не даетъ никакихъ преимуществъ: самый послѣдній изъ черни имѣеть почто такія же права, какъ и первые дворяне. Здѣсь истинное достоинство основывается на всеобщемъ уваженіи, и кто заслужилъ оное, шотъ гораздо болѣе, нежели дворянинъ.

Исторія.

Въ архивѣ Кашарской хранишся данная Иллиріянамъ *Александромъ Македонскимъ* привиллегія, кошерою за храбрость и мужество, оказанное ими въ войнахъ сего великаго завоевателя, подарена имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе часть земли *Аквилонской* до самыхъ полуденныхъ границъ Италіи съ шѣмъ, что коренные жители должны бышъ ихъ рабами *). Хотя

*) Я имѣлъ случай чишашъ сію древнѣйшую при-

ученые и не могутъ согласиться въ древнихъ происшествіяхъ сей страны; но всего вѣроятнѣе кажется, что прекрасная Королева *Теита*, изгнанная изъ *Иллирии* многими приверженцами, избрала сначала для пребыванія своего то самое мѣсто, гдѣ нынѣ *Ризано*, и вскорѣ послѣ того желая удалиться отъ опасныхъ границъ, укрѣпилась въ *Катаро*, которую *Плиній* называетъ Римскою колоніею подъ именемъ *Ascrivium*. Какъ и сіе не слишкомъ достоверно, то спянемъ говорить о новѣйшихъ происшествіяхъ. — Въ *Ризацо* и *Катаро* жили морскіе разбойники, которые господствуя надъ моремъ, наводили ужасъ жителямъ береговъ. Въ 866 году *Катаро*, *Будца*, *Ризано* и *Розе* разрушены были до основанія *Агавенали*, народомъ жившимъ въ окрестностяхъ *Карвагены*. По опшествіи сихъ варваровъ, оставшіеся жители, соединясь съ *Боснійцами*, изгнанными изъ опшества Венгерцами, построили *Катаро* и основали Республику. Въ 1115 году Король Сербскій *Гвореѣ* подарилъ сей Республикѣ отъ своихъ *Привлака*, что нынѣ *Страдіоти*, и мѣста, гдѣ нынѣ *Лустница*, *Картоли*, также долины *Зупа*.

виллегію Славянъ, помѣщенную въ заглавіи дипломовъ Графовъ *Ивелигвй*. *Прим. Сог.*

Въ 1250 году Король *Родославъ*, за приверженность къ опцу и сыну его *Симону Немейсва*, укрѣпилъ сіи мѣста *Катарцамъ*. При Король *Урозіо* и Королевъ *Еленъ* въ разныя времена подарено *Катарскимъ* жителямъ и дворянству *верхній и нижній Зупа* (по Слѣвянски *Гербаль*, т. е. равнина), *Ложница*, *Міаксъ*, *Доброта*, *Леденица*, *Біанка* и *Крушевица* до *Фіцльеры* (рѣчки, что у сѣвнѣ *Катаро*). Въ 1361 году Императоръ Греческій и Король Сербскій *Стефанъ Нейманья* укрѣпилъ грамошою право владѣнія на всѣ подаренныя прежде мѣста. Въ 1368 году, когда Сербія раздѣлилась на четыре части, то Республика будучи во все время подъ покровительствомъ сего Королевства, заключила союзъ съ *Лудвигомъ I*, Королемъ Венгерскимъ; въ томъ же году Венеціане, имѣя войну съ Венгріею, взяли *Катаро* и разграбя городъ, удалились. Въ 1382 году дочь *Лудвига I*, *Марія*, опдала Республику, *Тцарку*, Королю Босніи; но по двухлѣтней войнѣ храбрые *Катарцы* возвратили свою свободу. Послѣ сего воевали они съ *Албанскими Князьями* и съ *Рагузинцами*. Въ 1391 году *Катарцы* заключили союзъ съ *Рагузою*, *Дульциньо* и *Антавари*; жители сихъ двухъ послѣднихъ городовъ были извѣстныя морскіе разбойники. Въ началѣ XV столѣтія, когда *Турки* завоевали всѣ пограничныя

провинціи, Катарцы опасаясь ихъ, добровольно отдались въ подданство Венеціанской Республіки на слѣдующихъ между прочимъ условіяхъ: 1) права, вѣра и законъ остаются неприкосновенными; 2) на строеніе общественныхъ зданій и жалованье гражданскимъ чиновникамъ употреблять деньги изъ областныхъ доходовъ; 3) Венеціанская Республіка не можетъ уступить ихъ другой державѣ, и если не въ силахъ будетъ защищать ихъ, то народъ снова остается независимымъ и власень избрать другихъ покровителей. — Венеціане въ точности исполнили договоръ сей; Бокезцы жили счастливо подъ ихъ правленіемъ и всегда были вѣрными ихъ подданными. Венеціане, владѣя *Катарою*, въ разныя времена покорили *Кастель-Ново* съ шрема округами, а *Пастровити* и *Ризано*, сохраняя свои преимущества, добровольно отдались въ покровительство Венеціи. По уничтоженіи въ 1797 году Венеціанской Республіки *Кампофорлійскимъ* трактатомъ, область *Бокоди Катаро* уступлена Римскому Императору: но мужественные Славяне воспростились сему и отправили отъ себя въ Вѣну депутатовъ; Вѣнскій Кабинетъ утвердилъ всѣ ихъ преимущества, и Генераль *Луковина* принялъ область отъ народныхъ начальниковъ *коммунитатовъ* (округовъ) на

тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ принадлежала она Венеціи *). По *Пресбургскому* миру впорично и шакже несправедливо обласъ сія опдана Ишаліянскому Королевшву, или лучше сказашъ, Франціи; народъ вооружился, и какъ описано выше, безусловно опдался въ вѣрноподданство Россійскому ИМПЕРАТОРУ. Въ 1807 году, по *Тильзитскому* миру, обласъ сія сдана Французскимъ войскамъ **), и наконецъ по

---

*) Въ 1804 году Французское правительшво вознамѣрясь заняшъ Черногорію, назначило для сего осмнадцашитысячный корпусъ, кошорый долженъ былъ выдши на берегъ въ *Зупъ у Будца*. Французскій Генераль, чшо бы не имѣшъ препяшствія опъ жипелей сего округа, недовольныхъ Авспрійцами, увѣрилъ было ихъ, чшо на шо есть воля ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго; но когда преданные намъ Славяне узнали опъ посланнаго къ нимъ по сему случаю Генераль - Лейтенанша Графа *Ивелига*, чшо шаковаго согласія ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ опняудъ не давалъ, шо они вооружились и Французы принуждены были оспавишъ свое коварное предпріяшіе. *Прим. Сог.*

***) Въ Августѣ мѣсяцѣ 1812 года жипели *Боко ди Катиро* узнавъ о вшорженіи Французовъ въ Россію, ополь нечаянно и согласно напали на Французскія войска, чшо оныя не могли соединишъся, были частію побиты, а оспальныя положили ружье. По желанію жипелей всѣхъ округовъ посшавлень былъ на крѣпостяхъ ихъ Россійскій ИМПЕРАТОРСКІЙ флагъ. *Прим. Сог.*

рѣшенію *Вѣнскаго* Конгресса возвращена паки Австріи.

Военное Обзорніе Провинціи Бокоди Катаро.

Участіе *Катаро* зависить ошъ того, кто повелѣваетъ моремъ; безъ флоша ни взять, ни удержашъ ее не возможно. Я уже сказалъ выше, какую превосходную военную позицію представляешъ сія провинція въ отношеніи къ политическимъ видамъ; шеперь скажу сколько нужно войскъ для защиты оной и съ кошорой спороны взять ее можно.

2.500 солдатъ, сколько мы шупъ ихъ имѣли, весьма недоспашочно; но 6.000 егерей, приобыкшихъ къ горной войнѣ, съ помощію Черногорцевъ и Приморцевъ, кошорые во время опасности могутъ выставить до 20.000 человекъ, въ соспоянніи кажешся будущъ опразить сильнаго непріателя такъ, что самый искусный и рѣшительный Генераль съ 30.000 человекъ лучшаго регулярнаго войска ничего шупъ не успѣешъ сдѣлать. — Разсмошримъ шеперь возможность нападенія съ Рагузинской и Турецкой границы, полагая Французовъ и Турокъ непріателями.

Со стороны Республики, *Кастель-Ново* есть самый слабый пунктъ; для чего должно отъ старой *Рагузы* сдѣлать дорогу и привестъ артиллерію, которую поставивъ на высотахъ *Санъ-Кьяро* и *Св. Анны*, отогнать бомбами флотъ отъ крѣпости; послѣ сего взять ее не трудно. Отъ *Кастель-Ново* въ *Катаро* ведутъ двѣ дороги: первая идетъ по берегу, къ которому корабли, какъ и во всемъ каналѣ, могутъ приближаться на карпечный выстрѣлъ, и потому войску идти по ней не возможно; другая дорога чрезъ долину *Камено*, деревни *Морине*, *Кривоце*, обходя въ лѣвъ *Леденицу*, къ *Велинцѣ* представляеть пропину, удобную только для муловъ, проложенную съ горы на гору, съ утеса на утесъ и съ высоты 50 сажень по отвѣсу въ пропасть, гдѣ не только должно подрываніемъ дѣлать дорогу для артиллеріи, но и спаять мосты для прохода людей. — Отъ селенія *Велинцѣ* къ *Катаро* остаются еще двѣ дороги: первая берегомъ *Добротою*, гдѣ также нельзя колоннамъ идти мимо кораблей, а дѣлать подъ карпечнымъ выстрѣломъ дорогу для провоза артиллеріи очевидно не возможно; послѣдняя дорога отъ *Валинцѣ* чрезъ гигантскія *тврныя* горы на разстояніи пятидесяти верстъ представляеть трудности неменьшія перехода чрезъ *Чертовъ мостъ*: идти должно

Подымашь пушки машинами, и потомъ, когда достигнешь вершины горы, лежащей прошивъ *Катаро*, спускашь къ деревнѣ *Скальари* по скалу въ 40 саженьяхъ ошъ крѣпостныхъ выстрѣловъ. — Положимъ, что непріятель уже предъ *Катаро*, копорая можетъ бышь апакована только со стороны *Доброты*; но путь горы, будучи оплоги къ морю, открывающъ войска и шраншей (кои вырубашъ должно въ камнѣ) выстрѣламъ кораблей, и пошому ясно, что осада крѣпости, защищаемой флпомъ, ешъ жимера. — Скажущъ, что нѣшъ ничего не возможнаго и приведущъ въ доказательство, что *Наполеонъ* провель армію и артиллерию чрезъ *Симплонъ* и *Ценисъ*. — Согласенъ; но онъ тамъ дѣлалъ дорогу и все, что ему было угодно, не бывъ ни ошъ кого обезпкоенъ: здѣсь же, на каждомъ шагу, принужденъ бы онъ былъ сражашъ съ жипелями, гораздо искуснѣйшими стрѣлками, нежели его волшижеры; при шомъ мѣсто не позволяешъ воспользовашъ превосходною силою или искусными маневрами; по всей дорогѣ нѣшъ воды, нѣшъ возможности жипь на чужой счешъ, ибо жипелямъ собшвенно для себя едва достаешъ продовольствія на 4 или на 5 мѣсяцовъ, а для перевозки провіанша и аммуниціи на шридцашипысячную армію пошребно 12 или 13 штысячъ

муловъ и лошадей—чѣмъ же ихъ кормишь? Кажется самый честолюбивый полководецъ не предприметъ такого похода, ибо и покореніе провинціи не принесетъ столько пользы, сколько потребуешься на то жершвъ. — Я не стану уже говорить, что могутъ предпринять Турки: съ нѣкошораго времени сдѣлались они очень благоразумны, а естли бы пришла имъ охота къ завоеванію сей провинціи, то рѣшишельно сказать можно, что 50.000 Янычаровъ положатъ шущъ свои головы.

Непріятель, господствующій надъ моремъ, высадивъ войска въ заливъ *Теодо*, поспѣшивъ занявъ каналъ *Ле-Катене*, можешь обходя шрудную дефилею у *Скало Санто*, осадить *Катаро* и отрѣзать сообщеніе ея съ *Кастель-Ново*. Словомъ, покорить *Катаро* гораздо легче съ моря, нежели съ сухаго пути, ибо и жишели, народъ воиншвенный, охотно будутъ помогать шому, кто имѣетъ флощъ для защиты ихъ шорговли, а шому, ако не имѣетъ, сопровивляться.

Влад. Броневскій.

VII. САМОУБИЙЦА.

(изъ Ж. Ж. Руссо.)

Ты хочешь окончишь жизнь; но начиналъ ли ты ее? Или ты созданъ для одного бездѣйствія? Развѣ Небо не возлагаетъ на тебя еще при рожденіи обязанностей гражданина? Если ты въ шрудахъ провелъ день до самаго вечера, отдохни спокойно; но разсмотримъ швои занятія. Какой отчетъ дашь ты Вѣчному Правосудію въ препровожденіи швоего времени? Несчастнѣй! укажи мнѣ человека, кошорый бы могъ по испинѣ сказать: „я жилъ довольно!“, Желалъ бы я узнать ошъ него, какъ должно вести жизнь для приобрѣшенія права ее окончишь!

Ты изчисляешь злодѣянія человечества и говоришь: „вся наша жизнь одно бѣдствіе.“ — Но взгляни на порядокъ вещей — найдешь ли ты какія либо блага, не заключающія въ себѣ ужасныхъ золь? И можно ли судя по эшому, сказать, что нѣтъ во вселенной никакого блага, и можешь ли ты смѣшивашь су-

щественное зло съ случайнымъ спраданіемъ? Жизнь человѣка, обуреваемого спраспями, ничто: она подобна бречному шѣлу человѣческому, быспроизчающему; но дѣяшельная его жизнь вмѣспѣ и нравочушельна; она имѣетъ вліяніе на его бышіе; она состоитъ въ направленіи его воли ко всему доброму. Жизнь для злодѣя счаспливаго — одно бѣдспвіе; жизнь для добродѣшельнаго несчаспливца — испинное блаженспво; она не крапковременна; но ее можно назвашь испушеніемъ, съ небесъ ниспосылаемымъ, которое дѣлаетъ или счаспливою, или — злополучною. —

Ты упомленный жизнью, говоришь: „жизнь одно бѣдспвіе.“ Рано или поздно ты упѣшишься, скажешь: жизнь есть благость Провидѣнія — и скажешь справедливо, не углубляясь въ размышленія, ибо ничто не перемѣнишь, кромѣ тебя. Ишакъ перемѣнишь шеперь; зло единспвенно въ испорченной душѣ швоей, побѣди порочныя швои спраши, не сожигай швоего жилища для шого, чшобъ не прилагашь шрудовъ возобновляшь его. —

Что и нѣсколько десяшковъ лѣтъ для снисканія безсмертія? — заботы, удовольствія улепашаютъ, какъ быспрая тѣнь; жизнь протекаетъ въ одно мгновеніе: она сама по себѣ ничего не значить; вся драгоцѣнность оной состоить въ полезномъ ея употребленіи. Добродѣтель шокмо придаетъ ей величіе и славу. Не говори же болѣе, что жизнь для тебя есть зло; несчастіе зависишь отъ тебя самаго; не говори что ты можешь умереть: вмѣстѣ съ эшимъ осмѣлишься сказать, что ты въ состояніи не бышь человѣкомъ и дерзнешь вооружаться противъ Всемогущаго, нѣжнаго Отца швоего, дерзнешь помрачать высокое свое предназначеніе.

Самоубійство есть смерть поспыдная, шайное похищеніе у человѣчества. Прежде, нежели его осшавишь, воздай ему долгъ швоей благодарности. „Но меня ничто не удерживаетъ; я бесполезень для общества.“ Ничтожный мудрецъ! или не знаешь, что ты не долженъ дѣлать ни одного шага безъ исполненія какихъ либо обязанностей, что каждый смершнй полезень для человѣчества своимъ существованіемъ.

Безразсудный юноша! если во глубинѣ своего сердца заискрится малѣйшая искра добродѣтели, приходи ко мнѣ, да научу тебя полюбить жизнь. Всякой разъ, когда будешь выходить изъ своего жилища, скажи самъ себѣ: „сдѣлаю еще одно доброе дѣло прежде смерти моей“ и тогда облегчай участь несчастныхъ, помогай бѣднымъ, защищай угнѣвленныхъ. Если это наставленіе удержишь тебя нынѣ, оно уклонитъ отъ тебя роковой ударъ судьбы завтра и во всю жизнь твою. Но если сей спасительный урокъ не удержишь себя, то умри: ты.... злодѣй! —

Москва.

Съ Франц. Н. С — нѣ

VIII. МЕДОРЪ

или: средство нравиться и пользоваться людьми.

Рожденный отъ бѣдныхъ родителей и въ званіи, мало уважаемомъ въ обществѣ, Медоръ одному себѣ обязанъ своимъ образованіемъ.

Съ пылкою душою, спремился онъ на поприще наукъ и скоро отличилъ себя отъ поварихей. Лишенный преимуществъ рода, онъ твердо рѣшился достигнуть уваженія чрезъ собственныя свои достоинства! Сколько трудностей!... безъ покровителей, безъ богатства!

Медоръ пылкій, съ образованнымъ и природнымъ обширнымъ умомъ, съ чувствомъ величайшаго самолюбія, не могъ уже оспариваться на мѣстѣ, судьбою ему назначенномъ; съ надеждою на будущее, съ увѣренностію въ личномъ достоинствѣ, имѣя въ памяти великихъ людей, отыскавшихъ спешю въ храмъ Славы и Фортуны, Медоръ началъ трудиться надъ созиданіемъ свое-

го счастья, и вошь какъ онъ принялся за дѣло.

„Знакомства необходимы“ — думалъ онъ — и познакомился со всѣми товарищами по ученью; многие изъ нихъ имѣли хорошее сословіе и ввели его въ свои семейства. — Чѣмъ пользоваться и сохранять знакомства, надобно нравиться... Но какъ? Гдѣ способы? Ихъ много... Вѣрнѣйшій — узнашь характеры и соображаешься съ оными. Медоръ такъ и сдѣлалъ: съ однимъ читалъ Библию, съ другимъ Спинозу; съ однимъ ѣздилъ по церквамъ и монастырямъ. — съ другими въ театръ и на гулянья; плакалъ съ чувствительными, смѣялся надо всемъ съ вольнодумцами — словомъ, съ каждымъ и дѣлалъ и говорилъ и мыслилъ то, что шло дѣлаешь, говоришь и мыслишь.

„Со всѣми соглашайся, не прошиворѣчь никому и льспи спрашивать каждого.“ Вошь правило Медора! Еслижъ случалось ему бывать въ обществѣ людей между собою несогласныхъ въ мнѣніяхъ, то онъ скромнымъ молчаніемъ держалъ сторону каждого; если требо-

вали его мнѣнія, Медоръ пошуплялъ глаза, и положивъ руку на сердце, признавался, что не можетъ ошвѣчать рѣшишельно — ошибаюсь есшь участь людей, а впрочемъ Пашонъ думалъ шакъ, Лейбницъ шакъ, Вольшеръ шакъ. — Всѣ съ восхищеніемъ слушали Медора, а Медоръ восхищался собою. Такимъ образомъ Медоръ шихонько прокрадывался въ общесшва, и гдѣ шолько ни былъ онъ приняшь, не могли имъ нахвалиться.

„Я понравился — думалъ Медоръ — шеперь надобно эшимъ воспользовашься“ и вошь какъ онъ воспользовался знакомсшвами. Богашому описывалъ свое бѣдное сосшояніе, разшрогивалъ словами, жесшами и засшавлялъ разшвязывать кошелекъ; случайному предшавлялъ свое ничшожество, предлагалъ покорнѣйшія услуги и просилъ покровишельсшва — словомъ, Медоръ, узнавши своихъ знакомыхъ, всѣмъ понравился — и всѣ заплашили дань его любезности.

Одно его беспокоило — и какъ камень лежало на сердць... Сосшояніе ошца.. — „Я гошовлю себя на блиспа-

шельную степень, а званіе отца моего укоряешь меня; хочу совершеннаго счастья, хочу самъ поправить ошибки случая и фортуны! Я принялъ въ хорошихъ домахъ, у меня спрашиваютъ иногда объ отцѣ, и я принужденъ говорить, что его уже нѣтъ на свѣтѣ! Поправимъ ошибку!“ Такъ говорилъ Медоръ и поправилъ ошибку судьбы, т. е. чрезъ покровителей опредѣлилъ спарика въ службу, скоро попомъ дослужилъ ему Офицерскій чинъ, и теперь, когда спросятъ его объ отцѣ, отвѣчаешь съ гордостью: „онъ служилъ въ. . . .“

„Надобно имѣть собственный уголь“ — думалъ Медоръ — и выстроилъ домикъ. — Вы удивляешься, желаешь знать какимъ образомъ бѣдный Медоръ могъ строиться? . . . А покровители? . . . О! Медоръ избралъ самое вѣрное средство нравиться и пользоваться людьми!

Благопріятство фортуны заставило Медора переменить немного тонъ въ обращеніи съ людьми. . . Съ покровителями онъ остался тѣмъ же бѣднякомъ, *добренькиль* Медоромъ; но съ

людьми, знакомство которых не приносило ему большой пользы, спалъ вольнѣе... осмѣливался уже спорить — но такъ осторожно, такъ умно, что тѣ признаваясь въ своихъ ошибкахъ, снова восхищались Медоромъ!... Въ случаѣ же малѣйшаго неудовольствія со стороны какого нибудь человѣка, онъ принималъ смиренный видъ и приносилъ торжественное раскаяніе. — „Еще не время!“ твердилъ Медоръ и подавлялъ свое честолюбіе и гордость.

Но нѣкоторые изъ пріятелей Медора скоро его проникли и разлюбили. Тѣ, которые хотѣли благороднымъ образомъ достигнуть почестей и славы, явно презирали Медора; тѣ, которыми онъ предлагалъ свою дружбу, скоро примѣнили его склонность *пользоваться* людьми и оставили его. Медоръ не нашелъ себѣ друга, но не перестаетъ искать его. — Твердость похвальная!

„Я знаю много дѣвушекъ — думалъ Медоръ — но еще не коротко знакомъ съ ними; можно поправить ошибку фортуны женильбою... Испышаемъ!“
Каждой дѣвушкѣ, имѣющей приданого

опъ двухъ сошь до пысячи душъ, началъ льспинь, услуживать, писать романсы... Успѣлъ ли въ этомъ Медоръ, не знаю — но онъ еще не женашь! *)

Между шѣмъ, чрезъ покровителей, Медоръ достигъ до средняго званія людей и шеперь съ чиномъ, съ достапкомъ. Онъ еще молодъ — запасъ надеждъ неисшощимъ — честолюбіе ужасное — средства къ доспигенію цѣли вѣрны. — Скажите, если Медоръ доспигнетъ ее, каковъ онъ будеть?

Л. Г.

13 Апрѣля 1817.

Зая... сб.

~~~~~

---

*) Желаю ему прекрасную, понятную и послушную жену: въ приданомъ нѣтъ нужды. Прил. Изд.

СМѢСЬ.

Анекдоты и разныя извѣстія.

Шериданъ ѣхаль въ Лондонъ, что бы при выборахъ въ Веспминстеръ собрать въ свою пользу голоса: Пауль (Paul) былъ тогда его соперникомъ. Въ почтовой коляскѣ вмѣстѣ съ Шериданомъ сидѣли двое избирателей. Между прочими разговорами одинъ изъ нихъ спросилъ другаго: за кого думаешь онъ подашь свой голосъ. „Разумѣется за Пауля — былъ ошесть послѣдняго. — Правда, что и онъ никуда не годится, но все же лучше бездѣльника Шеридана.“ — А знаете ли вы Шеридана? — „Нѣтъ, да не хочу и знать.“ — Симвъ разговоръ кончился. По приѣздѣ на станцію, гдѣ путешественники расположились завтракать, Шериданъ взялъ перваго изъ сихъ господъ подъ руку и ошедя въ сторону, спросилъ о имени учтиваго ихъ спутника. — „Онъ такой любезный человекъ, примолвилъ Шериданъ, какаго я съ роду не видываль и мнѣ бы весьма хотѣлось узнать, кто онъ такой?“ — Онъ называется Т. . . , ошевъчалъ шопъ, превосходный адвокатъ и живетъ въ Lincoln's Inn Field. — По окончаніи завтрака, путешественники сѣли опять въ коляску и отправились въ путь. Шериданъ, какъ будто неу-

мышленно, завелъ рѣчь о правовѣдцахъ. „Я не нахожу, сказалъ онъ, ничего лучше ихъ сословія. Юристъ имѣеть всегда случай показать свое дарованіе и можетъ занять со временемъ одно изъ первѣйшихъ мѣстъ въ Государствѣ. Многіе изъ нашихъ славныхъ государственныхъ людей были адвокатами. Впрочемъ не лѣзя не признаюсь, что и многіе негодяи носили на себѣ это званіе; но самый величайшій изъ негодяевъ—адвокатовъ былъ, есть и останется навсегда нѣкто Т. . . ., который живетъ въ Lincoln's Inn Field.“ — Эпо я самъ! — возразилъ его спутникъ. „А я Шериданъ!“ — отвѣчалъ ему Орапоръ. Адвокатъ понялъ шутку, подаль ему руку и сдѣлался вскорѣ самымъ жаркимъ заспунникомъ *бездѣльника* Шеридана!

Оберъ Священникъ Демель въ Беркшадтѣ, что въ Верхней Лузаціи, рассказываетъ слѣдующее:

„На границѣ между Саксоніею и Сайрейшомъ находишся село, называемое Эйхштъ, гдѣ съ самой Реформаціи, по есть съ 1545 до 1752 года, слѣдовательно въ продолженіе 207 лѣтъ, непрерывно сынъ наследовалъ отцу въ званіи Священника. Сія истинно почтенная фамилія, имѣвшая

большее право гордиться своими предками, чѣмъ многіе изъ дворянъ, называлась *Реб-гунб*. И послѣдній изъ сихъ Священниковъ имѣлъ сына, который однакоже сдѣлался лекаремъ, оставя превосходное, такъ ска-зашъ наслѣдственное назначеніе свое бытъ врачомъ душевнымъ. “

Генсборугъ (*Gainsborough*) снималъ портретъ съ Гаррика и никакъ не могъ его попра-фить. „Тфу пропасть! вскричалъ онъ на-конецъ съ досадою: вы поддѣлываетесь подъ всякія лица, а сами не имѣете никакаго.“

Случившійся въ Лондонѣ 2 Сентября 1666 года пожаръ былъ конечно единствен-ный въ своемъ родѣ и развѣ только пожаръ Москвы можетъ нѣсколько съ нимъ срав-ниться. Кромѣ 70 церквей и всѣхъ публич-ныхъ зданій, болѣе 10.000 домовъ сдѣлалось жервою пламени. Герцогъ Йоркскій, братъ Короля Карла II, положилъ наконецъ пре-дѣлъ неисповсыву грозной стихіи, велѣвъ нѣсколько домовъ взорвать на воздухъ поро-хомъ. — Сильный вѣтеръ и снисходитель-ность Лорда - Мера, который не хотѣлъ сломать ни одного дома безъ позволенія

хозяина, увеличили опустошеніе. — При семь заслуживаетъ бытъ упомянуто, что Докшора Правъ, жившіе въ Веспминстерѣ, не позволяли вынести имущество опсущствующихъ сочленовъ своихъ, не рѣшаясь сдѣлать прошивузаконный поступокъ, по естѣь разломать чужія двери.

Одинъ путешественникъ въ описаніи спранствія своего по южнымъ, западнымъ и сѣвернымъ провинціямъ Франціи въ 1807, 1809 и 1815 годахъ, рассказываетъ между прочимъ слѣдующій обычай, существующій при бракосочетаніи между Цыганами въ землѣ Басковъ. Женихъ беретъ глиняный горшокъ и въ присутствіи свидѣтелей разбиваетъ его у ногъ своей невѣсты. Потомъ черепки собираются и по числу ихъ опредѣляются лѣта брака, по естѣь: ежели на примѣръ черепковъ будетъ десять, то и бракъ заключается только на десять лѣтъ, а по испеченіи сего времени супруги могутъ опять разойтись. Если же они захотятъ жить долѣе, то у ногъ жены долженъ бытъ разбитъ другой горшокъ. Такимъ образомъ по степени *силы*, съ какою женихъ бросаетъ горшокъ, можно заключить и о степени *любви* его. Отъ руки истинно влюбленнаго горшокъ конечно разрешается на тысячу черепковъ! . . .

Тамъ же между проспымыъ народомъ ведется другой спранный обычай. Когда молодой человекъ хочеть женишься на дѣвушкѣ, то ущипываетъ ей руку и это значить: *я люблю тебя*. Если онъ ей по нраву, то она подходитъ и садится къ нему на колѣна; это значить: *и я люблю тебя*.

Въ Бордо, между проспымыъ народомъ, есть слѣдующее древнее обыкновеніе: женихъ взявъ съ собою двухъ пріятелей, изъ кошорыхъ каждый несетъ по кружкѣ вина, идееть въ полночь въ домъ родителей невѣсты, спучится и просить, чтобъ его впустили, въ чемъ никогда и не отказывается. Все сѣмейство вспаеть, дѣлають яичницу со шпекомъ, садяйтся за споль, ѣдятъ, пьютъ и рассказываютъ повѣсти о духахъ и привидѣніяхъ до самаго разсвѣта, не упоминая ни слова о причинѣ посѣщенія. Наконецъ, когда уже начнеть разсвѣпашь, невѣста вспаеть, приносить лакомства и въ эту мину спрѣшипья судьба жениха. — Если невѣста между прочими овощами, поставитъ на споль шарелку орѣховъ, то это значить совершенный отказъ и онъ не смѣеть уже болѣе приходишь. Такого несчастнаго любовника называютъ обыкновенно *орѣховымъ женихомъ*.

Во всѣхъ лучшихъ домахъ въ Бордо существовала прежде, а ошчаспи существуетъ и нынѣ столь смранный, столь и благородный обычай, а именно: какъ скоро поспавашъ въ комнашъ сполы для карточной игры; то слуга приноситъ нѣсколько мѣшковъ съ золошыми и серебряными деньгами, пакже чернилницу, перо и бумагу и кладешъ все это на особенный споливъ. Когда кто изъ гостей проиграешъ всѣ свои деньги, то подходитъ къ мѣшку, беретъ ошшуда, сколько ему угодно, записываетъ взяшую имъ сумму на бумажку и кладешъ оную въ мѣшокъ, изъ кошораго взялъ, а на другое утро, или въ пошъ же еще самый день, если счастье ему поблагонрїашсшвуешъ, выкупаетъ свою росписку. — Какая благородная довѣренность со стороны хозяина и какъ велика честность жителей столь большаго города!

Бенсерадъ, оскорбившїй нѣкогда саширою Герцга Епернонъ, былъ по приказанїю его жестоко за то наказанъ. Спустя нѣсколько дней послѣ того явился онъ ко двору, и по причинѣ слабости своей ошъ полученныхъ имъ побоевъ, принужденъ былъ ходить съ помощїю палки. Одинъ оспракъ, знавшїй происшествїе, рассказаль о томъ

пошихоньку Королевъ, которая нарочно спросила Бенсерада: не боленъ ли онъ подагрой? — Такъ точно, Ваше Величество, ошвѣчалъ Саширикъ, и потому долженъ хотишь съ палкою.—Нѣтъ, Ваше Величество, подхватилъ колкій Бошюръ (Beautur), Бенсерадъ по скромности своей скрываетъ истину: онъ подобенъ шецерь мученикамъ, которыхъ обыкновенно изображаютъ съ орудіями ихъ сраданій.“

При представленіи одной изъ Оперъ, положенныхъ на музыку Г. Гретри, сей послѣдній былъ представлень Ж. Ж. Руссо, который привѣщспвоваль его слѣдующимъ образомъ: „какъ я радъ, что васъ вижу! Давно уже сердце мое было зашеворено для споль нѣжныхъ чувствованій, какія музыка ваша въ немъ возбудила. Я долженъ познакомиться съ вами, Государь мой, или лучше сказать, я знаю уже васъ изъ вашихъ твореній; но хотѣлъ бы бытъ вашимъ другомъ. Женаты ли вы?“ — Женаты — „Не принадлежишь ли супруга ваша къ числу такъ называемыхъ остроумныхъ женщинъ?“ — Нѣтъ. — „Я это думалъ!“ — Она не говоришь никогда того, чего не чувствуешь и просняя природа есть ея пушеводительница. — „Я это думалъ. О! я

люблю артистовъ: они дѣши природы. Желая познакомиться съ вашею супругою, хочу видѣть ее какъ можно чаще.“ — До окончанія представленія Гретри и не отходилъ отъ Жанъ-Жака и сей послѣдній часто пожималъ у него руку. Изъ театра оба пошли вмѣстѣ. На улицѣ Руссо хотѣлъ перебраться чрезъ кучу камней, которые мостильщики тамъ оставили. Гретри взялъ его за руку и просилъ идти осторожно; но Руссо выхватилъ у него руку и сказалъ съ неудовольствіемъ: „предоставьте меня собственнымъ моимъ силамъ.“ Мимо ѣдущія кареты разлучили ихъ. Каждый пошелъ своею дорогою и Гретри съ тѣхъ поръ не видалъ болѣе Философа.

Въ Англіи, какъ извѣстно, употребляющся для поѣздокъ за городъ длинныя, низкія на осьми колесахъ повозки, въ которыхъ могутъ помѣщаться шестнадцать человекъ, сидя другъ противъ друга. Дверцы въ оныхъ сдѣланы сзади, обыкновеніе шѣмъ болѣе заслуживающее подражаніе, что оно есть единственный способъ избѣжать опасности, когда лошади взбѣсятся. — Повозки сіи, при самомъ началѣ употребленія оныхъ, заслужили всеобщее одобреніе и почти всегда были наполнены людьми. Какой-то Лон-

донскій шрапширцикъ, желая воспользоваться симъ изобрѣпеніемъ, сдѣлалъ для себя одну такую повозку и положилъ цѣну за провозъ въ половину дешевле, нежели сколько бралъ содержатель оныхъ, съ тѣмъ что бы подорвать его. Сей послѣдній съ такимъ же намѣреніемъ убавилъ цѣну до того, что собираемыя имъ за провозъ деньги не доставали на издержки, сколько нужно было на содержаніе повозокъ. — Что же сдѣлалъ шрапширцикъ? — Онъ началъ возить даромъ. — Ну! и такимъ образомъ споръ ихъ кончился? — Ничего не бывало! Первый содержатель повозокъ удержалъ за собою поле сей странной бисвы — онъ не только спалъ возить даромъ, но и давалъ еще сѣдокамъ своимъ по бутылкѣ поршвейна.

К. Ф.

(изъ разныхъ иностранныхъ Журналовъ.)

*Отвѣты на вопросы, предложенные
въ 7 книжкѣ Благоснамѣреннаго.*

16. *Что насѣ болѣе всего привязываетъ къ жизни?*

1. Спраспи. П.

2. Дѣши, если они добродѣтельны. Д.

---

17. *Кто можетъ назваться благополучнѣйшимъ теловѣкомъ?*

1. Тотъ, кто имѣетъ чистую совѣсть. А.

2. Сосѣдъ мой опсравной Прапорщикъ Оома Мишрофановичъ Дубининъ. Онъ очень богатъ, здоровъ и глупъ. Настоящій философъ! никогда ни о чемъ не думаешь, всегда весель и доволенъ собою! Н.

---

18. *Какимъ средствомъ можно прожить на свѣтѣ счастливо?*

1. Не желать многого, занимаешься полезными упражненіями, дѣлаешь добро по мѣрѣ силъ своихъ и твердо уповашъ на Бога. Д.

2. Вѣрою, Надеждою и Любовью. П.

---

19. *Кто изъ людей полезнѣе всѣхъ для ближняго?*

1. Человѣкъ богобоязненный. П.

2. По мнѣнію моему тотъ, кто до-

ствляешъ ближнему средство содержащъ себя общими своими трудами. Человѣкъ рожденъ для того, что бы прудился; отъ праздности происходящъ все пороки и неумѣстное благодѣяніе служилъ поводомъ ко злу. П.

---

20. Почему у насъ мало охотниковъ до чтенія книгъ, а особливо хорошихъ?

1. Потому, что хорошихъ книгъ мало, а худыхъ такъ много, что они испортили вкусъ читателей и отбили охоту отъ чтенія. П.

2. Потому что у насъ большая часть людей получаетъ одно только поверхностное воспитаніе *). П.

3. Потому что главнѣйшее занятіе людей нынѣшняго свѣта составляетъ игра въ карты. Д.

---

12. Кто лучше пишетъ стихи: Жуковскій или Батюшковъ?

Оба имѣютъ все то, что необходимо нужно для настоящаго Поэта: живое воображеніе, сильныя чувствованія и большую образованность; оба съ великимъ тщаніемъ обрабатываютъ свои стихи и немногіе,

---

*) См. въ 8 книжкѣ сего Журнала *Письмо къ Издателю и Отвѣтъ* на оное. (стр 218 — 223.)

весьма немногіе изъ лучшихъ нашихъ спихо-
шворцевъ могутъ сравниться съ ними въ
шрудномъ искусствѣ *версификаціи*. Но мнѣ
кажется, что одинъ изъ нихъ — не скажу
кто именно — имѣеть болѣе піипическаго
дара и силы; а другой болѣе вкуса и за-
мысловапости. Одинъ не всегда бываетъ
удаченъ въ *композиціи*, но всегда удиви-
теленъ въ *отдѣлкѣ*; другой и въ *компози-
ціи* и въ *отдѣлкѣ* равно превосходенъ. Мо-
жетъ быть я и ошибаюсь; но почему же
не сказать искренно своего мнѣнія?

Р. Ц.

Къ добрымъ людямъ.

Костромской Губерніи и Костромскаго Уѣзда въ усадьбѣ *Курганъ* живешъ добрая, благородная вдова Прапорщица *Дарья Абрамовна Шокорова* съ пятилѣтнею дочерью. Обѣ онѣ несчастливы: мать больна и бѣдна до крайности, а дочь — прекрасной, милой ребенокъ — ни теперь ни въ будущемъ не имѣешъ себѣ также вѣрнаго куска насущнаго хлѣба! — Говорить больше нѣчего: пусть *добрые люди* поговорятъ съ ними по своему; и *словомъ* и *дѣломъ* спасутъ сихъ несчастныхъ! — Желающіе помогашъ имъ могутъ *адресоваться*: Костромской же Губерніи въ городъ *Буй* на имя Ея Высокобл. *Марьи Ивановны Корсаковой*, надписывая на конвертѣ: *для доставленія бѣдной Шокоровой*. Гжа *Корсакова* просила меня, чтобъ я самъ попросилъ о помѣщеніи сего извѣстія въ нашихъ Журналахъ, что и исполняю съ большимъ моимъ усердіемъ. 29 Августа 1818.

Москва.

Михаилъ Макаровъ.

Н. В. Можно также адресовать и на мое имя: въ Москву, близъ *Никитскихъ воротъ*, у *Федора Студита*, въ собственномъ домѣ Его Высокобл. *Михайлу Николаевичу Макарову* для пересылки и проч.

Благотворенія.

Въ пользу опмшавнаго чиновника 14 класса Щелкунова, о которомъ объявлено въ VIII книжкѣ сего Журнала (стр. 255) получено Издашелемъ *Благонамѣреннаго* опъ неизвѣстной особы 19 ч. сего Сентября *пятьдесятъ* рублей. — *Доставлены.*

Конецъ третьей части.

(30 Сентября)